A 276/19
1905

А 276
19.

Л. Я. Штернбергъ.

ГИЛЯКИ.

Оттискъ изъ журнала „Этнографическое Обозрѣніе“,
кн. 60, 61 и 63.

32

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ.
Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1905.

Л. Я. Штернбергъ.

ГИЛЯКИ.

Оттискъ изъ журнала „Этнографическое Обозрѣніе“, кн. 60, 61 и 63.

ПОСТАВЩ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Т-во СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНОВСКІЙ ПЕР., СОБ. Д.
1905.

Дозволено цензурою. Москва, 27 апрѣля 1905 года.

2007088005

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Территорія. Изолированность въ лингвистическомъ отношеніи. Происхожденіе 1
II. Окружающій міръ. Типъ. Внѣшній бытъ. 11
III. Система родства. Нормы брака и вліяніе ихъ на семейно-родовой строй 21
IV. Нѣкоторые выводы изъ нормъ гиляцкаго брака 38
V. Религія гиляковъ 42
VI. Родъ 78
VII. Механизмъ рода 109
VIII. Междуродовыя отношенія 122

Гиляки[1]).

(Изъ сообщеній въ Географическомъ Обществѣ въ 1900—1 гг.).

I.

Территорія. — Изолированность въ лингвистическомъ отношеніи. — Происхожденіе.

Маленькое племя гиляковъ, численность котораго въ настоящее время не превышаетъ $4^1/_2$ тыс. душъ, разбросано на огромной территоріи всей сѣверной половины острова Сахалина и сосѣдняго материковаго побережья, почти равномѣрно распредѣляясь между этими обоими районами.

На Сахалинѣ они занимаютъ всю береговую линію западнаго берега отъ м. Сахъ-Котанъ до сѣверной оконечности, м. Маріи, затѣмъ на восточномъ берегу—отъ м. Левенштерна до м. Де-лал-Кройера, наконецъ, внутри острова они занимаютъ верхнее и среднее теченіе единственной значительной рѣки Сѣв. Сахалина, р. Тыми.

На югѣ Сахалина, въ низовьяхъ р. Пороная и по берегамъ залива Терпѣнія, среди чужеплеменныхъ имъ айновъ и ороковъ затерялось нѣсколько десятковъ представителей гиляцкаго племени, которые очень недавно только (за послѣдніе 30 лѣтъ) по случайнымъ причинамъ переселились въ чуждую имъ территорію.

На материкѣ гиляки занимаютъ оба берега низовьевъ Амура вплоть до сел. Гери, затѣмъ берега амурскаго лимана и морского побережья: къ сѣверу отъ устья Амура до р. Коль, а къ югу отъ него до рѣки Чомы. Самой сѣверной границей распро-

---

[1]) Авторъ, предполагая современемъ издать свои изслѣдованія о гиляхъ въ видѣ отдѣльной, обстоятельной монографіи, надѣется, что и въ этомъ краткомъ очеркѣ сообщаемыя имъ свѣдѣнія представятъ интересъ для интересующихся этнографіей. *Л. Ш.*

страненія гиляковъ можетъ считаться устье Тугура, куда, впрочемъ, только крайне рѣдко гиляки отправляются на промыслы, не имѣя тамъ постояннаго жительства.

Судя по тѣмъ немногимъ историческимъ даннымъ, которыя имѣются объ Амурскомъ краѣ, границы гиляцкой осѣдлости остались неизмѣнными втеченіе послѣднихъ $2^1/_2$ вѣковъ.

Наибольшая густота населенія обнаруживается въ раіонахъ наиболѣе обильныхъ рыбой, каковы: берега Амура и его лимана (селенія: Коль (196 чел.), Лянгръ (205), Вайды (184), Маго (154) и др.), на западномъ берегу Сахалина пункты: Тамла-во, Лыркры-во (144 ч.), Вискво (116), Ныуръ (103), Няни-во, и на Охотскомъ берегу: сел. Чай-во, Ный-во и др.

Границы гиляцкой территоріи въ высшей степени характерны. Стоитъ только взглянуть на этнографическую карту Пріамурскаго края, чтобы убѣдиться, что крошечное племя гиляковъ окружено со всѣхъ сторонъ сплошнымъ кольцомъ чуждыхъ ему народностей. На Сахалинѣ съ юга налегаютъ на него айны, племя нѣкогда столь многочисленное, что занимало весь японскій архипелагъ. На материкѣ со всѣхъ сторонъ понадвинулись къ нему представители великаго маньчжурскаго племени, тунгузскія народности: негда, ольчи (по моей терминологіи—амурскіе нани), гольды, орочи, самогиры, собственно тунгусы. И даже въ самое сердце гиляцкой осѣдлости, на восточномъ берегу Сахалина врѣзалось густой массой тунгусское племя ороковъ (по моей терминологіи—сахалинскіе нани).

Естественнѣе всего напрашивается мысль о племенномъ родствѣ гиляковъ либо съ айнами, либо съ ихъ тунгусскими сосѣдями. Наружное сходство въ значительной степени какъ будто подтверждаетъ эту мысль. Но мы увидимъ далѣе, что физіономическая близость этихъ племенъ ничего общаго не имѣетъ съ единствомъ ихъ происхожденія, между тѣмъ самый важный и б. м. единственный признакъ племенной общности, языкъ, даетъ въ данномъ случаѣ категорическое отрицательное показаніе. Языкъ гиляковъ не имѣетъ ничего общаго ни по своему лексикону и фонетикѣ, ни по грамматическому строю съ языками сосѣднихъ племенъ; да и на всемъ материкѣ Азіи мы не знаемъ пока ни одного языка, который могъ-бы претендовать на близость его съ гиляцкимъ.

Не одни гиляки находятся въ такомъ изолированномъ положеніи на сѣверо-востокѣ Азіи. Въ такомъ же положеніи находятся айны, юкагиры, чукчи, коряки. Ихъ даже пытались соединить въ одну общую группу палеазіатовъ (Шренкъ), но основаніе этой классификаціи—чисто внѣшняго характера, а именно: общее ихъ окраинное положеніе и вытекающая отсюда вѣроятность того, что эти нѣкогда многочисленные народы съ теченіемъ времени были частью истреблены, частью вытѣснены новѣйшими пришельцами изъ внутреннихъ частей материка на окраины Азіи. Но не вся надежда потеряна къ отысканію генетической близости между гиляками и другими племенами. Уже давно высказывались гипотезы объ общности происхожденія народностей тихо-океанскаго побережья Азіи съ племенами С.-Америки. Мои собственныя изслѣдованія языка гиляковъ убѣдили меня, что эта гипотеза можетъ найти въ концѣ концовъ полное подтвержденіе. Не говоря уже о близости въ *общемъ строѣ* языковъ гиляцкаго и многихъ американскихъ, каковы сліяніе мѣстоименій съ глаголами и именами, тенденція къ полисинтетизму, крайняя подвижность фонетическихъ измѣненій, типы удвоеній и т. д. и т. д., мы можемъ указать на такія сближенія въ частностяхъ, которыя чрезвычайно характерны. Такова, напр., общая имъ всѣмъ въ высшей степени своеобразная классовая система числительныхъ, по которой отдѣльные классы предметовъ комбинируются исключительно съ имъ однимъ только свойственными числительными, система, не имѣющая себѣ ничего подобнаго, насколько мнѣ извѣстно, ни въ одномъ изъ языковъ азіатскаго материка. ...Но все это задача будущаго, быть можетъ, очень близкаго.

Пока же не выяснены даже еще вопросъ болѣе легкій, вопросъ о древности позицій, занимаемыхъ въ настоящее время гиляками. Единственный до настоящаго времени авторитетъ въ этнологіи инородцевъ Пріамурскаго края, покойный академикъ Шренкъ, на основаніи трехъ заимствованныхъ гиляками у тунгусскихъ племенъ названій звѣрей, (лося, козули и барсука), водящихся въ низовьяхъ Амура и отсутствующихъ на Сахалинѣ, утверждалъ, что первоначальной родиной гиляковъ былъ о. Сахалинъ и что, во всякомъ случаѣ, нынѣшніе материковые гиляки являются потомками переселенцевъ съ Сахалина. Мнѣніе его основано на чи-

стомъ недоразумѣніи. Упомянутые три вида животныхъ въ дѣйствительности крайне рѣдко встрѣчаются въ территоріи гиляковъ на Амурѣ и, наоборотъ, очень часто въ территоріи ихъ тунгусскихъ сосѣдей: гольдовъ, ольчей, орочей, самогировъ, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что тунгусскія названія получили распространеніе у гиляковъ, но если даже, быть можетъ, во времена Шренка упомянутыя животныя нѣсколько чаще попадались тамъ, то это могло быть только дѣломъ простой случайности. Часто бываетъ, что экстраординарныя причины, вродѣ появленія новаго сильнаго врага, заставляютъ тѣхъ или иныхъ животныхъ спасаться бѣгствомъ въ отдаленныя отъ обычной ихъ территоріи мѣста; но такія явленія не доказываютъ еще, что новая территорія, на которой появились случайно эти животныя, была исконнымъ ихъ мѣстожительствомъ. А насколько, вообще, заключеніе Шренка убѣдительно, можно видѣть изъ того, что тигръ совсѣмъ не водится на Сахалинѣ и очень рѣдко заходитъ въ территорію гиляковъ на Амурѣ, и тѣмъ не менѣе гиляки, какъ сахалинскіе, такъ и амурскіе, имѣютъ для него свое собственное названіе „клунд“.

Все, наоборотъ, говоритъ за то, что на Сахалинѣ именно гиляки являются пришельцами, смѣнившими или вытѣснившими своихъ ближайшихъ предшественниковъ—айновъ. Начнемъ съ лингвистическихъ данныхъ. До сихъ поръ гиляки называютъ деревья и нѣкоторыхъ морскихъ животныхъ, отсутствующихъ на материкѣ, айнскими терминами, каковы нистань (кленъ), тарманъ (тиссъ), нугу-чепъ (морская свинка?) и другія. Далѣе, мы имѣемъ еще болѣе объективныя доказательства тому, что во всякомъ случаѣ не гиляки были древнѣйшими аборигенами острова. По всей территоріи гиляцкой осѣдлости на о. Сахалинѣ вплоть до сѣверныхъ окопечностей его встрѣчаются остатки древнихъ землянокъ въ видѣ круглыхъ, болѣе или менѣе обширныхъ ямъ, при раскопкѣ которыхъ я находилъ черепки горшковъ и орудія каменнаго вѣка. Эти ямки гиляки называютъ не иначе, какъ кугі-тулькч (айнскія ямки), названіе, довольно ясно указывающее на то, что первоначальными обитателями гиляки считаютъ айновъ. Находимыя въ этихъ ямкахъ орудія каменнаго вѣка и черепки гиляки принимаютъ за произведенія рукъ боговъ (черепки горшковъ, напр., считаются ими горшками небеснаго человѣка,

случайно уронившаго ихъ), между тѣмъ какъ извѣстно, что каменный вѣкъ на крайнемъ сѣверо- востокѣ Азіи не настолько отдаленъ отъ современной эпохи, чтобы гиляки, не будь они позднѣйшими пришельцами, не сохранили объ этомъ періодѣ самостоятельныхъ традицій. Интересно, что и айны, въ свою очередь, упорно отрекаются отъ этихъ древнихъ ямокъ, находимыхъ и на ихъ собственной территоріи на южномъ Сахалинѣ, приписывая ихъ другому народу, миѳическимъ т о н ь ч а м ъ. Черепки горшковъ, находимые въ этихъ землянкахъ, они, подобно гилякамъ, считаютъ чѣмъ-то божественнымъ и отличнымъ лѣкарствомъ, напримѣръ, отъ зубной боли. Въ дѣйствительности, эти ямки едва-ли могли принадлежать айнамъ или гилякамъ, потому что, еслибы и тѣ, и другіе нѣкогда были знакомы съ гончарнымъ искусствомъ, то они никогда и не потеряли бы его. Знай они когда-либо это искусство, оно отразилось-бы въ ихъ преданіяхъ, сохранившихъ еще болѣе древнее воспоминаніе о примитивномъ способѣ кипяченія воды посредствомъ раскаленныхъ камней.

По самой формѣ своей, по крупности размѣровъ, по необычному расположенію и приспособленности для самозащиты, эти ямки скорѣе напоминаютъ большія ямки эскимосовъ, чѣмъ современныя землянки гиляковъ и айновъ. Какъ бы тамъ ни было, гиляки, заставъ на Сахалинѣ айновъ, естественно должны были предположить, что эти древнія ямки принадлежатъ айнамъ, и гиляцкій терминъ к у г і-т у л ь к ч (аинскія ямки) съ достаточной убѣдительностью говоритъ за то, что не гиляки были аборигенами Сахалина.

Эти объективныя данныя о первобытныхъ обитателяхъ острова подтверждаются многочисленными легендами о кровавыхъ войнахъ пришельцевъ съ айнами, которыхъ, по образному выраженію гиляковъ, въ моментъ появленія послѣднихъ на островѣ, даже на Охотскомъ берегу, „какъ комаровъ“ много было.

Наконецъ, многіе роды гиляковъ на самомъ далекомъ сѣверѣ считаютъ своими предками айновъ, о которыхъ у нихъ сохранились самыя яркія и многочисленныя преданія, мною тщательно записанныя.

Итакъ, безспорно, что на Сахалинѣ гиляки являются сравнительно поздними пришельцами. Но есть много основаній думать, что и территорія, занимаемая нынѣ гиляками *на материкѣ*,

не можетъ считаться особенно древней, что, какъ это ни можетъ показаться страннымъ, въ нынѣшнюю территорію свою гиляки явились изъ болѣе сѣверныхъ странъ, болѣе близкихъ къ арктической полосѣ. Дѣйствительно, нѣкоторыя особенности гиляцкаго быта представляютъ яркое переживаніе періода пребыванія подъ болѣе холоднымъ небомъ. Самымъ типичнымъ доказательствомъ этого рода является переживаніе, касающееся ихъ зимняго жилища—землянки. Гиляцкая землянка устроена по пути камчадальской. Но въ то время какъ въ камчадальской юртѣ, въ виду суровости арктической зимы, двери не имѣется, и роль послѣдней играетъ дымовое отверстіе, у гиляковъ, благодаря сравнительно меньшей суровости зимы, землянка имѣетъ уже сѣни, изъ которыхъ низкая выдвижная дверь ведетъ въ юрту.

Между тѣмъ бываетъ моментъ, когда дымовое отверстіе въ гиляцкой юртѣ вновь играетъ роль двери, какъ у камчадаловъ. Это именно въ дни медвѣжьяго праздника, когда оживаютъ изъ тьмы тысячелѣтій отдаленнѣйшіе отголоски глубочайшей древности, когда съ благоговѣйной строгостью соблюдается ритуалъ, не измѣнявшійся въ теченіе десятковъ вѣковъ. Тогда возрождается воспоминаніе о дымовомъ отверстіи, служившемъ нѣкогда единственнымъ входомъ въ юрту: *черезъ это отверстіе*, по специально для этого случая вставляемому шесту, спускается гилякъ со шкурой и мясомъ убитаго на праздникѣ медвѣдя. Черезъ дымовое же отверстіе, по окончаніи праздника, всѣ ритуальныя принадлежности, равно какъ и кости медвѣдя, выносятся изъ юрты. Нарушеніе этого обряда считается величайшимъ грѣхомъ. Тѣ гиляки, которые перепяли маньчжурскую юрту, гдѣ дымового отверстія вовсе нѣтъ, вынуждены въ дни празднества, несмотря на февральскую стужу, отрывать свои окна изъ рыбьей кожи, чтобы этимъ экстраординарнымъ путемъ внести и вынести священныя реликвіи и этимъ хоть приблизительно исполнить древній обрядъ. Что указанный нами фактъ есть дѣйствительное *бытовое переживаніе*, ярко доказывается тѣмъ, что самыя понятія „входить“ и „выходить“ изъ юрты выражаются по гиляцки словами, буквально означающими „нырнуть“ и „вынырнуть“ (кузінд и дугынд), что вполнѣ соотвѣтствуетъ способу входа и выхода черезъ дымовое отверстіе.

О другихъ сторонахъ арктическаго быта я сейчасъ распро-

страняться не буду. Упомяну только о томъ замѣчательномъ фактѣ, что ѣзда на собакахъ (ее мы встрѣчаемъ у юкагировъ, чукчей, эскимосовъ, алеутовъ, коряковъ, камчадаловъ), безспорно характерная особенность чисто арктическаго быта,—у инородцевъ Пріамурскаго края, айновъ, гольдовъ, орочей, заимствована отъ гиляковъ. Гиляцкій терминъ „ту"—нарты сталъ достояніемъ какъ айновъ, такъ и тунгусскихъ племенъ. Пріоритетъ, такъ сказать, гиляковъ въ этомъ отношеніи ярко обнаруживается во всемъ. Айны и тунгусскія племена (гольды, орочи) переняли отъ гиляковъ не только терминъ и принципъ передвиженія на собакахъ, но и детали устройства нартъ, способы сидѣнія на нартахъ (верхомъ, съ ногами на лыжахъ по сторонамъ нартъ), запряжки собакъ и управленія ими. Замѣчательно, что у чукчей оленныхъ, у которыхъ собаководство сохранилось только въ преданіяхъ, до сихъ поръ сохранился гиляцкій способъ сидѣнія на нартахъ (верхомъ). Этотъ же способъ сидѣнія былъ въ обыкновеніи и у камчадаловъ.

Въ связи съ этой гипотезой интересно сопоставить слѣдующее, весьма распространенное преданіе.

Среди многочисленныхъ преданій, собранныхъ мною о происхожденіи гиляцкихъ родовъ, многократно встрѣчалось преданіе о томъ, что тотъ или иной родъ явился на Сахалинѣ на такъ называемомъ „h о в ы х"ѣ. Подъ „hовых"омъ же гиляки подразумѣваютъ все, несущееся по теченію рѣки или моря, главнымъ образомъ оторвавшіяся отъ берега глыбы суши или тундроваго торфа, также льдины, несущіяся по теченію морскому. Одинъ изъ такихъ hовых'овъ еще и теперь показываютъ на восточномъ берегу Сахалина въ заливѣ Ный-во, гдѣ онъ образовалъ крошечный островокъ противъ с. Тахр-во. На этомъ hовых'ѣ явилась будто бы часть рода, нынѣ живущаго въ с. Тангахъ на западномъ берегу. Передвиженіе на hовых'ѣ не представляетъ ничего невозможнаго. Нерѣдко случается, что во время весенней охоты на тюленей, внезапно поднявшійся ураганъ раздѣляетъ сомкнувшіяся льдины и уноситъ отдѣльныя глыбы вмѣстѣ съ застигнутыми на нихъ промышленниками въ открытое море, выбрасывая ихъ часто на берегъ, далеко отъ мѣста ихъ жительства. Нерѣдко также можно видѣть несущимися по морскимъ волнамъ оторванныя штормами отъ прибрежныхъ тундръ огром-

ныя глыбы торфа, на которыхъ могли бы помѣститься десятки людей.—У айновъ, во время междоусобій, когда у кого-нибудь являлась экстренная необходимость уйти отъ преслѣдованій, существовалъ обычай, по которому преслѣдуемый безстрашно переносилъ свою семью вмѣстѣ съ лодкой на случайно плывущій мимо „новых“, укрѣплялъ на немъ священный шестъ съ застружепными языками и предавалъ свою судьбу произволу вѣтра или теченія.

Теперь, если принять во вниманіе, что вдоль обоихъ береговъ Сахалина и материковаго побережья проходятъ теченія съ сѣвера, теченія, несущія льдины почти до іюля мѣсяца, то можно съ бо́льшимъ или меньшимъ вѣроятіемъ допустить, что легендарные Ньовых'ы могли служить тѣмъ естественнымъ путемъ, по которому отдѣльные искатели приключеній или изгнанники непередвигались съ сѣвера на югъ, и далѣе, не трудно уже представить себѣ, какъ постепенно эти передвиженія достигли крайнихъ южныхъ предѣловъ нынѣшней гиляцкой осѣдлости. Еще на нашихъ почти глазахъ, со временъ Миддендорфа, сѣверная граница постоянной осѣдлости гиляковъ спустилась съ устьевъ Тугура до устьевъ р. Коль.

Но не слѣдуетъ представлять себѣ, что переселеніе гиляковъ въ нынѣшнюю ихъ территорію—дѣло очень близкой намъ исторической эпохи. За послѣдніе $2^1/_2$ вѣка мы имѣемъ положительныя свѣдѣнія о неизмѣнности границъ гиляцкой территоріи, а преданія гиляковъ объ островѣ и материковомъ побережьи рисуютъ это племя совершенно сроднившимся съ его нынѣшней родиной, а такое сродство у первобытныхъ народовъ совершается долгимъ процессомъ многихъ и многихъ вѣковъ, быть можетъ, тысячелѣтій.

Не могу при этомъ случаѣ не упомянуть про одинъ характерный фактъ, такъ или иначе характеризующій способы мышленія самихъ гиляковъ въ вопросѣ о родствѣ ихъ съ другими племенами.

Во время пребыванія моего въ 1893 г. въ селеніи Лянгръ на небольшомъ островкѣ, лежащемъ противъ материковаго побережья, я разговорился съ однимъ старымъ гилякомъ, современникомъ Невельскаго и Орлова, первыхъ дѣятелей въ низовьяхъ Амура. И не мало я былъ изумленъ, когда во время бесѣды, вспоминая

дѣятелей Русско-американской компаніи, которымъ мой собесѣдникъ въ свое время оказывалъ услуги, онъ вдругъ замѣтилъ: „Однако, я такъ думаю, что гиляки и алеуты одной породы". Оказалось, что извѣстнаго моряка Орлова, служившаго въ Русско-американской компаніи, сопровождалъ алеутъ, съ которымъ моему гиляку приходилось помногу бесѣдовать; и вотъ, послѣ взаимныхъ разсказовъ объ обычаяхъ и образѣ жизни ихъ соплеменниковъ, между прочимъ о медвѣжьемъ праздникѣ, они оба вынесли заключеніе, что гиляки и алеуты—к а л ь-н я х р' (одинъ народъ). Конечно, подобныя примитивныя заключенія сами по себѣ не могутъ имѣть большого значенія для разрѣшенія вопроса, но, въ связи съ другими соображеніями объ арктическомъ происхожденіи гиляковъ, это наивное свидѣтельство гиляка является, во всякомъ случаѣ, характернымъ.

Такимъ образомъ языкъ, археологическія данныя, переживанія въ особенностяхъ быта, преданія, даютъ возможность нѣсколько приподнять завѣсу далекаго прошлаго гилякскаго племени. Зато чисто антропологическія данныя не могутъ играть никакой роли въ интересующемъ насъ вопросѣ. Въ антропологическомъ отношеніи гиляки меньше всего представляютъ что-либо оригинальное. Специфическаго типа гилякаго не существуетъ. Средній типъ гиляка представляетъ въ настоящее время комплексъ обыкновенныхъ, хотя нѣсколько смягченныхъ монгольскихъ чертъ съ отклоненіемъ, съ одной стороны, къ тунгусскому, съ другой—къ айнскому типу. Въ айнскомъ типѣ, какъ еще замѣтилъ Шренкъ, лицо болѣе или менѣе овальное, лобъ прямой, скуластость умѣренная, косоглазіе очень незначительное, или совсѣмъ отсутствуетъ, носъ болѣе или менѣе длинный, спинка носа съ выгибомъ, растительность на лицѣ обильная. Въ тунгусскомъ типѣ, наоборотъ, монгольскія черты выражены въ полной рѣзкости. Въ женскихъ типахъ тунгусскія черты преобладаютъ. Вотъ все, что даютъ намъ наблюденія надъ физическими особенностями гиляка. Между тѣмъ другіе факты и соображенія даютъ намъ полное основаніе думать, что древній типъ гиляка окончательно погибъ, потонувъ въ болѣе сильныхъ нѣдрахъ сосѣднихъ племенъ. Но это произошло не совсѣмъ обычнымъ путемъ, не путемъ постепенной метисизаціи съ сосѣдними племенами посредствомъ междуплеменныхъ браковъ, что было бы совсѣмъ

не такъ удивительно, а совершенно особеннымъ, крайне поучительнымъ образомъ.

Переписывая гиляковъ, я тщательно собиралъ свѣдѣнія и преданія о происхожденіи каждаго рода въ отдѣльности. Изученіе этихъ данныхъ привело меня къ странному выводу, что основателями громаднаго большинства нынѣ существующихъ родовъ были не гиляки, а представители сосѣднихъ племенъ. Какъ это могло произойти? Это обычное явленіе и теперь, что отдѣльныя личности по тѣмъ или другимъ причинамъ покидаютъ свое родное племя и, убѣгая отъ преслѣдованій или неудачъ на родинѣ, ищутъ убѣжища среди сосѣдняго чуждаго племени... Здѣсь они находятъ традиціонное гостепріимство, осѣдаютъ, женятся (обыкновенно на вдовѣ) и этимъ самымъ адоптируются въ тотъ или иной родъ, принимая, естественно, языкъ и обычаи пріютившаго ихъ племени. Потомство этихъ пришельцевъ образуетъ обыкновенно либо самостоятельные роды, либо особыя вѣтви принявшихъ ихъ родовъ. И вотъ исторія гиляцкихъ родовъ показываетъ, что эти роды пришельцевъ или вѣтви родовъ, основанныхъ ими, съ теченіемъ времени, неизмѣнно увеличивались въ своемъ составѣ и стойко выживали, между тѣмъ какъ старые роды или старѣйшія вѣтви рода хирѣли и въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній вымирали. Самое сочные, цвѣтущіе и многочисленные роды—потомки именно пришельцевъ. Лежитъ ли тутъ причина въ томъ, что пришельцы и изгнанники представляютъ естественный подборъ исключительно энергичныхъ и жизнеспособныхъ индивидовъ, или это результатъ скрещиванія, но фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію; я встрѣчался съ нимъ не у однихъ гиляковъ.

И въ результатѣ переписи гиляковъ я съ недоумѣніемъ спрашивалъ себя: если на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ неизмѣнно происходилъ притокъ свѣжихъ иноплеменныхъ элементовъ, притокъ, усугубленный покупкой женъ и невольницъ у айновъ и гольдовъ, и если, при этомъ, пришельцы плодились и размножались, а коренные вырождались и вымирали, то что же осталось отъ коренного типа первоначальнаго гиляцкаго племени? Да, этотъ первоначальный типъ исчезъ безвозвратно. Тѣло гиляцкаго племени умерло навсегда, но духъ его живъ, живъ въ его языкѣ, языкѣ, который, какъ мы сказали, стоитъ совершенно одиноко среди сонма языковъ азіатскаго материка, и въ его своеобразныхъ

обычаяхъ и учрежденіяхъ, которые пережили наряду съ языкомъ всѣ превратности его физическихъ превращеній. Стойкое сохраненіе языка поразительно. Онъ не только уберегъ себя отъ искаженія иноплеменными корнями и формами, но сохранилъ, при ничтожномъ составѣ племени, два большихъ діалекта и не менѣе 5 — 6 поддіалектовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что было время, когда на гиляцкомъ языкѣ говорили многіе десятки, быть можетъ, сотни тысячъ индивидовъ, разбросанныхъ по обширной территоріи и оставившихъ намъ въ доказательство своего существованія многочисленные свои идіомы.

Но не только языкъ гиляцкаго племени продолжаетъ свидѣтельствовать объ изолированномъ положеніи его среди окружающихъ народностей; объ этомъ ярко свидѣтельствуютъ и его соціальныя учрежденія, родовая организація, религія и, въ особенности, институтъ брака, удивительно своеобразныя нормы полового общенія и столь же удивительная родственная номенклатура. Но прежде чѣмъ перейти къ этой сторонѣ жизни, мы въ самыхъ краткихъ чертахъ коснемся внѣшнихъ условій жизни, окружающей природы и наружнаго облика гиляковъ.

II.

Окружающій міръ.—Типъ.—Внѣшній бытъ.

Природа, среди которой живутъ въ настоящее время эти люди, полна величайшихъ контрастовъ. Несмотря на южныя широты (между 46° и $54^1/_2{}^0$ с. ш.) средняя годовая температура въ нѣкоторыхъ мѣстахъ падаетъ до—$1,_2{}^0$. Замерзаніе ртути внутри острова обыкновенное явленіе. Даже въ іюлѣ бываютъ minimum'ы въ $7,_7{}^0$. У сѣверныхъ береговъ Сахалина и на восточномъ побережьи еще въ іюлѣ плаваютъ льды. На горахъ снѣгъ начинаетъ таять въ іюнѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ за цѣлое лѣто не успѣваетъ растаять. На уровнѣ моря нерѣдко встрѣчается вѣчный ледъ. Въ 1893 г. я совершенно случайно нашелъ на маленькомъ островкѣ, противъ с. Виск-во, подъ тонкимъ слоемъ песку, на самомъ уровнѣ моря, огромную полосу вѣчнаго льда, напоминающаго по строенію и размѣрамъ огромный глетчеръ, который могъ быть занесенъ сюда холоднымъ теченіемъ

Зимой періодически цѣлыми днями свирѣпствуютъ сѣверо-западные ураганы, производящіе страшныя снѣжныя пурги. А лѣтомъ туманы, дожди... Мрачная страна! Субарктическая флора и даже болѣе южная флора возвышенныхъ мѣстъ смѣняется настоящей арктической въ низинахъ, открытыхъ вѣтрамъ и ледяному дыханію холодныхъ теченій. Суровостью своей климатъ этой страны обязанъ холодному теченію и опустошительнымъ сѣверо-западнымъ вѣтрамъ, которые съ силой урагана дуютъ съ періодической правильностью, побивая и охлаждая все на своемъ пути. Вотъ почему мѣста, защищенныя отъ этихъ вѣтровъ и суровыхъ морскихъ тумановъ, представляютъ разительный контрастъ съ низинами и открытыми мѣстами, по богатству флоры и мягкости пейзажа. Въ долинахъ, лежащихъ внутри острова или вообще защищенныхъ, вы встрѣчаете мягкіе пейзажи съ тополями, вязами, дубами, даже тиссами, грецкими орѣхами, богатѣйшимъ ковромъ цвѣтовъ, гигантскими спиреями, зонтичными и т. д., и на нѣкоторыхъ склонахъ даже виноградъ. По по сосѣдству съ vitis uvae Tunbergii вы встрѣтите Cembra pumilla и коверъ альпійской арктической флоры.

По рельефу о. Сахалинъ—почти сплошная горная страна съ меридіональными цѣпями, расходящимися безчисленными отрогами во всѣ стороны, образуя безконечную массу пиковъ, конусовъ, утесовъ и мысовъ. Не возвышаясь въ среднемъ болѣе, чѣмъ на 3000—4000 ф. надъ уровнемъ моря, горы эти, во многихъ мѣстахъ до поздняго лѣта покрытыя снѣгомъ, оказываютъ огромное охлаждающее дѣйствіе на климатъ страны. Причудливыя очертанія горъ, суровыхъ и мощныхъ, мысы и утесы, лобзаемые бурунами и обвѣваемые ураганами; дремучая тайга изъ ели и лиственницы, покрывающихъ всѣ возвышенныя мѣста, гдѣ бродятъ ихъ естественные обитатели—медвѣди; мощные вѣтры, творящіе адскія пурги и разрушительные ураганы; море, вѣчно бурное, кишащее великанами и морскими чудовищами, туманы и вѣчно обложенное свинцовыми тучами небо—вотъ тѣ окружающія условія, которыя могучими штрихами вписали свои черты въ психику и міровоззрѣніе гиляка, условія, которыя вмѣстѣ съ чертами суровости вписали черты бодрости и мужества въ душевный складъ обитателя сурового острова.

Изъ звѣрей, окружающихъ гиляка, наиболѣе важную роль играетъ медвѣдь, самое сильное и страшное животное его тайги. Въ главѣ о религіи я буду подробно говорить о вліяніи этого животнаго на всю религіозную психику гиляковъ. Теперь я хочу указать только на роль этого животнаго въ борьбѣ за существованіе туземцевъ. Еслибъ это животное было такъ же аггрессивно, какъ, напр., бенгальскіе тигры, то, при крайнемъ его изобиліи, первобытному человѣку почти невозможно было бы жить въ этихъ мѣстахъ. Но сѣверный медвѣдь отличается кротостью, кажущейся почти невѣроятной. Въ первые годы пребыванія моего на Сахалинѣ стада поселенцевъ паслись рядомъ съ медвѣдями, и поселенческія бабы не разъ во время собиранія ягодъ сталкивались бокъ о бокъ со своими косолапыми конкуррентами, и если медвѣдь въ этихъ случаяхъ велъ себя иногда не совсѣмъ по-джентльменски, то это выражалось лишь въ томъ, что онъ толкнетъ, бывало, бабу, если та случайно задѣла его котелкомъ или ведромъ. Во время моихъ путешествій мнѣ не разъ приходилось устраиваться на ночлегъ въ мѣстахъ, кишѣвшихъ медвѣдями, и не разъ приходилось, лежа въ палаткѣ, слышать тяжелые шаги Михайла Потапыча, полюбопытствовавшаго осмотрѣть нашъ таборъ...

О физическомъ типѣ гиляка я уже говорилъ кое-что. Общаго типа гиляцкаго не существуетъ. Онъ колеблется между рѣзкими монгольскими чертами тунгусскаго типа и благообразными смягченными чертами айнскаго типа. Поэтому-то такъ часто встрѣчаются среди гиляковъ субъекты, которыхъ трудно отличить отъ настоящихъ тунгусовъ, и въ то же время такіе, которые поражаютъ почти европейскими чертами. Послѣдніе, впрочемъ, встрѣчаются значительно рѣже. Только въ женщинахъ и дѣтяхъ монгольскія черты выражены особенно рѣзко.

Гиляки обыкновенно средняго роста (гораздо выше тунгусовъ), но попадаются и субъекты выше средняго; они коренасты, плотны, но никогда вы не встрѣтите среди нихъ тучныхъ. Голова пропорціонально большая: плато-брахо-цефалическій черепъ обросъ черными волосами, которые спускаются вдоль спины у мужчинъ одной косой, а у женщинъ двумя. Цвѣтъ лица смуглый, грязноватый. Въ молодости на лицѣ румянецъ кирпично-розоваго оттѣнка. Губы толстыя; зубы темно-желтаго цвѣта (отъ куренія). Окончности рукъ и ногъ поразительно маленькія.

Гиляковъ всегда рисовали угрюмыми, мрачными, нелюдимыми, и имъ противопоставляли всегда мягкое выраженіе лица айновъ. Я нахожу этотъ отзывъ несправедливымъ. Если въ гилякахъ есть черты угрюмости, то онѣ чисто внѣшняго происхожденія и вызваны справедливымъ недовѣріемъ къ иноземцамъ, причинившимъ имъ не мало зла. Я лично много сталкивался съ этимъ племенемъ и вынесъ убѣжденіе, что угрюмость гиляка чисто внѣшняго свойства. Подъ этой угрюмой внѣшностью скрывается мягкая натура, способная глубоко привязываться, быть экспансивной и довѣрчивой. Благодаря своей экспансивности гилякъ способенъ на быстрыя перемѣны настроенія. Угрюмое выраженіе лица, выведенное изъ сосредоточенности малѣйшимъ толчкомъ извнѣ, въ одинъ мигъ озаряется выраженіемъ самаго наивнаго добродушія или загорается страшнымъ огнемъ гнѣва. Гилякъ обыкновенно медлителенъ въ движеніяхъ, важенъ у себя дома, когда онъ разыгрываетъ роль хозяина, но суетливъ и дѣятеленъ въ моменты веселья и оживленія, когда рѣчь его льется бурнымъ потокомъ изъ переполненной груди.

Женщина на видъ болѣе угрюма, чѣмъ мущина. Вѣчно съ опущенными глазами, медленная въ движеніяхъ, она сразу производитъ впечатлѣніе запуганнаго существа. Но не такова она въ дѣйствительности. Стоитъ ей заговорить съ вами, и въ ея искусственно-мурлыкающемъ произношеніи, въ вкрадчиво-ласкающей интонаціи и тембрѣ голоса, въ ея улыбкѣ и плутоватомъ смѣющемся взглядѣ вы узнаете настоящую дочь Евы, для которой внѣшняя суровость лишь маска, скрывающая натуру, которая познаетъ страсти.

Зимняя одежда гиляковъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, состоитъ изъ шубы изъ собачьихъ шкуръ, мѣхомъ наружу, изъ такихъ же мѣховыхъ наголенниковъ и сапогъ изъ тюленьей кожи китайскаго покроя. Мущины, кромѣ того, носятъ юбки изъ тюленьей кожи, спускающіяся отъ пояса до колѣнъ, но не ради самоукрашенія, а для предохраненія шубы отъ истиранія и порчи при сидѣніи на льду, снѣгу и т. д. Зимній костюмъ очень эффектенъ. Затянутый въ таліи въ черную собачью шубу, на темномъ фонѣ которой мягко выдѣляется нѣжно-сѣрая юбка изъ шкуръ молодыхъ тюленей, въ сапогахъ съ узкими носками, изящно сшитыми, въ шапкѣ изъ лисьихъ лапокъ съ наушниками, въ мѣ-

ховыхъ перчаткахъ, закрывающихъ рукава, гиляк производитъ изящное молодцоватое впечатлѣніе.

Лѣтомъ національный костюмъ гиляка (нынѣ совсѣмъ выходящій изъ употребленія) составляетъ армякъ изъ рыбьихъ кожъ, отороченный по краямъ узорами. Въ послѣднее время въ ходу лѣтняя одежда изъ цвѣтной дабы или американской дрели. Женская лѣтняя одежда гораздо эффектнѣе: легкія развѣвающіяся платья изъ цвѣтныхъ привозныхъ матерій, преимущественно краснаго цвѣта, съ красивыми узорами по краямъ, обшитыя ракушками и побрякушками, позванивающими при малѣйшемъ движеніи. Только большіе, совсѣмъ не подходящіе къ росту и размѣрамъ ноги сапоги, туго набитые сѣномъ, замѣняющимъ чулки, портятъ легкость фигуры женщины, придавая ей тяжелый, неуклюжій видъ.

Теперь нѣсколько словъ о матеріальныхъ условіяхъ жизни гиляковъ. Замѣчательное дѣло! То самое условіе, которое оказываетъ столь фатальное дѣйствіе на природу Сахалина, именно, сѣверное холодное теченіе, это гибельное условіе создало возможность человѣческаго существованія въ этой суровой странѣ. Это оно приноситъ въ опредѣленные сезоны съ астрономической точностью тѣ сонмы лососей и другой ходовой рыбы, которые переполняютъ всѣ рѣки и рѣчки до такой степени, что возможно добывать рыбу въ любомъ количествѣ посредствомъ простой заостренной палки, способъ, къ которому мнѣ самому приходилось прибѣгать въ голодные промежутки своихъ путешествій. Это обиліе рыбы и легкость добыванія ея и объясняетъ намъ тотъ странный фактъ, что въ этой суровой странѣ возможно было существованіе первобытнаго человѣка въ очень отдаленное время, какъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ слѣды произведенныхъ раскопокъ. Дѣйствительно, и понынѣ эта ходовая рыба служитъ основой существованія гиляка и его единственныхъ домашнихъ животныхъ, собакъ. Наловленная и вывяленная на солнцѣ рыба десятками тысячъ штукъ складывается въ свайные амбары и въ буквальномъ смыслѣ слова замѣняетъ гиляку хлѣбъ въ теченіе долгой зимы. Свѣжая стаціонарная рыба, которую онъ ловитъ круглый годъ, является только дополненіемъ къ этому хлѣбу насущному изъ консервовъ лосося. Несмѣтныя стаи ходовой рыбы питаютъ не одного гиляка.

За стаями рыбъ идутъ вслѣдъ не меньшія стаи всѣхъ видовъ ластоногихъ и китообразныхъ, гонялсь за обильнымъ кормомъ. Ластоногіе составляютъ второй послѣ рыбы источникъ пропитанія гиляка. Ранней весной, съ первыми признаками вскрытія льда, изголодавшійся инородецъ выходитъ промышлять тюленей, обрадовавшихся возможности подышать свѣжимъ воздухомъ на вскрывшихся льдинахъ.

Въ мѣстахъ удобныхъ промышляютъ этихъ животныхъ и круглое лѣто посредствомъ длиннѣйшей остроги, пускаемой съ лодки. Тюлени, кромѣ шкуръ, крайне необходимыхъ въ гиляцкомъ хозяйствѣ, даютъ еще запасы жира, который служитъ какъ приправой къ твердой юкалѣ, такъ и самостоятельнымъ пищевымъ продуктомъ, крайне важнымъ для жизни гиляка. Дѣйствіе жира на организмъ туземца поразительно. Вотъ исходъ зимы. Изголодавшійся гилякъ, если его не свалила цынга, еле бродитъ, но стоитъ только появиться тюленю, какъ онъ моментально преображается. Съ жадностью набрасывается онъ на вытопленный жиръ, пьетъ его во всѣхъ видахъ, съ чаемъ, съ рыбой и даже въ чистомъ видѣ, и черезъ нѣсколько дней онъ становится неузнаваемымъ: щеки дѣлаются розовыми, тѣло полнѣетъ и бодрость сказывается въ каждомъ его движеніи.

Осенью, послѣ окончанія хода рыбы, наступаетъ дѣятельный и веселый сезонъ охоты. Медвѣди въ изобиліи спускаются къ берегамъ рѣчекъ полакомиться лососемъ, и гилякъ подстерегаетъ ихъ ружьемъ и копьемъ. Каждый убитый медвѣдь—поводъ къ общественнымъ празднествамъ и торжествамъ. Не успѣлъ еще окончиться сезонъ рыбы и медвѣдя, какъ соболь одѣлся въ темную шкурку, и пора ловить его. Тутъ начинается устанавливаніе петель по переправамъ черезъ рѣчки и устройство западней. Это, быть можетъ, самый оригинальный сезонъ въ многосторонней годовой дѣятельности гиляка. На нѣсколько недѣль онъ уходитъ изъ дому, забирается къ своей наслѣдственной собольей рѣчкѣ караулить драгоцѣнныхъ звѣрьковъ. Днемъ онъ обходитъ свои ловушки и западни, попутно стрѣляя птицу и всякаго попадающагося звѣря, а на ночь забирается въ балаганчикъ. Въ этомъ балаганчикѣ приходится ему переживать тяжелыя минуты. Здѣсь, въ дикой тайгѣ, среди мрака ночи, безмолвія пустыни или гула пурги, одинокому дикарю, ютящемуся около своего

крошечнаго очага или тщетно пытающемуся согрѣться при температурѣ замерзанія ртути, всякій шорохъ, всякій странный звукъ, трескъ дерева, вой вѣтра, стонъ ночной птицы, наконецъ, галлюцинаціи его собственнаго напуганнаго воображенія, рисуютъ во всей ихъ страшной реальности всѣ ужасы гиляцкой демонологіи. Черти и людоѣды всѣхъ стихій въ образѣ гиляка являются къ нему, чтобы причинить ему гибель. А тутъ страшное изнуреніе послѣ трудовъ, недостатокъ провизіи—все это усугубляетъ ужасъ положенія, принося болѣзни, а нерѣдко и смерть. Но не одни ужасы и невзгоды сулитъ охота на соболя. Удачный ловъ, веселая компанія, торжественное возвращеніе домой съ добычей, разсказы о пережитомъ—все это съ избыткомъ вознаграждаетъ изстрадавшагося охотника. Но въ общемъ гилякъ не охотникъ. Охота съ собакой ему незнакома, рискованные поиски медвѣдей, до которыхъ тунгусы такіе охотники, не привлекаютъ гиляка. Онъ ихтіофагъ по преимуществу, и кто-то очень вѣрно выразился о немъ, что онъ живетъ frutti di mare.

Зимніе мѣсяцы самые веселые въ году. Запасы рыбы еще не истощились; на выручку съ добычи запасенъ чай, табакъ, рисъ и буда, о будущемъ же гилякъ мало заботится. Начинается безконечная ѣзда въ гости, слушаніе сказочниковъ по ночамъ, а съ февраля наступаютъ медвѣжьи праздники, самые радостные дни въ жизни гиляка. Но къ марту начинаютъ уже сказываться результаты зимней расточительности, и наступаютъ тяжелые дни голодовокъ, а иногда и цынги, уносящей десятки цвѣтущихъ жизней. Весной, съ тюленями и первой ходовой рыбой, корюшкой, селедкой, гилякъ опять оживаетъ, и въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ, въ ожиданіи осенняго лова, снова начинаются поѣздки въ гости и dolce far niente.

Заговоривъ о гостяхъ, не могу не упомянуть о своеобразномъ торжественномъ блюдѣ и излюбленномъ предметѣ угощенія у гиляковъ—такъ называемомъ „мось". Оно приготовляется изъ клейкаго отвара рыбьихъ кожъ, тюленьяго жира, ягодъ, рису, иногда съ прибавленіемъ накрошенной юкалы. Все это перемѣшивается и остуживается. Иногда для цвѣта и вкуса прибавляютъ къ смѣси растворъ бѣлой глины. Отваренныя рыбьи кожи безъ всякой брезгливости выжимаются въ корыто грязными руками гиляковъ, а крошенная юкала для большей пикантности

растирается зубами и вмѣстѣ со слюной выплевывается въ блюдо...

Внѣшняя обстановка гиляка крайне незатѣйлива. Только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, ближайшихъ къ Амуру, гиляки переняли типъ зимнихъ жилищъ маньчжурскаго типа, жилищъ, впрочемъ, тоже довольно примитивныхъ. По формѣ это—большіе сараи, сложенные изъ накатника, въ которыхъ на полу вдоль всѣхъ стѣнъ проложены огромныя каменныя или деревянныя, обмазанныя глиной трубы, соединенныя отверстіями съ топкой. Поверхъ трубъ настланы нары, постоянно согрѣваемыя тепломъ отъ трубъ. Дымъ ихъ печекъ выходитъ черезъ подземный ходъ въ высокую вертикальную трубу, подымающуюся прямо съ поверхности земли. Роль этой трубы, напоминающей въ миніатюрѣ наши фабричныя, играетъ дуплистое дерево. Посерединѣ юртъ—высокій четырехугольный помостъ, на который выпускаютъ своры собакъ, когда ихъ собираются кормить. Болѣе первобытная юрта—это землянка, наполовину сидящая въ землѣ и крытая сводомъ изъ накатника, обмазаннаго глиной и посыпаннаго землей. Входъ изъ сѣней—черезъ низкую дверь по нѣсколькимъ ступенькамъ. Въ серединѣ—очагъ, окруженный проходами между наръ; надъ очагомъ дымовое отверстіе. Зимой даже въ юртахъ перваго типа бываетъ иногда такъ холодно, что ртуть въ термометрѣ замерзаетъ, а при малѣйшемъ вѣтрѣ юрта наполняется дымомъ. Спятъ на нарахъ головой къ очагу на шкурахъ или ватныхъ подстилкахъ; подъ головой—валикообразныя подушки, набитыя волосомъ или перьями. Любимая поза гиляка—либо сидѣть по-турецки, либо валяться, растянувшись на нарѣ. Въ глубинѣ нары разставлены ящики съ драгоцѣнностями, китайскими шелками, халатами, дорогими копьями, мѣхами и прочими вещами, которыя играютъ роль въ торжественныя минуты жизни: когда справляютъ дорогого покойника въ далекій путь, въ селеніе мертвыхъ; когда снабжаютъ дочь приданымъ, отправляя ее въ домъ мужа; когда необходимо уплатить выкупъ по дѣламъ мести, либо заплатить калымъ за невѣсту, купленную для сына или брата и въ т. под. случаяхъ.

Лѣтнее жилище—шалашъ, прямо поставленный на землѣ или свайная постройка изъ накатника.

Оружіе гиляка составляетъ лукъ, уже начинающій, впрочемъ, выходить изъ употребленія, копье съ длиннымъ наконечникомъ,

часто украшеннымъ искусной серебряной инкрустаціей и, съ недавняго времени, ружье, съ которымъ онъ уже вполнѣ освоился. Кромѣ того заслуживаютъ упоминанія самострѣлы разныхъ видовъ и острога на морскихъ животныхъ, укрѣпляемая на длиннѣйшемъ, въ нѣсколько саженъ, составномъ древкѣ.

Средствами передвиженія служатъ зимой—нарты, лѣтомъ—лодки. Гиляцкія собачьи нарты—въ своемъ родѣ верхъ совершенства. Имѣя въ длину около сажени, въ вышину и въ ширину около фута, составленныя изъ тоненькихъ березовыхъ брусковъ съ легкимъ переплетомъ въ сидѣніи, онѣ такъ легки, что ихъ безъ всякаго труда поднимаешь одной рукой, и въ то же время настолько прочны, что выносятъ тяжесть въ 15—18 пудовъ; по эластичности и прочности съ ними можетъ поспорить развѣ только древняя камчадальская нарта.

Перевернутыя полозьями кверху, онѣ представляютъ форму приплюснутаго сегмента, касающагося земли самой малой частью своей поверхности. Благодаря малой поверхности тренія, онѣ очень легки на ходу, удобопереносимы въ трудныхъ мѣстахъ, а на укатанной дорогѣ и особенно по льду скользятъ, какъ лучшіе англійскіе коньки. Способъ управленія ими очень оригиналенъ. Ввиду ихъ крайне малой ширины онѣ очень неустойчивы и при малѣйшей неровности теряютъ равновѣсіе. Поэтому управляющій нартами сидитъ верхомъ на нихъ и держитъ ноги не на полозьяхъ, а на лыжахъ, которыя скользятъ вдоль нартъ. Разставляя и сдвигая лыжи, гилякъ измѣняетъ по мѣрѣ надобности центръ тяжести и придаетъ нартамъ устойчивость. На мѣстахъ болѣе или менѣе крутыхъ, гдѣ нартамъ приходится итти бокомъ, онъ удерживаетъ ихъ посредствомъ палокъ съ желѣзными наконечниками, втыкаемыми между полозьями и верхней перекладиной. Эти же палки служатъ тормазами при сильномъ разбѣгѣ. Собакъ ведетъ передовикъ, обыкновенно маленькое невзрачное существо, которое столько же слушается команды вожатаго, сколько собственнаго своего необыкновеннаго чутья. Въ минуту опасности, среди бушующей пурги, или поздней весной, среди разбившихся льдинъ, поверхъ которыхъ уже выступила вода, возчику остается только положиться на дивный инстинктъ своего преданнаго друга и раба. Хорошій передовикъ стоитъ отъ 30 до 50 руб., обыкновенныя ѣздовыя собаки отъ 3 до 8 руб. Въ

нарты богатаго человѣка запрягаютъ 12—13 собакъ, бѣдняки довольствуются 3—5-ю.

По типу нартъ построена и гиляцкая національная лодка-долбежка, изъ тополя. Она настолько легка, что мальчуганъ лѣтъ 10—12, единолично, безъ труда вытаскиваетъ ее на берегъ шаговъ на 100 и болѣе. Дно ея имѣетъ такую же сферически приплюснутую поверхность, какъ у нарты, благодаря чему сидитъ неглубоко и проходитъ въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ. Встрѣчая препятствіе въ видѣ мели или перешейка между лагунами, гилякъ легко ее переноситъ на себѣ и затѣмъ спускаетъ на воду.

Средства передвиженія играютъ огромную роль въ жизни нашего инородца. Гилякъ вообще полуосѣдлый человѣкъ. Лѣтомъ онъ живетъ обыкновенно близъ рѣки или моря, на зиму же переселяется подальше въ болѣе защищенныя мѣста, къ своимъ теплымъ зимникамъ.

Даже лѣтомъ, слѣдуя за рыбой, онъ мѣняетъ раза два-три свое мѣстожительство по теченію рѣки. Но кромѣ этихъ регулярныхъ перемѣнъ мѣстожительства, гиляку нуждается въ переѣздахъ и по многимъ другимъ причинамъ. Къ концу зимы, когда выходитъ кормъ, онъ отправляется въ далекое странствіе на своей нартѣ за покупной рыбой, а во многихъ мѣстахъ (напр., по Тыми) жители отправляются цѣлыми селеніями, за нѣсколько сотъ верстъ на берегъ моря, для весенней охоты на тюленей съ тѣмъ, чтобы, спустя полгода, вернуться къ осеннему ходу рыбы въ свои родныя мѣста. Но гиляку любитъ разъѣзжать и безъ серьезныхъ поводовъ. Ѣздить въ гости и принимать гостей, устраивать праздники и жить на людяхъ—высшее удовольствіе гиляка. Угрюмый и суровый въ одиночествѣ, онъ въ обществѣ преображается, становится игривымъ, веселымъ, болтливымъ.

На сѣверѣ, въ большихъ юртахъ маньчжурскаго типа живутъ зимой по 30—40 человѣкъ въ одной юртѣ. Тутъ есть гдѣ выработаться соціальности, которая и безъ того коренится въ условіяхъ общественнаго строя гиляковъ. Но тутъ мы должны оставить внѣшнюю сторону жизни гиляка и перейти къ внутреннему ея строю, съ своеобразными особенностями котораго я главнымъ образомъ имѣлъ въ виду познакомить читателей.

III.

Система родства. — Нормы брака и вліяніе ихъ на семейно-родовой строй.

Изъ всѣхъ особенностей гиляцкаго быта ничто такъ характерно не выдѣляетъ гиляковъ среди окружающихъ ихъ народностей, какъ классификаторская система родства и правила, регулирующія половыя отношенія и бракъ. Въ этомъ отношеніи гиляки стоятъ одинаково далеко какъ отъ своихъ южныхъ сосѣдей айновъ, такъ и отъ окружающихъ ихъ тунгусскихъ племенъ. Айны единственная народность Пріамурскаго края, у которой сохранились черты материнтета. Гиляцкая же семья и родъ— чисто патріархальныя учрежденія. Что касается тунгусскихъ племенъ, то хотя и у нихъ открыта мной классификаторская система родства и черты группового брака, аналогичныя съ открытыми мною же въ 1891 г. у гиляковъ, но внимательное сравненіе этого института у тунгусскихъ племенъ и у гиляковъ приводятъ къ заключенію, что они принадлежатъ къ совершенно различнымъ періодамъ эволюціи брака и, хотя они могли вліять другъ на друга, но въ основѣ своей принадлежатъ, выражаясь языкомъ геологіи, къ различнымъ формаціямъ. Достаточно сказать, что у тунгусскихъ племенъ допускается половое общеніе съ женами лицъ восходящихъ поколѣній, напр., съ женой младшаго брата отца, у гиляковъ же это считается кровосмѣшеніемъ.

Съ перваго взгляда институтъ гиляцкаго брака не представляетъ ничего особеннаго. Гилякъ покупаетъ обыкновенно одну, рѣдко 2—3 жены, которыя переходятъ въ его родъ и передъ свѣтомъ считаются его личными женами и матерями его дѣтей. Дѣти принадлежатъ исключительно отцу и наслѣдуютъ ему послѣ его смерти. Всякаго гилика, когда онъ дѣлается отцомъ, перестаютъ звать прежнимъ именемъ и величаютъ отцомъ родившагося ребенка. Исключительное обладаніе своими женами выражается въ строгомъ обычаѣ кровавой расправы съ нарушителемъ супружескаго счастья. Родъ основанъ на принципѣ агнатизма, бракъ экзогамный.

Можно объѣхать всю территорію гиляковъ, жить въ ихъ юртахъ, подолгу наблюдать семейную жизнь ихъ и не замѣчать въ строѣ

ихъ семьи ничего необычнаго. Въ большихъ зимнихъ юртахъ обитатели занимаютъ свои нары семьями, живущими каждая своими обособленными интересами. Между мужемъ, женой и ихъ дѣтьми царитъ полное согласіе и нѣжныя отношенія. Мало того. Нерѣдко можно встрѣтить случаи поразительной преданности и любви между супругами: когда одинъ изъ нихъ умираетъ, то другой нерѣдко налагаетъ на себя руки или умираетъ съ тоск и Словомъ, по всѣмъ видимостямъ, мы имѣемъ дѣло съ типомъ семьи, которую принято называть патріархальной. Но не такова она въ дѣйствительности. Прежде всего васъ поражаетъ странная родственная номенклатура. Цѣлая группа женщинъ зоветъ цѣлую группу мужчинъ своими мужьями (пу, івн), и эти послѣдніе зовутъ ихъ своими женами (аѝґеј). Точно также цѣлая группа мужчинъ зоветъ группу женщинъ своими матерями (ымк) и группу мужчинъ—своими отцами (ытк), а эти—первыхъ своими дѣтьми.

Въ частности, какъ и у многихъ другихъ первобытныхъ племенъ, гилякъ зоветъ своей женой (аѝґеј) не только свою собственную жену, но и женъ своихъ старшихъ братьевъ всѣхъ степеней родства, также и всѣхъ сестеръ своей жены всѣхъ степеней родства, а онѣ, въ свою очередь, зовутъ его своимъ мужемъ (пу, івн). Дѣти ихъ зовутъ другъ друга братьями и сестрами (тувн, руф). Сверхъ того, гилякъ зоветъ своими женами уже отъ рожденія всѣхъ кузинъ по матери (дочерей братьевъ своей родной матери и братьевъ всѣхъ женщинъ, которыхъ онъ зоветъ ымк—мать). Матерью (ымк) гилякъ зоветъ не только свою родную мать, но и всѣхъ женъ братьевъ своего отца, родныхъ и агнатныхъ, а также и сестеръ этихъ женщинъ, а онѣ зовутъ его своимъ сыномъ. Соотвѣтственно этому онъ называетъ своимъ отцомъ (ытк) не только своего родного отца, но и братьевъ отца, причемъ у нѣкоторыхъ родовъ терминъ отецъ примѣняется ко *всѣмъ*, старшимъ и младшимъ братьямъ (роднымъ и агнатнымъ) отца, у другихъ (у бо̀льшей части сахалинскихъ гиляковъ) —только къ братьямъ, младшимъ отца. Дѣти братьевъ по отношенію къ послѣднимъ считаются сыновьями и дочерьми. Еще страннѣе кажется то правило, по которому женщины называютъ сестрами женъ братьевъ мужа, а мужчины—матерями сестеръ тестя... Европеецъ съ удивленіемъ слушаетъ, какъ гиляцкій мальчуганъ зоветъ жену своего старшаго брата аѝґеј (жена), а она

его — муженекъ (ычіх, пу, івн) или какъ сплошь и рядомъ гилякъ говоритъ: „Я пойду къ своимъ отцамъ, матерямъ“, т.-е., къ братьямъ своего отца или къ сестрамъ матери, но при долгомъ наблюденіи настолько привыкаешь къ этому страннному явленію, что начинаешь считать его совершенно естественнымъ. Вопреки высказаннымъ въ недавнее время мнѣніямъ, что классификаторская система родства представляетъ собою одну только номенклатуру возрастовъ, я могу засвидѣтельствовать послѣ долгихъ годовъ наблюденій, что у гиляковъ номенклатура эта, основанная на строгомъ исчисленіи степеней родства, *вполнѣ соотвѣтствуетъ* нормамъ полового общенія. *Возрастъ не играетъ никакой роли:* въ одномъ и томъ же классѣ сплошь и рядомъ числятся глубокіе старики и юные подростки. Всѣ лица, связанныя между собою званіемъ айґеj и пу (мужъ и жена) дѣйствительно имѣютъ супружескія права другъ на друга, т.-е., не только имѣютъ право вступать между собою въ регулярные браки или имѣть половое общеніе до вступленія въ регулярный бракъ, но сохраняютъ права на половое общеніе и тогда, когда лица этихъ категорій состоятъ уже въ индивидуальномъ бракѣ. Состоя въ законномъ, такъ сказать, индивидуальномъ бракѣ, жена, въ то же время, пользуется правомъ негласно, т.-е. въ отсутствіе мужа, имѣть общеніе съ лицами изъ группы мужчинъ, которыхъ она зоветъ пу, івн (мужъ). Чаще всего, конечно, пользуются этимъ правомъ братья ея мужа, родные или болѣе отдаленныхъ степеней родства, живущіе съ нимъ въ одной деревнѣ; но и пришлые мужчины, часто совершенно незнакомые, случайно проѣхавшіе черезъ селеніе, если считаютъ себя, хотя бы по самому отдаленному родству, „пу“ данной женщины, свободно пользуются этимъ правомъ, разумѣется съ согласія женщины. Во время моихъ путешествій по Сахалину, мои спутники съ западнаго берега, явившись вмѣстѣ со мной въ отдаленное селеніе на восточномъ берегу, въ которомъ ни они, ни ихъ отцы никогда не бывали, но въ которомъ, по генеалогическимъ ихъ свѣдѣніямъ, проживала женщина категоріи айґеj, свободно осуществляли свои права, разумѣется, когда мужа въ юртѣ не было. Это явленіе совершенно тождественно съ тѣмъ, что разсказываютъ объ австралійскихъ крокахъ и кумитахъ, которые находятъ себѣ супружеское ложе вездѣ, даже въ самыхъ отдаленныхъ

пунктахъ своей территоріи, подъ условіемъ, чтобъ мужчины были куми, а прекрасныя незнакомки—кроки.

По характеру своему эти нормы полового общенія ближе всего подходятъ къ таковымъ же нормамъ у австралійскаго племени Dieri, у котораго упомянутые два вида полового общенія рѣзко оформлены терминами Noa и Piruari [1]). У нихъ каждая женщина состоитъ въ индивидуальномъ законномъ бракѣ съ однимъ мужчиной, и супруги называютъ другъ друга noa; но въ то же время она состоитъ въ групповомъ бракѣ съ цѣлой категоріей мужчинъ, которые великимъ совѣтомъ племени объявлены на это правоспособными. По отношенію къ этой группѣ она piruari и обратно. Такъ встрѣчаются тождественные институты брака между племенами, столь различными другъ отъ друга! Знаменитая Punulua family острововъ Гавай тоже находитъ полное сближеніе съ институтомъ гиляцкаго брака.

Правомѣрность группового полового общенія рельефно выражается въ томъ, что въ то время, какъ нарушеніе супружеской вѣрности съ лицомъ, не входящимъ въ группу „пу“, влечетъ за собою кровавую расправу съ соблазнителемъ, застигнутымъ in flagrante delicto, или, въ лучшемъ случаѣ, жестокую дуэль и выкупъ, для лицъ разрѣшенныхъ категорій оно не влечетъ никакого возмездія, вызывая только нѣкоторое раздраженіе, въ рѣдкихъ случаяхъ переселеніе соблазнителя въ другую юрту. Съ другой стороны, между лицами запрещенныхъ категорій половое общеніе встрѣчается, какъ крайне рѣдкое исключеніе.

Неоднократно я наблюдалъ даже случаи *регулярнаго* сожительства братьевъ съ общей женой, и между братьями царило полное согласіе. Мой первый учитель гиляцкаго языка, гилякъ селенія Танги, Гибелька, самый богатый и самый уважаемый гилякъ на всемъ Сахалинѣ, жилъ постоянно въ одной юртѣ съ своимъ младшимъ братомъ, Плеуномъ, и ни для кого не были тайной отношенія между этимъ послѣднимъ и женой старшаго брата. Дѣти ея съ одинаковой нѣжностью относились къ обоимъ отцамъ и пользовались со стороны этихъ послѣднихъ равной нѣжностью, и, когда умеръ Плеунъ, то все имущество его перешло къ этимъ

[1]) Australian Group relations by Howitt (Papers relating to Antropology contrib. to the Smitsonian institute, 1885 г.), pp. 12 s.

дѣтямъ, публично считавшимся дѣтьми Гибельки. Млеунъ былъ очень богатъ и могъ купить себѣ не одну жену, но онъ любилъ жену старшаго брата, который нисколько не протестовалъ противъ взаимности со стороны дорого стоившей ему супруги. Когда приходилось намекать Гибелькѣ на эти отношенія, то по его умному красивому лицу пробѣгало мимолетное облачко меланхоліи, но никогда я не видѣлъ и тѣни дурныхъ отношеній между братьями.

Гиляцкіе юноши часто недоумѣвали, почему я съ такимъ усердіемъ разспрашивалъ про эти страшныя для насъ, а для нихъ совершенно естественныя отношенія между женами и братьями ихъ мужей и съ удивленіемъ спрашивали: „Неужели у васъ, у русскихъ не такъ? Развѣ съ женой брата жить нельзя?“ И получивъ отрицательный отвѣтъ, тоскливо качали головой, говоря: „Однако, это очень худой законъ!“, и при этомъ съ недовѣріемъ посматривали другъ на друга.

Конечно, природа человѣческая вездѣ одна и та же: и у гиляка бываютъ припадки ревниваго обладанія, но по отношенію къ лицамъ разрѣшенныхъ категорій ревность никогда не выражается въ какой-нибудь рѣзкой мѣрѣ репрессіи: въ крайнихъ случаяхъ ревнующій братъ настоитъ на переселеніи соперника въ другой домъ или въ другую деревню.

Правомѣрное половое общеніе естественно породило общее легкое отношеніе къ вопросамъ цѣломудрія: найти мужчину или замужнюю женщину, не нарушающихъ своей взаимной вѣрности, конечно, очень трудно. Даже дѣвушки не особенно дорожатъ цѣломудріемъ, и только соображенія постороннято свойства заставляютъ родителей смотрѣть косо на фривольное поведеніе дочерей. Тутъ играетъ роль боязнь, что дочь свяжется съ неподходящимъ по имущественному положенію человѣкомъ и, кромѣ того, что родившійся ребенокъ окажется внѣ опредѣленнаго рода и его придется убить.

Но помимо этихъ соображеній нѣтъ нравственнаго запрета нарушенія цѣломудрія. И тѣмъ не менѣе сказать, что у гиляковъ царитъ половая распущенность и отсутствуетъ половая нравственность—было бы величайшей несправедливостью. Если подъ нравственностью понимать почтеніе извѣстнымъ, общепризнаннымъ въ данномъ обществѣ правиламъ, то гиляки отличаются

идеальной половой нравственностью, потому что по отношенію къ лицамъ, стоящимъ внѣ группового полового общенія, цѣломудренная стойкость прямо поразительна. Самая фривольная гиляцкая женщина никогда не позволитъ себѣ имѣть общеніе съ сородичемъ своего мужа, если онъ не категоріи ея *ну*, хотя бы соблазнитель былъ моложе ея мужа и нравился ей.

Воззрѣнія гиляка въ этомъ отношеніи настолько строги, что онъ переноситъ ихъ даже на міръ животныхъ: собакъ, уличенныхъ въ кровосмѣшеніи, убиваютъ, считая ихъ оборотнями.

О русскихъ женщинахъ, продающихъ себя за деньги, гиляцкія дамы говорятъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Эта строгая лойяльность по отношенію къ лицамъ запрещенныхъ категорій создала систему запрета бесѣдъ и шутокъ съ цѣлыми классами лицъ. Намъ, европейцамъ, даже трудно представить себѣ, что гилякъ или гилячка не имѣютъ права не только шутить, но и разговаривать ни со своими родными братьями и сестрами, ни даже съ братьями и сестрами самыхъ отдаленныхъ степеней родства, т. е., съ цѣлымъ классомъ тувн, потому что фамильярныя отношенія съ одной стороны могутъ вызвать половое общеніе въ запрещенныхъ степеняхъ, съ другой—легкія ссоры изъ ревности въ случаяхъ дозволительнаго общенія. По тѣмъ же мотивамъ у сахалинскихъ гиляковъ съ женами младшихъ братьевъ можно говорить, но не шутить, потому что съ ними половое общеніе запрещено, и, наоборотъ, съ женами старшихъ братьевъ и вообще съ группой айгеj (жена) можно говорить и шутить.

Благодаря запрету бесѣдъ съ категоріями близкихъ родственниковъ у гиляковъ отсутствуетъ обычай здороваться и прощаться при приходѣ и уходѣ.

До сихъ поръ я констатировалъ только факты. Но откуда же взялись эти странные факты? Чѣмъ объяснить эти сложныя и запутанныя нормы полового сожительства и не менѣе странную родственную номенклатуру? Если объяснимы до нѣкоторой степени взаимныя права братьевъ на своихъ женъ, то уже совершенно непонятными кажутся *права чыловька на замужнихъ се-*

сестръ своей собственной жены или замужнихъ сестеръ женъ своихъ братьевъ. Почему женщина называетъ сестрой не только свою дѣйствительную сестру, но и женъ братьевъ своего мужа? Почему сестру тестя мужчина называетъ своей матерью? Почему, напр., достаточно одному человѣку изъ рода А, положимъ, взять жену изъ совершенно чуждаго ему рода, чтобы для представителей этого послѣдняго всѣ женщины рода А стали запретными? Сложная и запутанная цѣпь этихъ фактовъ должна быть безспорно результатомъ одного простѣйшаго основного факта, *первоначальнаго типа* организаціи семьи и рода, типа, который вслѣдствіе превратностей родовой жизни гиляковъ, переселеній, вымираній, иммиграцій и т. п. причинъ, естественно долженъ былъ съ теченіемъ времени усложниться и потерять свою прежнюю простоту.

Ключемъ къ отысканію этого *первоначальнаго* типа служитъ та же родственная номенклатура, которая, безъ сомнѣнія, является живымъ отраженіемъ переживаемыхъ или пережитыхъ половыхъ нормъ.

Прежде всего ясно, что родственная номенклатура, по которой я, мужчина, называю сестеръ своего тестя матерями (ымк), а мой отецъ ихъ своими женами, въ то время какъ моя жена и жены моихъ братьевъ, родныхъ агнатныхъ, зовутъ другъ друга сестрами, можетъ выработаться только при такихъ условіяхъ, когда *всѣ* мои сородичи берутъ себѣ женъ исключительно *изъ одного общаго рода* и притомъ такъ, что каждое поколѣніе братьевъ всѣхъ степеней родства беретъ себѣ въ жены соотвѣтствующее поколѣніе женщинъ-сестеръ всѣхъ степеней родства. Тогда, дѣйствительно, сестры тестя будутъ женами моего отца и его братьевъ и, слѣдовательно, моими матерями, а моя жена и жены моихъ братьевъ будутъ другъ для друга сестрами. При такомъ порядкѣ браки между лицами восходящихъ и нисходящихъ поколѣній (дядей на племянницахъ) невозможны.

Но кто же тотъ родъ, изъ котораго всѣ мои сородичи обязательно должны были брать себѣ женъ? На это краснорѣчиво отвѣчаетъ намъ та деталь родственной номенклатуры, по которой я и мои сородичи моего поколѣнія, т. е. мои братья и кузены по мужской линіи называемъ уже *отъ рожденія* своими женами дочерей братьевъ нашихъ матерей, и, обратно, онѣ насъ называютъ

своими мужьями. Ихъ этого явствуетъ, что родъ, откуда произошла моя мать, т. е., родъ ея отца и ея братьевъ, есть тотъ родъ, откуда я и мои сородичи (матери сородичей моего поколѣнія—сестры моей матери) исключительно и обязательно должны брать себѣ женъ, притомъ, какъ я уже говорилъ, въ соотвѣтственныхъ поколѣніяхъ. Если мой отецъ и его братья взяли себѣ въ жены группу сестеръ опредѣленнаго рода, то я и мои братья должны жениться на дочеряхъ братьевъ этой группы сестеръ изъ того же рода. Но обмѣниваться женщинами, т. е., давать женщинъ въ тотъ родъ, откуда мой родъ беретъ женъ, воспрещается: всѣ женщины изъ моего рода должны въ свою очередь перейти въ третій родъ, родоначальницами котораго были сестры мужскихъ предковъ моего рода. Въ родственной терминологіи это ограниченіе ярко высказывается въ томъ, что дочь сестры моего отца я ужъ не называю женой (*ан̀ий*), а просто *навх*, и она меня зоветъ не мужемъ (*пу*, *іви*), а *атк*, *ахмальк*. Таковъ былъ типъ первобытнаго строя семьи и рода, возсозданный апріорно изъ родственной номенклатуры. Но не a priori пришелъ я къ своимъ заключеніямъ.

Несмотря на всѣ указанныя мною неблагопріятныя условія, смягчившія исключительное требованіе брака въ одномъ опредѣленномъ родѣ, старый принципъ продолжаетъ доминировать и по сей день. При первомъ же знакомствѣ съ бытомъ гиляковъ, не зная еще детально родственной номенклатуры, я былъ пораженъ упорнымъ стремленіемъ каждаго рода брать женъ преимущественно изъ одного опредѣленнаго рода, именно изъ *рода матери*. *П'фанд'ух умгу генедж урджра*—„тамъ, откуда ты произошелъ, т.-е. изъ рода своей матери, нужно брать женъ“ [1]); такъ поучали меня гиляки своей матримоніальной мудрости. Хотя теперь уже разрѣшается брать женъ и не изъ рода матери, но терминологія запечатлѣла навѣки на этой группѣ женщинъ старый запретъ: невѣсты *не* изъ рода матери носятъ названіе *йох*, т.-е., женщина, съ которой половое общеніе запрещено, (такъ, напр., старшіе братья, которымъ запрещено половое общеніе съ женами младшихъ, называютъ этихъ послѣднихъ *йох*), между тѣмъ какъ невѣ-

[1]) Интересна этимологія слова п'фанд'ух, составленнаго изъ ні (свой, твой)—пандф (родня матери)—ух (изъ). А пандф—отъ: пандынд—родиться.

сту изъ рода матери называютъ *анёj* (жена, всякая женщина, съ которой половое общеніе дозволяется). И дѣйствительно, излюбленной формой брака у гиляковъ и теперь является все-таки бракъ на дочери брата матери, родного (предпочтительно) или агнатнаго, но во всякомъ случаѣ сородича—„брата" этой послѣдней. Браки же съ дочерью сестры отца не допускаются. Въ предпочтеніи, оказываемомъ гиляками подобнымъ бракамъ, проглядываетъ почти религіозно-благоговѣйное отношеніе къ этому обычаю, который безспорно былъ нѣкогда общеобязательнымъ религіозно общественнымъ требованіемъ. Каждая женщина, лишь только у нея рождается сынъ, приступаетъ съ просьбами къ своему брату, если у него есть дочь, объ обрученіи ихъ дѣтей. Обрядъ обрученія состоитъ въ томъ, что ребенокъ-женихъ или его отецъ перевязываетъ ручку невѣсты ниткой изъ собачьяго волоса (символъ увода на собакахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отголосокъ тотемистическаго культа собаки). А когда невѣста подростаетъ, годамъ къ 5—6, часто еще раньше, она переходитъ въ домъ жениха, съ которымъ растетъ и воспитывается вмѣстѣ до наступленія періода зрѣлости, когда она фактически, безъ всякихъ обрядовъ, становится его женой. До какой степени силенъ еще и теперь принципъ обязательнаго брака исключительно съ женщинами изъ рода матери, видно изъ того, что, если хотя бы *одинъ* сородичъ изъ рода, положимъ, А, взялъ себѣ жену изъ совершенно *чуждаго* ему рода, Д., то этого совершенно достаточно, чтобы всѣ женщины перваго рода стали запретными для рода Д, потому что фактъ, хотя бы единичный перехода женщинъ изъ рода Д въ А обращаетъ первый (Д) какъ бы въ родъ матери, куда выходъ замужъ женщинъ изъ рода А запрещенъ. Но краснорѣчивѣе всего могутъ въ этомъ случаѣ свидѣтельствовать „числа". Во время переписи, спеціально произведенной мною для изученія строя гиляцкой семьи и рода, я съ первыхъ же дней былъ пораженъ обиліемъ замужнихъ (т.-е. чужеродныхъ) женщинъ въ каждомъ родѣ, называвшихъ себя „сестрами" и „тетками" и не по названію только, а дѣйствительно взятыхъ изъ *одного* рода, именно изъ того, откуда издревле данный родъ бралъ женщинъ (родъ „матери").

Если эта регламентація брака сохранилась въ такой мѣрѣ еще и теперь, несмотря на всѣ стоявшія по пути затрудненія,

о которыхъ мы говорили, то, безъ сомнѣнія, она первоначально была общеобязательной, и, если-бы даже въ современныхъ обычаяхъ исчезли всякіе слѣды ея, то достаточнымъ свидѣтельствомъ ея существованія остается донынѣ сохранившаяся во всей своей первобытности терминологія родства, съ необыкновенной объективностью возсоздавшая старый режимъ, ее породившій. Не трудно понять и raison d'être этого съ перваго взгляда страннаго и запутаннаго института.

Такая обязательная регламентація брака, какъ нельзя болѣе, согласовалась какъ съ основными принципами рода, такъ и съ индивидуальными чувствами отдѣльныхъ главъ семействъ. Родъ въ основѣ своей покоится на принципѣ кровнаго единства. Это единство въ агнатномъ родѣ наиболѣе идеально будетъ достигнуто, если всѣ жены агнатовъ будутъ взяты изъ одного рода близкаго по крови и, конечно, лучше всего изъ рода своей же родоначальницы. Этимъ не только удовлетворяется *формальный* принципъ единства крови, но утверждается столь важное въ глазахъ первобытнаго человѣка единство культа предковъ въ *общихъ* линіяхъ.

Если обратимся къ психологіи отдѣльныхъ членовъ рода, то она вполнѣ совпадаетъ съ родовой. Въ агнатномъ родѣ, гдѣ сыновья по общему правилу остаются въ родѣ, а женъ берутъ извнѣ, естественно, что каждая мать предпочитаетъ имѣть женой своего сына ближайшую себѣ по крови женщину и вмѣстѣ съ тѣмъ собрать въ своей семьѣ женщинъ изъ того рода, откуда она сама происходитъ. Но женить сына на дочери своей сестры она не можетъ, потому-что ея сестра—либо жена ея же мужа, либо его братьевъ, и дочь этой послѣдней, слѣдовательно, либо родная сестра, либо агнатная ея сына; остается только женить его на дочери брата, какъ это и установилось въ дѣйствительности. Для всей совокупности женщинъ рода получается та огромная выгода, что всѣ онѣ общаго происхожденія и чувствуютъ за собою солидарную защиту всего своего рода, откуда онѣ происходятъ.

Такой бракъ (сына на дочери брата матери) одинаково и въ интересахъ отца, который, такимъ образомъ, женитъ своего сына на кровной родственницѣ (пра-племянницѣ) своей матери. Такъ какъ сестра мужа, въ свою очередь, тоже желаетъ женить

своихъ сыновей на дочеряхъ своего брата, то выдавать дочерей за сыновей брата мать не можетъ и, такимъ образомъ, обмѣнный бракъ, т.-е. обмѣнъ женщинами между двумя такими семьями, былъ невозможенъ, равно какъ и бракъ внутри семьи.

До сихъ поръ мы разсматривали, такъ сказать, статику вопроса, теперь обратимся къ динамикѣ его. Посмотримъ, какъ изъ одного простѣйшаго начала съ неизбѣжной необходимостью, какъ изъ простого зерна выростаетъ могучее дерево, выросла спорная, запутанная ткань гиляцкаго брака и рода.

Зерномъ всей сложной системы регламентаціи гиляцкаго брака и рода и вмѣстѣ съ тѣмъ ключемъ къ пониманію ея является *единый* фактъ, именно, установившійся въ свое время принципъ, что мужчины обязательно женятся на дочеряхъ брата своей матери, иначе говоря, дочери въ каждой семьѣ принадлежатъ отъ рожденія сыновьямъ сестры отца. Какіе мотивы могли породить этотъ принципъ, объ этомъ мы уже кое-что говорили раньше. Во всякомъ случаѣ общеобязательность его гарантировалась, безъ сомнѣнія, какъ категорическій императивъ первобытной религіи.

Изъ этого простого правила логически вытекаетъ слѣдующее:

1) Разъ каждая мать по праву забираетъ для своихъ *сыновей* дочерей своего брата, то по тому же праву ея *дочери* обязательно должны уходить въ семью сестры ея мужа, иначе говоря, всякая женщина принадлежитъ своимъ двоюроднымъ братьямъ, сыновьямъ сестры отца. Поэтому женщина не можетъ выходить замужъ за сыновей брата матери и мужчина жениться на дочери сестры отца: обмѣниваться женщинами семьи брата и сестры не могутъ. Ясно, что запретъ этотъ ничего общаго не имѣетъ со страхомъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства, п. ч., дочь сестры моего отца находится по отношенію ко мнѣ въ такой же степени родства, какъ и дочь брата моей матери, между тѣмъ съ первой бракъ запрещенъ, со второй обязателенъ,—фактъ чрезвычайно важный для генезиса запретовъ въ близкихъ степеняхъ родства.

2) Разъ исключительно обязательны браки между дочерьми брата и сыновьями сестры, разъ первыя обязательно принадлежатъ вторымъ, то въ виду обычнаго количественнаго неравенства между лицами разныхъ половъ, въ виду такихъ, напримѣръ, возможностей, что у брата одна дочь, у сестры нѣсколько сыновей, или, наоборотъ, у брата нѣсколько дочерей, у сестры одинъ или два только сына, или что между рожденіемъ перваго сына и слѣдующихъ проходитъ большой промежутокъ времени, или, что еще болѣе усложняетъ вопросъ, у нѣсколькихъ сестеръ одинъ только братъ или у сестры нѣсколько братьевъ, естественно возникаютъ такія конъюнктуры: въ первомъ случаѣ нѣсколько братьевъ имѣютъ общую жену: во второмъ, либо одинъ обладаетъ нѣсколькими сестрами, либо двое братьевъ живутъ въ общемъ бракѣ съ группой сестеръ: въ третьемъ случаѣ младшій братъ, достигшій полового возраста въ то время, какъ его старшій братъ успѣлъ уже забрать всѣхъ своихъ кузинъ, долженъ обязательно имѣть супружескія права на женъ своихъ старшихъ братьевъ, наконецъ, въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, уже нѣсколько двоюродныхъ братьевъ будутъ имѣть общими женами дочерей брата своихъ матерей, либо нѣсколько братьевъ будутъ имѣть общими женами нѣсколькихъ двоюродныхъ сестеръ. Мы привели только простѣйшіе случаи, въ дѣйствительности дѣло происходитъ, конечно, еще сложнѣе. Такъ или иначе, такимъ образомъ совершенно неизбѣжно возникаетъ групповой бракъ братьевъ (родныхъ и дальнихъ) съ группой сестеръ (родныхъ и дальнихъ) и во всякомъ случаѣ безусловныя взаимныя супружескія права братьевъ всѣхъ степеней родства. Само собою разумѣется, что эти групповыя права послѣдовательно захватывали все больше и больше лицъ изъ болѣе дальнихъ степеней родства, потому что не всегда у матери имѣлись братья и не всегда у этихъ послѣднихъ имѣлись дочери и неизбѣжно приходилось брать женъ у братьевъ матери двоюродныхъ, троюродныхъ и т. д., и такимъ образомъ возросталъ союзъ лицъ, объединенныхъ общими правами групповаго брака.

Никакія превратности не уничтожили и до сихъ поръ этого групповаго принципа. Когда съ теченіемъ времени, вслѣдствіе вымиранія, разсѣянія родственныхъ семей, войнъ и т. п. причинъ, являлась необходимость прибѣгать къ бракамъ изъ чуждыхъ се-

мей, этотъ порядокъ, неудобный и самъ по себѣ, привелъ къ тому, что мы видимъ въ настоящее время, что мужчина является оффиціально признаннымъ мужемъ одной или нѣсколькихъ женщинъ, но вынужденъ раздѣлять это право либо со всѣми братьями (въ однихъ родахъ), либо (въ другихъ) только съ младшими, притомъ не только съ родными, но и *всѣми* агнатными братьями.

3) Такъ какъ въ каждой семьѣ сыновья обязательно вступаютъ въ бракъ съ дочерьми брата матери, а дочери съ сыновьями сестры отца, то изъ этого слѣдуетъ, что, со времени установленія этого порядка, все исходящее потомство каждой *пары* родоначальниковъ во всѣхъ линіяхъ ее ipso образуетъ замкнутую, запретную въ брачномъ отношеніи другъ для друга группу, экзогамный организмъ, *родъ*, и смотря по тому, уходятъ ли мужчины въ родъ жены или остаются въ своемъ собственномъ, получится либо родъ материнскій, либо—отцовскій.

Въ настоящее время у гиляковъ установился родъ отцовскій, агнатный.

4) Такой родъ покоится не только на отрицательной связи экзогамности, но и на драгоцѣнныхъ положительныхъ узахъ, на общихъ правахъ сородичей на женщинъ кровнаго рода своей родоначальницы, взаимныхъ правахъ групповаго брака и, наконецъ, на обязанности хранить своихъ женщинъ для рода, принявшаго сестеръ ихъ родоначальника.

Если принять во вниманіе, что брачныя регламентаціи у первобытныхъ народовъ, у которыхъ культъ предковъ и, слѣдовательно, кровныя узы, играютъ такую огромную роль, становятся религіозными императивами, то станетъ яснымъ, какъ прочно указанныя взаимныя права и обязанности цементируютъ родовой союзъ.

Въ частности, важнымъ цементомъ рода служитъ то, что всѣ пришлыя женщины (жены сородичей) взяты изъ одного рода и являются по отношенію другъ къ другу либо сестрами (родными и агнатными), либо тетками и племянницами. Что касается мужчинъ, сородичей, то въ каждомъ поколѣніи они представляютъ группу братьевъ (родныхъ и агнатныхъ), женатыхъ на группѣ сестеръ и кузинъ изъ рода ихъ матерей, т.-е., на своихъ же двоюродныхъ сестрахъ, по отношенію къ которымъ они обладаютъ взаимными супружескими правами.

Какія послѣдствія имѣетъ этотъ порядокъ для родственной номенклатуры, объ этомъ мы уже говорили.

5) *Родъ* такимъ образомъ не самодовлѣющій организмъ. Существованіе каждаго рода органически связано съ существованіемъ, по крайней мѣрѣ, еще двухъ кровно-родственныхъ съ нимъ родовъ, одного, кровнаго рода своей родоначальницы, откуда онъ беретъ себѣ женъ, и другого рода, принявшаго сестеръ родоначальника, куда онъ обязательно отдаетъ своихъ собственныхъ женщинъ.

Первый изъ послѣднихъ двухъ родовъ по отношенію къ третьему носитъ названіе *ахмальк* (тесть), второй *навх* или *ымрі* (зять). Всѣ три другъ для друга—*пандф* (когнаты) Такимъ образомъ каждый гилякъ—органическій членъ не только своего собственнаго, но тріединаго кровнаго трехродового союза, образующаго въ буквальномъ смыслѣ слова *фратріо* [1]), (фратрія—братство). Въ этомъ тройственномъ „братствѣ" *всѣ* мужчины и женщины въ каждомъ поколѣніи дѣйствительно братья и сестры (когнатные кузены и кузины, см. ниже).

Въ частности, по отношенію къ каждому члену даннаго рода каждая женщина второго рода либо его мать, либо жена, либо жена его сыновей и агнатныхъ племянниковъ, наоборотъ, въ третьемъ родѣ каждая женщина либо его сестра, либо дочь, либо сестра его отца. Таковы кровные узы членовъ фратріи!

Гиляцкую трехродовую фратрію можно представить въ видѣ слѣдующей схематической таблицы. (См. табл. стр. 35).

Анализируя эту таблицу, мы видимъ, что, 1) всѣ женщины въ родѣ А взяты по поколѣніямъ изъ В, значитъ мать Андрея сестра отца Василія, слѣдовательно, Андрей и Василій когнатные кузены. 2) Точно также въ родѣ В мать Василія — сестра отца Степана изъ рода С, слѣдовательно, Василій и Степанъ когнатные кузены, и 3) въ родѣ С мать Степана сестра отца Андрея изъ рода А, слѣдовательно, Степанъ и Андрей—когнатные кузены.

Такимъ образомъ, не только каждая пара супруговъ между собою—когнатные кузенъ и кузина, но и *родоначальники* каждаго

[1]) Гиляцкая фратрія не имѣетъ ничего общаго съ **морган овской**, ибо внутри ея взаимные браки не только допускаются, но и были обязательны.

Схематическая таблица гиляцкой фратріи изъ 3-хъ родовъ.

Родъ A (*Андреевы*).	**Родъ B** (*Васильевы*).	**Родъ C** (*Степановы*).
Андрей + Варвара (сестра Василія *изъ рода B*).	Василій + Софья (сестра Степана *изъ рода C*).	Степанъ + Анна (сестра Андрея *изъ рода A*).
Ихъ дѣти:	**Ихъ дѣти:**	**Ихъ дѣти:**
1) *сыновья* женятся на дочеряхъ брата матери, Василія, *изъ рода B*.	1) *сыновья* женятся на дочеряхъ брата матери, Степана, *изъ рода C*.	1) *сыновья* женятся на дочеряхъ брата матери, Андрея, *изъ рода A*.
2) *дочери* выходятъ замужъ за сыновей сестры отца, Анны, *въ родъ C*.	2) *дочери* выходятъ замужъ за сыновей сестры отца, Варвары, *въ родъ A*.	2) *дочери* выходятъ замужъ за сыновей сестры отца, Софьи, *въ родъ B*.

рода между собою когнатные кузены. Словомъ, основатели всѣхъ трехъ родовъ—близкіе кровные родственники, женатые на когнаткахъ той же степени родства, и каждое поколѣніе вступаетъ въ бракъ съ когнатами *той же степени родства*, какъ и его отцы и матери. Это яркій примѣръ того, какъ шатки термины экзогамный и эндогамный: экзогамность гиляцкаго рода не исключаетъ брака между близкими родственниками. Выходитъ такъ, что внутри всей фратріи царитъ эндогамія, каждая же вѣтвь ея экзогамна.

Такова первоначальная схема. Время и обстоятельства, эмиграція, вымираніе, разсѣяніе родовъ, случайный недостатокъ женщинъ въ родѣ матери и т. п. причины естественно вызвали, съ одной стороны, отступленія отъ этой системы, съ другой поправки, имѣющія цѣлью примиреніе старыхъ нормъ съ новыми требованіями жизни. Всѣ эти надстройки, если можно такъ выразиться, крайне запутали генсалогическія системы и брачныя

нормы, и, какъ это обыкновенно бываетъ, категорическій императивъ, ослабляясь въ одномъ отношеніи, становится еще болѣе распространительнымъ въ другомъ. Ослабло, въ силу внѣшнихъ условій, правило брать женъ непремѣнно изъ рода матерей, но за то получилъ самое распространительное толкованіе запретъ давать женъ въ тотъ родъ (хотя бы совершенно чужой), откуда кто-нибо, даже самый отдаленный сородичъ даннаго рода, взялъ себѣ жену (по презумпціи, что это родъ матери). Отсюда получилось слѣдующее.

Такъ какъ въ настоящее время не всегда оказывается возможнымъ всѣмъ сородичамъ брать себѣ женъ изъ одного рода, рода матери, то бываетъ, что отдѣльные члены одного какого-нибудь рода (M напримѣръ) вынуждены брать себѣ женъ изъ разныхъ родовъ. И вотъ, въ силу старой презумпціи, что родъ жены сородича—родъ матери, *всѣ* эти роды на нѣсколько поколѣній становятся запретными для всѣхъ женщинъ рода M, для которыхъ выходъ замужъ въ тѣ роды не допускается. Мало того. Этотъ запретъ, въ сущности потерявшій свой прежній raison d'être, распространяется не только на тотъ родъ M, который, непосредственно беретъ женъ у A, но даже на третій родъ N, который въ свою очередь беретъ женъ у M.

Технически этотъ запретъ выражается въ гиляцкой терминологіи брака такъ. Родъ A, дающій женщинъ роду M, называется *ахмалькʼомъ* (тестемъ) этого послѣдняго, а по отношенію къ роду N, который, въ свою очередь, беретъ женъ у M, онъ, т.-е., родъ A называется *туйма ахмалькʼомъ* (дальнимъ тестемъ); и вотъ и на родъ N переносятся запреты, лежащіе на родѣ M, т.-е. не только у M, но и у N родъ A женщинъ брать не можетъ. Впрочемъ, дальше ахмалька 2-й степени запреты не распространяются.

Въ исторіи происхожденія этого запрета кроется и вся дальнѣйшая эволюція гиляцкой семьи и рода. Какимъ образомъ могъ возникнуть этотъ распространительный запретъ? Мы видѣли, что боязни браковъ въ близкихъ степеняхъ у гиляковъ не было. Значитъ, причина должна была быть другая. Дѣло въ томъ, что, при неизбѣжности случаевъ, когда оказывалось невозможнымъ брать женъ изъ рода матери, гилякъ, сообразуясь съ религіознымъ императивомъ, естественно долженъ былъ въ такихъ случаяхъ

считать наиболѣе подходящимъ родомъ тотъ, откуда, по крайней мѣрѣ, родъ его матери бралъ женъ, а за невозможностью брать ихъ у него, онъ переходилъ къ тому роду, у котораго этотъ послѣдній бралъ женъ, т. е., переходилъ постепенно къ ахмальк'омъ дальнихъ степеней родства, точно такъ же, какъ внутри рода матери, за отсутствіемъ дочерей у роднаго брата матери, онъ переходитъ къ дочерямъ двоюроднаго, троюроднаго брата матери и т. д. Такимъ образомъ, дальніе роды—ахмальки являлись какъ-бы *запасными* родами матери, но естественно, что распространить запреты на ахмальковъ всѣхъ степеней было практически неудобно, да и рѣдко приходилось идти дальніе ахмальк'а 2-й степ., которымъ запретъ и ограничился. Но съ появленіемъ этого запрета трехродовая фратрія перестала удовлетворять новымъ условіямъ регламентаціи. Исключительный бракъ внутри трехъ родовъ сталъ невозможенъ, потому что при трехродовой фратріи (см. таблицу) родъ С—ахмалькъ 1-ой степени для В и 2-ой степ. для А.; слѣд., женщины изъ рода А не могутъ уже выходить замужъ въ родъ С. Пришлось прибавить къ фратріи четвертый родъ Д (Дмитрій, Дарья), положимъ. Перемѣна, происшедшая въ нашей фратріи, заключалась бы въ томъ, что жена Степана (родъ С.) была бы уже сестрой Дмитрія (родъ Д.), а этотъ послѣдній имѣлъ бы женой сестру Андрея (родъ А). Такъ какъ запреты въ болѣе отдаленныя времена, безъ сомнѣнія, распространялись на ахмальковъ болѣе отдаленныхъ степеней, то фратріи естественно должны были состоять еще изъ бо́льшаго числа родовъ. Въ настоящее время, когда при выборѣ женъ, благодаря вышеуказанным причинамъ, приходится часто прибѣгать къ совершенно чужимъ родамъ, фратрія естественно потеряла свое прежнее строго замкнутое положеніе.

Не трудно себѣ представить, сколько генеалогическихъ свѣдѣній нужно имѣть при этой сложной запутавшейся системѣ, чтобы правильно рѣшить въ каждомъ данномъ случаѣ вопросъ о правѣ вступить въ бракъ для одного какого-нибудь члена рода. И, дѣйствительно, это составляетъ цѣлую науку, въ которую гилякъ посвящается съ самаго ранняго дѣтства.

IV.

Нѣкоторые выводы изъ нормъ гиляцкаго брака.

Я уже говорилъ, что гиляцкая родственная номенклатура и нормы брака въ общемъ не представляютъ ничего изолированнаго. У массы первобытныхъ народностей, въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ свѣта, найдена аналогичная номенклатура и аналогичныя явленія групповаго брака. Но детали, которыя я старался выяснить здѣсь, и исторія развитія института, который я обрисовалъ, способны, мнѣ кажется, пролить свѣтъ на нѣкоторыя явленія первобытнаго брака, которыя до сихъ поръ стояли совершенно одинокими и разрозненными.

1) Прежде всего, родовая организація гиляковъ дѣлаетъ для насъ совершенно яснымъ, почему у многихъ народовъ, какъ, напримѣръ, у батаковъ на Суматрѣ, жена или возлюбленная называется „сынъ сестры отца"—ibibere-ri-datang или, какъ у племени Song и Bygor изъ провинціи Sathpuras въ Центральной Индіи, гдѣ бракъ между кузенами и кузинами почти *принудителенъ*, когда у брата есть дочь, а у сестры сынъ. Эти разрозненные факты до сихъ поръ не находили себѣ объясненія и являются, такимъ образомъ, обломками, быть можетъ, нѣкогда всеобщей родовой организаціи, подобной той, которую я нашелъ у гиляковъ [1]).

2) Нормы гиляцкаго брака объясняютъ намъ далѣе странный институтъ у племени Dieri въ Австраліи, гдѣ великій совѣтъ племени въ опредѣленные періоды торжественно объявляетъ, какіе мужчины и женщины имѣютъ права на групповое сожительство. Изъ того, что мы говорили о запутанности и трудности

---

[1]) Замѣчательно, что до сихъ поръ нѣкоторые ученые съ недовѣріемъ относятся даже къ самому факту открытія брачныхъ нормъ, тождественныхъ съ гиляцкими. Такъ, въ самое послѣднее время открыли, что у готтентотовъ бракъ допускается между мужчиной и дочерью брата его матери и, наоборотъ, запрещается между женщиной и сыномъ брата ея матери (точь въ точь какъ у гиляковъ). между тѣмъ Kohler, приводящій этотъ фактъ, и авторъ статьи о работѣ Kohler'a въ Année Sociologique, оба сомнѣваются въ возможности такихъ нормъ, хотя о нихъ зналъ еще Мак-Ленанъ. См. J. Kohler, „Das Recht der Hottentots" въ Zeitschrift f. vergleich. Rechtswissenschaft, XVI т. 3 вып. стр. 341—342 и L'Année Sociologique годъ 11, стр. 306.

рѣшенія генеалогическихъ правъ въ матримоніальныхъ вопросахъ у гиляковъ, вопросахъ, которые для первобытнаго человѣка имѣютъ крайне серьезное религіозное значеніе, ясно, что постепенно должно было выработаться правило, по которому рѣшеніе этихъ вопросовъ перестаетъ быть дѣломъ отдѣльнаго лица, а становится функціей компетентнаго учрежденія старѣйшинъ и спеціалистовъ по генеалогіи и брачному праву.

3) Гиляцкая система брака объясняетъ намъ, почему у многихъ австралійскихъ племенъ женщины въ каждомъ родѣ принадлежатъ къ одному тотему. Дѣло въ томъ, что всѣ *пришлыя* женщины брались обязательно, какъ у гиляковъ, изъ *одного* рода, слѣдовательно, онѣ одного тотема.

4) Эта же система объясняетъ намъ, почему mutatis mutandis каждый куми и кроки у австралійцевъ, на всей территоріи распространенія своего племени, находитъ себѣ жену: въ дѣйствительности онъ находитъ ее только въ томъ родѣ, откуда его родъ обязанъ брать себѣ женъ и гдѣ каждая женщина соотвѣтствующаго поколѣнія является его женой.

5) Она объясняетъ намъ странную классовую систему у многихъ австралійскихъ народовъ, напр., у Kamilaroi, гдѣ восходящія и нисходящія поколѣнія принадлежатъ къ разнымъ классамъ и только въ третьемъ, у иныхъ—въ четвертомъ или даже въ пятомъ—шестомъ поколѣніи, возвращаются въ классъ отцовъ. Гиляцкія нормы, при всемъ различіи въ деталяхъ съ таковыми же у австралійцевъ, удовлетворительно объясняютъ это странное явленіе.

Вспомнимъ опять трехродовую фратрію и для ясности назовемъ родъ А—Андреевыми, родъ В—Васильевыми, родъ С—Степановыми. Согласно гиляцкимъ нормамъ, дочь Варвары изъ рода А уже отъ рожденія считается женой одного изъ Степановыхъ (рода С) и, слѣдовательно, прозвище ея было бы уже не Андреева, а Степанова; ея дочь (внучка Варвары), въ свою очередь, уже отъ рожденія, какъ жена одного изъ Васильевыхъ (рода В), называлась бы Васильевой, но дочь этой послѣдней, т.-е. правнучка Варвары, обязательно должна быть женой одного изъ Андреевыхъ (рода А), и, такимъ образомъ, въ третьемъ поколѣніи она уже носила бы опять классовое прозвище своей прабабушки.

6) Гиляцкій бракъ въ значительной мѣрѣ, какъ мы видѣли, упрощаетъ пониманіе сложной родственной номенклатуры, потому что при гиляцкой системѣ брака многія категоріи туранской системы родства, которыя съ перваго взгляда кажутся совершенно самостоятельными, на самомъ дѣлѣ являются тождественными, какъ, напр., жены братьевъ, сестры жены и сестры женъ братьевъ оказываются однѣми и тѣми же лицами, точно такъ же, какъ матери, жены братьевъ отца, сестры тестя, сестры матери и т. д.

Но это все факты второстепеннаго характера. Схема гиляцкаго брака, думается мнѣ, можетъ пролить свѣтъ на нѣкоторые **основные вопросы первобытнаго брака.**

1) Изъ анализа нормъ гиляцкаго брака мы видѣли, какъ изъ простого единаго правила, что мужчины обязательно женятся на дочеряхъ брата матери, по естественной необходимости неизбѣжно порождаются такіе сложные институты, какъ групповой бракъ, родъ, фратрія и, наконецъ, брачные запреты.

2) Анализъ гиляцкой регламентаціи проливаетъ свѣтъ на генезисъ института похищенія вообще и въ особенности на странный институтъ *имитативнаго* похищенія, институтъ, который практикуется у такихъ первобытныхъ народовъ, какъ австралійцы, эскимосы, и въ такихъ странныхъ формахъ, что считать его простымъ переживаніемъ фактическаго похищенія, какъ это обыкновенно принято думать, нѣтъ никакой возможности. Вспомнимъ опять нашу трехродовую фратрію съ ея нормами брака. Родъ А обязательно беретъ женъ у В, а своихъ женщинъ обязательно отдаетъ въ родъ С. Будемъ помнить, что на первобытныхъ ступеняхъ развитія подобныя обязательства суть религіозные императивы, нарушеніе которыхъ влечетъ кару боговъ. Теперь допустимъ, что родъ В, откуда А беретъ женъ, вымеръ или въ немъ слишкомъ мало женщинъ, что вполнѣ въ порядкѣ вещей. Брать женъ въ другихъ фратріяхъ родъ А не можетъ, потому что и тамъ каждый родъ бережетъ своихъ женщинъ для рода сестры отца: на отступленіе же отъ этого императива чужой родъ, хотя бы у него и были лишнія женщины, не можетъ рѣшиться изъ опасенія навлечь на себя возмездіе боговъ, боговъ—предковъ, для которыхъ браки съ чужекровными должны представляться величайшими оскорбленіями. За то же возмездіе оди-

наково грозитъ и роду, который-бы воспользовался чужекровными женщинами. Но безъ брака обойтись невозможно. Тогда остается два исхода: или похитить женщину силой, рискуя навлечь на себя кару боговъ, уже не говоря о мести рода похищенной, или обойти законъ, обманувъ боговъ въ истинныхъ намѣреніяхъ своихъ поступковъ, т.-е. создается добровольное соглашеніе съ родителями невѣсты и съ ней самой, по которому послѣдніе дѣлаютъ видъ, что противятся всѣми силами похищенію, а женихъ продѣлываетъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ все, что требуется для приданія брачному акту *вида* настоящаго насилія.

Только при такомъ объясненіи похищенія можно понять, почему, напримѣръ, австралійскіе kurnai, давъ своей дочери убѣжать съ возлюбленнымъ, пускаются потомъ въ погоню за ней и, поймавъ, прокалываютъ ей ногу копьемъ и избиваютъ до полусмерти. И сами австралійцы объясняютъ это не озлобленіемъ, а обычаемъ.

Но мало того. Самъ похититель у многихъ племенъ считаетъ своей обязанностью избивать свою возлюбленную не менѣе жестоко, чѣмъ ея родители: этимъ онъ желаетъ показать богамъ, и богамъ-предкамъ въ особенности, что вовсе не намѣреніе жениться на ней вызываетъ съ его стороны похищеніе.

Наконецъ, только при этомъ освѣщеніи, при предположеніи религіознаго происхожденія обычая, можно объяснить такое универсальное распространеніе этого института, который въ видѣ *имитаціи* похищенія практикуется и въ свадебныхъ обрядахъ даже народовъ цивилизованныхъ.

Этимъ же объясняется обычай избѣгать тестя (такъ-какъ онъ можетъ быть не братомъ матери), этимъ же объясняется, почему гилякъ, напримѣръ, называетъ невѣсту не изъ рода своей матери терминомъ *Сох* терминомъ, означающимъ запрещенную въ половомъ отношеніи категорію, ибо женщина не изъ рода матери не могла быть первоначально его женой, и т. п. явленія.

Этимъ же, наконецъ, объясняется универсальный обычай калыма, обычай платежа за невѣсту. Похищеніе — *грѣхъ* для рода похищенной, грѣхъ, требующій искупленія силой или имущественнымъ штрафомъ похитителя. У гиляковъ до третьяго поколѣнія включительно тяготѣетъ этотъ грѣхъ искупленія. Калымъ, такимъ образомъ, есть та же вира, та же имущественная форма искупле-

нія грѣха, какъ и за убійство сородича. Недаромъ впра за убитаго сородича и за похищенную женщину послъ у гиляковъ одно и то же названіе *тхусинд*.

Въ заключеніе я позволю себѣ сдѣлать еще одинъ выводъ, быть можетъ, и рискованный нѣсколько. Допустимъ, какъ это часто бываетъ послѣ войнъ, что вымерли мужчины рода А, берущіе женъ у рода В, и продолжать родъ некому. Дѣвушки рода В остаются тогда безъ мужей, потому что страхъ предъ карой боговъ у родителей сильнѣе, чѣмъ любовь къ дѣтямъ. Отсюда одинъ шагъ къ избіенію дѣвочекъ. Должно пройти значительное время, чтобы суевѣрный духъ первобытнаго человѣка примирился съ необходимостью и сталъ прибѣгать къ обману своихъ боговъ, устраивая комедіи, иногда и жестокія, имитаціи похищенія.

V.

Религія гиляковъ.

По міровоззрѣнію своему гилякъ, какъ и всякій первобытный человѣкъ, а н и м и с т ъ. Для него не существуетъ мертвой неразумной природы; напротивъ, вся природа одарена жизнью и разумомъ. Если бы гилякъ могъ пародировать знаменитое изреченіе Гегеля, онъ могъ бы съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ этотъ послѣдній, сказать, что все существующее разумно. Прообразомъ всего существующаго естественно является для него человѣкъ, какъ существо наболѣе извѣстное и понятное ему. Къ человѣку сводится все: все видимое въ природѣ лишь форма, въ которую облекается богъ—человѣкъ. При такомъ міровоззрѣніи религія гиляка представляетъ собою соединеніе пантеизма, культа животныхъ, фетишизма демонизма, политеизма, и т. д. и все вмѣстѣ на общемъ фонѣ а н т р о п о м о р ф и з м а.

Гилякъ называетъ вселенную к у р и, но этимъ же словомъ онъ обозначаетъ понятіе личнаго человѣкоподобнаго бога. Словомъ „наль“ онъ обозначаетъ гору и бога—„хозяина“ горы, словомъ „толь“—море и бога моря. Вселенная только—форма, которую принялъ величавый образъ личнаго бога „кури“.

Свой родной островъ гилякъ называетъ „мифъ“ (земля). Это живое божественное существо, „голова“ котораго (мысъ Маріи) и „подбородокъ“ „Нытыкры“ упираются въ Охотское море, а

„ноги“—два полуострова въ Корсаковскомъ округѣ, упирающіеся въ проливъ Лаперуза.

Я самъ переваливалъ черезъ „Подбородокъ“ земли, видѣлъ, какъ благоговѣйно приносились жертвы моими спутниками и возносились молитвы Землѣ о нашемъ благополучномъ путешествіи. Я взбирался и на вершину самой „Головы“ земли, которая, по вѣрованіямъ гиляка, не оставляетъ безнаказаннымъ святотатственнаго осквернения ея ногами смертныхъ, и видѣлъ величавую плѣшь этой божественной Головы, покрытую вмѣсто волосъ острыми каменными зубцами [1]), наводящими на гиляка суевѣрный ужасъ... Величественная поверхность вершины высокаго мыса, глядящаго въ безграничное море, дѣйствительно очень импозантна!..

По и части, даже самыя мелкія, этого грандіознаго существа—„миф'а“—такія же живыя самостоятельныя существа, какъ и божественное цѣлое. Вотъ величественная гора Энгельсъ-Паль, одиноко возвышающаяся надъ дюнами сѣвера: это живой олень бога вселенной „кури“, на которомъ онъ объѣзжалъ островъ, приводя его въ нынѣшній, обитаемый для человѣка видъ. Тамъ, гдѣ ступали его священныя стопы, образовались долины; отъ ударовъ его бича явились рѣки... Вотъ Крысъ-Паль, чудный конусъ, поражающій своей грандіозностью всякаго, подъѣзжающаго къ острову съ моря, одинъ изъ высочайшихъ пиковъ Сахалина, одинокій, суровый демонъ моря, въ порывѣ гнѣва убившій своихъ дѣтей и заставившій свою жену бѣжать отъ него за сотни верстъ и образовать другой мысъ на новомъ мѣстѣ. И даже одинокіе утесы, торчащіе изъ воды вдоль береговъ острова—все это живые боги, убѣжавшіе отъ своихъ родовъ подъ вліяніемъ междоусобицъ.

Такой же живой является и вся остальная природа: грозный Толь (море), мрачные лѣса гористаго острова, быстрыя горныя рѣки и т. д.. Срубая дерево, гилякъ боится загубить его душу, и ставитъ на пнѣ его особое существо „инау“ [2]), (чехи-купинау) душетворящее „инау“, которое возвращаетъ ему душу и жизнь. Горы, океанъ, утесы, деревья, животныя это только маска, подъ которой боги скрываютъ себя отъ любопытства человѣка.

---

[1]) Результатъ вывѣтриванія.

[2]) Заструженная палочка. Культъ „инау“ заимствованъ отъ айновъ и о немъ поговорю особо.

Своеобразная глубина своего рода метафизическаго анализа гиляка въ этомъ отношеніи поразительна. Однажды, когда гилякъ сталъ объяснять мнѣ, что маленькая косатка (Orca gladiator), сопровождающая въ морѣ бо́льшую [1]), составляетъ на самомъ дѣлѣ только сабля этой большой косатки, и я выразилъ по этому поводу свое недоумѣніе, онъ сталъ доказывать, что мнѣ только кажется, что это косатка, на самомъ же дѣлѣ это сабля большой косатки—„хозяина“, точно также какъ эта послѣдняя въ дѣйствительности имѣетъ видъ настоящаго гиляка, а то, что намъ кажется морскимъ животнымъ, есть только лодка этого гиляка-косатки.

Разъ видимая природа представляетъ только маску и не есть то, чѣмъ она намъ кажется, то естественно желаніе гиляка ухватиться за малѣйшій признакъ, имѣющій подобіе человѣческаго тѣла или части его, чтобы изобличить тотъ человѣческій образъ, который скрывается подъ нимъ. Отсюда и фетишизмъ—психологія, открывающая сверхъестественное человѣкоподобное существо во всякомъ предметѣ, имѣющемъ необычайную форму, будь это высокая гора, окаменѣлость или просто кусокъ камня.

Если неодушевленная природа способна вызывать въ умѣ гиляка представленіе о живыхъ существахъ, скрывающихся подъ мертвой формой, то культъ животныхъ тѣмъ болѣе нисколько не долженъ насъ поражать. Обыкновенно представляютъ себѣ, что въ основаніи культа животныхъ лежитъ страхъ. Primus in orbe deos fecit timor. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Прежде всего нужно помнить, что первобытный человѣкъ не только не признаетъ никакой пропасти между собой и животнымъ міромъ, но, наоборотъ, признаетъ во многихъ отношеніяхъ превосходство послѣдняго надъ собою. Охотникъ по профессіи, онъ весь свой умъ, всю свою изобрѣтательность, весь геній человѣческій вложилъ въ это свое звѣроловное искусство. Смотрите, какъ геніальны его ловушки и западни, и тѣмъ не менѣе, какъ часто и зло смѣется ничтожный звѣрекъ—лисица, соболь и др., надъ всѣми его кознями! Десятки дорогихъ соболей пробѣгаютъ мимо его ловушки, оставляя свой слѣдъ совсѣмъ близко отъ

[1]) Косатки въ морѣ движутся стаями, среди которыхъ выдѣляются старшіе вожаки и младшіе—борцы. Послѣдніе, при нападеніи, напр., на кита, держатся съ фланговъ, а вожаки слѣдуютъ сзади.

нея: они разгадали хитрость человѣка и ушли невредимыми!.. Какъ чутокъ лось къ запаху человѣка за цѣлыя версты! Никогда, никогда ни одинъ звѣрь не попалъ бы къ гиляку, еслибъ не воля боговъ, „хозяевъ“ этихъ звѣрей, заботящихся о благополучіи гиляка. И если богъ не хочетъ, то десятки самострѣловъ человѣка остаются безъ добычи. Поэтому гилякъ видитъ въ животныхъ существа вовсе не низшія себя, хотя богъ и дастъ ему ихъ иногда на потребленіе. Напротивъ, сила крупныхъ звѣрей, хитрость и изворотливость даже такихъ мелкихъ тварей, какъ соболь, необыкновенное чутье и масса другихъ инстинктовъ, присущихъ животнымъ и которыхъ лишенъ человѣкъ, далѣе такія явленія, какъ перемѣна цвѣта шерсти, линяніе и т. п., все это доставляетъ гиляку достаточно основаній относиться къ животному, какъ къ существу крайне разумному и во многихъ отношеніяхъ высшему, чѣмъ онъ самъ. И чѣмъ мельче звѣрь, чѣмъ страннѣе его форма, тѣмъ больше таинственнаго онъ заключаетъ въ себѣ и тѣмъ больше удивленія онъ вызываетъ къ своимъ дивнымъ инстинктамъ. Поэтому даже такія ничтожныя животныя какъ жаба, ящерица, летучая мышь, комаръ и т. п. вызываютъ въ умѣ гиляка не меньше фантастическихъ представленій и не менѣе импонируютъ ему, чѣмъ самыя крупные звѣри.

Форма, размѣры животнаго только кажущіяся явленія. Каждое животное въ дѣйствительности настоящее человѣкообразное существо, нѣтъ, такой же „гилякъ“, какъ и онъ самый, но одаренный разумомъ и силами, часто превосходящими таковые у человѣка.

Но если сила, разумъ и удивительные инстинкты животнаго вызываютъ вѣру въ духовное превосходство животныхъ и сверхъестественность ихъ природы, то культъ нѣкоторыхъ животныхъ вызывается еще спеціальными чертами послѣднихъ, это именно кротостью по отношенію къ человѣку и кажущимся сознательнымъ покровительствомъ и благодѣтельствованіемъ ему.

Этими чертами особенно поражаютъ гиляка на сушѣ *медвѣдь*, на морѣ *косатка*.

Медвѣдь самое сильное и самое большое животное его тайги, передъ нимъ бѣгутъ въ страхѣ всѣ остальныя животныя, ударомъ лапы онъ можетъ свалить самаго сильнаго человѣка и задавить его, какъ муху, а между тѣмъ какъ онъ обычно кро-

токъ по отношенію къ нему! Дѣйствительно, сахалинскій медвѣдь никогда первый не нападетъ на человѣка, и при встрѣчѣ съ нимъ въ тайгѣ, онъ или убѣгаетъ отъ него, или—особенно въ мѣстахъ, гдѣ человѣкъ попадается рѣдко—проходитъ мимо него съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, изрѣдка удостаивая его недоумѣвающаго взгляда [1]). И гилякъ смотритъ на него какъ на дружественнаго чужеродца.

Медвѣдь, который преждевременно встаетъ отъ зимняго сна и въ наступленіи голода бросается на человѣка, есть медвѣдь сумасшедшій или медвѣдь—бродяга, прогнанный „хозяиномъ“. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда гилякъ на охотѣ погибаетъ въ борьбѣ съ медвѣдемъ, это приписывается изъ ряду вонъ выходящимъ обстоятельствамъ: или тому, что это былъ не медвѣдь, а чортъ въ образѣ медвѣдя, или тому, что это была медвѣдица, полюбившая гиляка и пожелавшая переселить его душу къ себѣ.

Если медвѣдь достается въ добычу гиляку, то это только потому, что медвѣдь этого *самъ* хочетъ. Въ борьбѣ съ человѣкомъ медвѣдь *самъ* даетъ хорошее мѣсто для смертельнаго удара. Да онъ отъ этого ничего и не теряетъ. Испустивъ послѣдній вздохъ, онъ собственно бросилъ гиляку лишь видимую оболочку свою, мохнатую шкуру, а самъ онъ остался живымъ и невредимымъ, какъ и прежде. Черезъ нѣсколько дней, по окончаніи медвѣжьяго праздника, когда его мясо будетъ съѣдено, а кости сложены въ почетный амбаръ, гиляки убьютъ нѣсколько собакъ, въ сопровожденіи которыхъ медвѣдь весело побѣжитъ со всѣми украшеніями и подарками къ „хозяину“ самой высокой горы.

Не меньшее поклоненіе, чѣмъ медвѣдь на сушѣ, вызываетъ китообразное зубастое морское животное—*косатка*. Казалось бы, что можетъ быть сильнѣе и страшнѣе въ глазахъ гиляка, чѣмъ китъ, это огромное могучее чудовище, плюющее фонтанами, для котораго штормъ—развлеченіе, у котораго каждый позвонокъ тяжелѣе самаго здороваго гиляка? А между тѣмъ есть звѣрь, предъ острыми конусообразными зубами котораго китъ

[1]) Такой же простотой по отношенію къ человѣку въ Уссурійскомъ краѣ отличается *тигръ* и по тому же самому вызываетъ поклоненіе у мѣстныхъ инородцевъ.

бѣжитъ безъ оглядки, съ ревомъ отчаянія выбрасываясь на банки и отмели сахалинскаго побережья, гдѣ айны и гиляки устраиваютъ изъ него роскошныя пиршества. Это—косатка. Даже на европейца производитъ импонирующее впечатлѣніе, когда касатка неожиданно появляется близъ его лодки, и начинается всеобщее бѣгство всѣхъ обитателей моря. При видѣ этого страшнаго звѣря разбѣгаются, какъ угорѣлые, рыбы, тюлени, дельфины, сивучи, и, забывъ всякую осторожность, бѣгутъ на острогу гиляка. Горе животному, которое попадется ему въ зубы: огромнаго сивуча онъ разрываетъ пополамъ. Но самое ужасное зрѣлище представляетъ охота косатокъ на кита. „Завидѣвъ его, стая косатокъ раздѣляется на партіи. Младшія пускаются по бокамъ, стараясь опередить кита, а старшія держатся сзади. Выстроившись такимъ образомъ въ облаву (съ осторожностью, безъ шуму, чтобы не испугать кита), они внезапно появляются на поверхности воды, тогда, когда разсчитаютъ, что добыча должна быть въ срединѣ составленнаго ими круга. Тогда со свирѣпостью бросаются на кита и начинаютъ рвать тѣло его большими клочьями и съ жадностью проглатывать ихъ. Особенно всѣ на перерывъ стараются достать у него языкъ. Китъ при этомъ поднимаетъ душу раздирающій ревъ, который слышенъ за много верстъ. Услышавъ такой ревъ, я всегда зналъ, что гдѣ-то по сосѣдству происходитъ охота косатокъ на кита". Такъ описывалъ зоологъ Вознесенскій это страшное зрѣлище въ Алеутскомъ морѣ, и то же зрѣлище много разъ приходилось наблюдать мнѣ въ водахъ территоріи гиляковъ.

И вотъ это самое чудовище, передъ которымъ дрожатъ титаны моря, этотъ tyrannus balaenarum (тиранъ китовъ), какъ его прозвалъ старинный китовѣдъ, Фабриціусъ, не только никогда не трогаетъ лодки гиляка, но еще является его истиннымъ благодѣтелемъ, нагоняя ему млекопитающихъ и рыбу!

По цѣлымъ часамъ гилякъ выжидаетъ на своей утлой лодчонкѣ, не появится ли надъ поверхностью моря голова тюленя, чтобы пустить въ него свою длинную острогу. Но осторожные тюлени или предпочитаютъ вовсе не являться, или покажутся изъ подъ воды, только для того, чтобы ускользнуть самымъ коковарнымъ образомъ отъ направленнаго удара. Но вотъ совершенно неожиданно на острогу гиляка начинаютъ бѣжать, словно

насланные кѣмъ-то спеціально тюлени, сивучи, бѣлухи... То появилась косатка, заставившая обитателей моря бросаться безъ оглядки во всѣ стороны!—Какъ гиляку послѣ этого не считать это могучее существо, никого не щадящее, кромѣ его одного, и вдобавокъ являющееся его кормильцемъ, посылающимъ ему всякихъ звѣрей морскихъ, какъ не считать своимъ богомъ—благодѣтелемъ? И онъ это животное иначе не называетъ, какъ ызъ— „хозяиномъ".

Никогда гилякъ не направитъ остроги на косатку, и когда мертвое тѣло ея выбрасываетъ на берегъ, его торжественно хоронятъ въ особо устроенномъ для этого балаганѣ и украшаютъ его „инау". Но не къ однимъ этимъ крупнымъ звѣрямъ (медвѣдю и косаткѣ) гилякъ относится съ чувствомъ поклоненія. Всякому животному, которое достается въ добычу гиляку, оказываются знаки самаго глубокаго уваженія. Головы пойманныхъ тюленей украшаются „инау" и торжественно опускаются въ море. Головы бѣлухъ выставляются на шестахъ на берегу моря. Тоже съ головами другихъ животныхъ.

Но животныя, которымъ гиляки оказываютъ поклоненіе, не самостоятельные боги, даже не божества вообще, это лишь подчиненные настоящихъ божествъ, „хозяевъ" той или другой стихіи, тѣхъ или иныхъ животныхъ. Хозяева эти, по образу и подобію своему, тѣ же гиляки, только принимающіе, по мѣрѣ надобности, образъ того или другого животнаго. Боги эти живутъ въ лѣсахъ, горахъ, на днѣ морей и ведутъ такую же жизнь, какъ сами гиляки, имѣютъ женъ, дѣтей, сородичей. Какъ и гиляки, они смертны. Въ каждой стихіи распоряжается одинъ изъ этихъ боговъ „ызъ"—хозяинъ. Вотъ эти-то хозяева и посылаютъ гиляку по сезонамъ все, что ему нужно: соболей, медвѣдей, лососей, тюленей. Впрочемъ, представленіе объ этихъ „хозяевахъ" каждой стихіи не нужно понимать въ строго монистическомъ смыслѣ. Точно такъ же, какъ и у гиляковъ въ каждой мѣстности есть просто богатые люди и среди нихъ одинъ какой-нибудь самый богатый, точно также, кромѣ крупныхъ боговъ-хозяевъ, каждая территорія, каждая рѣчка, имѣетъ каждая своего „хозяина", который заботится о ближайшихъ ему гилякахъ (см. ниже родовые боги). Терминъ „хозяинъ"—терминъ чисто бытовой. Въ каждомъ родѣ всякій выдающійся

умомъ, храбростью, ловкостью и, слѣдовательно, самый богатый человѣкъ величается „ызь“ (хозяинъ) и наиболѣе выдающійся изъ нихъ является заправиломъ рода.

Наиболѣе важнымъ для гиляка богомъ—„хозяиномъ“ являются Наль-ызь—хозяинъ горъ и тайги, и Тайрнадз, онъ же Толль-ызь—хозяинъ моря. Первый живетъ на самой высокой горѣ; съ нимъ цѣлыя селенія его сородичей. Собаками у него служатъ медвѣди. Ему подчинены всѣ звѣри тайги, и онъ по своей волѣ раздаетъ ихъ гилякамъ. Это онъ велитъ соболю одѣваться въ дорогую шкуру и спѣшить въ петлю гиляка; онъ же велитъ медвѣдю давать хорошее мѣсто для вѣрнаго удара. Богъ моря, Тайрнадз, живетъ на днѣ Охотскаго моря. Это глубокій старикъ съ сѣдой бородой, который живетъ со своею старухой въ подводной юртѣ. Въ юртѣ масса ящиковъ съ самой разпородной икрой, которую онъ время отъ времени пригоршнями бросаетъ въ море. Это онъ въ опредѣленное время посылаетъ несмѣтные отряды лососей, безъ которыхъ жизнь гиляка была бы невозможна; это онъ разсылаетъ косатокъ водворять порядокъ въ моряхъ и гнать на встрѣчу гиляку всякихъ звѣрей морскихъ.

Сверхъ этихъ важнѣйшихъ боговъ есть множество менѣе важныхъ, которыя бодрствуютъ надъ гилякомъ. Въ домѣ гиляка бдитъ надъ нимъ хозяинъ огня, хозяйка порога. На каждой рѣчкѣ бодрствуетъ какой-нибудь „хозяинъ“, заботящійся о благодѣяніи гиляка...

Но не всѣ боги имѣютъ такое близкое отношеніе къ человѣку. Небо населено цѣлыми племенами *тлы нивух'овъ*, небесныхъ людей, которые изрѣдка только вмѣшиваются въ дѣла гиляка и то больше зря, шутки ради; такъ, напр., небесный человѣкъ пускаетъ изъ баловства удочки съ крючками на землю, чтобы подцѣпить какого-нибудь гиляка. Но это не всегда удается. Такъ, молодой гилякъ Плыкъ изъ деревни Аркый-во разсказывалъ мнѣ, что Тлы-нивухъ зацѣпилъ однажды золотымъ крючкомъ его отца, который спасся только тѣмъ, что ухватился за дерево и, такимъ образомъ, отдѣлался лишь испугомъ и изорваннымъ халатомъ.

Другіе, далекіе отъ него боги, какъ солнце и луна, напримѣръ, точно также, какъ и Тлы-нивух'и, мало его интересуютъ, такъ какъ не имѣютъ близкаго отношенія къ его жизни и по-

требностямъ. Съ такими же богами, какъ хозяинъ тайги, моря, огня, гилякъ, наоборотъ, находится въ постоянномъ общеніи, обращаясь къ нимъ то съ жертвоприношеніемъ, то съ молитвой. Обыкновенно оба акта соединяются вмѣстѣ. Для обычнаго жертвоприношенія не требуется никакой торжественности и никакихъ особенныхъ объектовъ. Принципъ жертвы—*обманъ*, поэтому богу моря нельзя давать рыбы, а богу тайги—мяса животныхъ.

Ѣдетъ ли гилякъ по морю и боится бури, онъ почтительно опускаетъ съ борта листикъ табаку или пригоршню рису и говоритъ: „сдѣлай, пожалуйста, чтобы море хорошее стало, чтобы я живой и здоровый на родину пришелъ!“ Куда бы гилякъ ни отправился, онъ беретъ съ собою въ особомъ мѣшочкѣ излюбленные предметы для жертвоприношеній: сладкія коренья, сарану и т. п.: благо боги не требовательны.

Какой-нибудь леденецъ, поднесенный божеству, можетъ иногда сослужить огромную службу. Я испыталъ это однажды на себѣ самомъ. Дѣло было въ августѣ 1891 г. Съ большими затрудненіями, почти безъ провизіи и припасовъ, съ однимъ кускомъ кирпичнаго чая и сухарями, добрался я до Головы земли. Когда я неожиданно сообщилъ моимъ спутникамъ, что я рѣшилъ взобраться на вершину „Головы“, чтобы собрать тамъ растенія и отбивать камни, моими спутниками овладѣла паника. Они заклинали меня отказаться отъ моего „безумнаго“ намѣренія, которое должно было повести за собою нашу общую гибель, приводя въ доказательство, что двое русскихъ моряковъ, попытавшихся взобраться на вершину маленькаго бога Лазарева мыса, тутъ же погибли и похоронены. Особенно волновался капитанъ моей лодки, умный, преданный и очень привязавшійся ко мнѣ гилякъ с. Танги, Гибелька.

— Тебѣ чего бояться?—сказалъ я ему, ты останешься здѣсь, живъ будешь, домой придешь, все хорошо будетъ, а обо мнѣ не заботься.—„Нѣтъ, другъ, возразилъ съ живостью Гибель, это худой законъ: мы вмѣстѣ ходили, вмѣстѣ работали, вмѣстѣ писали, вмѣстѣ каменный топоръ искали, вмѣстѣ людей смотрѣли, вмѣстѣ судъ дѣлали, и теперь я одинъ домой пойду, и ты тутъ помирать будешь? Такой-ли законъ? А самый большой начальникъ что скажетъ? Ты почему, скажетъ, не смотрѣлъ, чтобы „тяньги“ (господинъ) хорошо ходилъ? Скажетъ, что я убилъ

тебя. Это большой грѣхъ будетъ. Нѣтъ, ужъ лучше бога земли не трогай, шибко большой онъ, сильный, шибко сердиться мастеръ".

Видя, что я непреклоненъ, Гибелька послѣ нѣкотораго раздумья, сказалъ: „И дать тебѣ нечего Головѣ земли, такой большой „тяньги", а не имѣетъ, чего давать. Если дать ему гостинецъ и слово хорошее сказать, можетъ быть и сердиться не будетъ". Тогда я вспомнилъ, что у меня въ карманѣ осталось нѣсколько леденцовъ, которые я употребляю для утоленія жажды при восхожденіи на гору, и, показавъ ихъ обрадовавшимся спутникамъ, сказалъ, что я ихъ преподнесу сердитому богу и слово хорошее скажу. Спутники нѣсколько успокоились, и я пустился въ путь. Когда я къ вечеру вернулся, нагруженный коллекціей растеній и минераловъ, спутники съ радостью меня обступили и стали допытывать, какое слово сказалъ я богу Головы земли. Я вынужденъ былъ прочесть имъ экспромтъ молитвы въ ихъ національномъ стилѣ: „Владыка Земли, ты очень большой и сильный, и шибко большой мастеръ сердиться. Всѣ люди тебя знаютъ. Я изъ далекой земли пришелъ, изъ самой далекой земли, чтобы посмотрѣть на тебя пришелъ; пожалуйста, сдѣлай такъ, чтобы я и мои спутники были здоровы, и домой пришли и чтобъ мы по пути голодомъ не помирали! Хорошенько, пожалуйста, меня накорми". Когда мы въ тотъ же день истомленные, проголодавшіеся вернулись въ ближайшее селеніе Ныур, и Гибелька, пока варили чай, разсказалъ изумленнымъ слушателямъ про мое жертвоприношеніе и про краснорѣчивую молитву, произошло нѣчто необыкновенное. Всѣ лица смотрѣли съ умиленіемъ, а женщины бросились въ амбаръ доставать драгоцѣнную буду́, хранившуюся для жертвоприношеній, чтобы накормить меня и моихъ спутниковъ и, такимъ образомъ, исполнить волю Головы земли. Такимъ образомъ, благодаря леденцу, я, по мнѣнію гиляковъ, не только спасъ свою жизнь, но и неожиданно доставилъ себѣ и моимъ спутникамъ давно невиданное блюдо.

Есть у гиляка и кровавыя жертвоприношенія, объектами оторыхъ служатъ собаки. Передъ сезономъ соболиной охоты, на медвѣжьемъ праздникѣ, передъ отправленіемъ въ далекій путь, во время болѣзни и вообще въ торжественныхъ случаяхъ жизни убивается собака путемъ удушенія. Передъ убіеніемъ ее кормятъ

и въ это же время ей даются, смотря по обстоятельствамъ, тѣ или другія порученія. Такъ, во время медвѣжьяго праздника ей говорятъ: „За своимъ медвѣдемъ на самую высокую гору иди. Пусть хозяинъ тебя полюбитъ. Эту шерсть перемѣни и на другой годъ медвѣдемъ спустись, чтобъ я тебя посмотрѣлъ“.— При убіеніи собаки по случаю болѣзни ее просятъ быть заступницей за больного передъ богомъ, къ которому ее посылаютъ.

Такимъ образомъ, жертва является простымъ посланникомъ, душа котораго послѣ смерти доберется до хозяина, обитающаго на высочайшей горѣ.

Особую категорію боговъ составляютъ *боги родовые*. Въ сущности, эти боги играютъ важнѣйшую роль въ жизни гиляка, и имъ чаще всего гилякъ бросаетъ свои жертвы. Въ каждой стихіи имѣется родовой богъ. Родовые боги гиляковъ представляютъ особенный интересъ, такъ какъ у этого племени совершенно наглядно можно прослѣдить самый генезисъ этого столь общераспространеннаго факта первобытной религіи. Вѣдь даже у грековъ и римлянъ поклоненіе родовымъ богамъ было обычнымъ явленіемъ. Родовые боги гиляка не сверхъестественныя миѳическія существа, какъ у грековъ и римлянъ, а ихъ же собственные сородичи, по разнымъ причинамъ перешедшіе въ родъ того или другого бога „хозяина“. Для того, чтобы пріобщиться этой чести, необходимо особенно счастливое, если можно такъ выразиться, стеченіе обстоятельствъ. Если гиляка на охотѣ задралъ медвѣдь, если онъ сдѣлался на водѣ добычей волнъ, если убили его или онъ сгорѣлъ отъ собственной неосторожности, если умерла женщина, согласно объясненію шамана, отъ любви къ ней медвѣдя и т. д.,—всѣ такія лица переселяются не въ обычное царство тѣней, а переходятъ въ родъ полюбившихъ ихъ боговъ-хозяевъ горы, воды, огня и т. д., и потомъ становятся сами маленькими „хозяевами“ и покровительствуютъ своимъ сородичамъ. Такимъ образомъ образовались родовые *Шаль - нивух'и*— лѣсные люди, *толь—нивух'и*—морскіе люди и т. д. Вотъ этимъ-то богамъ-сородичамъ и приносятся періодическія жертвы цѣлымъ родомъ. Это не миѳическіе боги, фиктивные герои греческихъ родовъ, а реальныя личности, властно живущіе въ воображеніи своихъ поклонниковъ. Генезисъ родовыхъ боговъ у гиляковъ проливаетъ свѣтъ и на другое темное явленіе первобытныхъ рели-

гій—*тотемизмъ*, на поклоненіе извѣстному классу животныхъ, почитаемыхъ, какъ сородичи или даже родоначальники ихъ поклонниковъ. Дѣло въ томъ, что, какъ я уже говорилъ раньше, хозяинъ каждой стихіи и его сородичи, хотя и ведутъ такой же образъ жизни, какъ и гиляки, но передъ человѣкомъ всегда являются въ образѣ того или другого звѣря, медвѣдя (лѣсные люди), бѣлухи или косатки (морскіе люди), такъ что и гилякъ, перешедшій послѣ смерти въ родъ того или другого хозяина, тоже принимаетъ оболочку того или другого звѣря. Поэтому тотъ классъ звѣрей, въ который перешелъ избранникъ, и является родственнымъ роду избранника, и становится, такимъ образомъ, его тотемомъ. Такъ какъ почти въ *каждомъ* родѣ есть современники или предки, павшіе въ борьбѣ съ медвѣдемъ или утонувшіе въ рѣкахъ или на морѣ, то среди гиляковъ и не могла выработаться система отдѣльныхъ тотемовъ для *каждаго* рода. Я не могу, къ сожалѣнію, теперь подробнѣе остановиться здѣсь на этомъ обширномъ вопросѣ: скажу только, что генезисъ родовыхъ боговъ у гиляковъ ясно показываетъ, что не тотемизмъ, т.-е. не вѣра въ происхожденіе отъ того или другого вида животнаго, какъ это принято думать, создалъ родовыхъ боговъ, а наоборотъ: родовые боги создали тотемизмъ. Ничѣмъ инымъ, какъ это увидимъ ниже, нельзя объяснить запреты тотемистовъ употреблять въ пищу мясо тотемовъ, какъ страхомъ убить какого-нибудь сородича, превратившагося въ тотемное животное.

Религіозная система гиляковъ даетъ и много другихъ интереснѣйшихъ фактовъ для объясненія происхожденія какъ тотемизма, такъ и культа предковъ, но я ограничусь пока здѣсь сказаннымъ, тѣмъ болѣе, что институтъ тотемизма не принялъ у этого племени той рѣзко выраженной формы, какую онъ принялъ у другихъ специфически тотемныхъ племенъ, какъ, напр., у австралійцевъ, сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, древнихъ египтянъ и т. д.

Жертвоприношенія родовымъ богамъ приносятся періодически. Ко дню торжества каждая семья приготовляетъ всевозможныя изысканныя блюда гиляцкой кухни и укладываетъ ихъ въ особую, спеціально для этого случая хранящуюся посуду. На другой день все мужское населеніе рода отправляется на лодкахъ или, въ случаѣ волненія на морѣ, пѣшкомъ въ тайгу и

располагаются на своей родовой площадкѣ, возлѣ своего родового знака. Старшій въ родѣ беретъ изъ каждой посудины по горсточкѣ и бросаетъ, восклицая при этомъ: „Чух!“ т.-е. „вотъ тебѣ!“ Послѣ этого начинается пиршество, игры, борьба и т. п. развлеченія. Весною съ появленіемъ тюленей устраивается жертвоприношеніе „морскому или рѣчному“ человѣку, состоящее въ торжественномъ бросаніи яствъ въ прорубь. На Амурѣ жертвоприношенія эти совершаются съ лодки сейчасъ послѣ вскрытія рѣки; лодки украшаются священными стружками, и на нихъ устраиваются веселыя гонки.

У гиляковъ много родовыхъ праздниковъ, но изъ нихъ самымъ важнымъ считается такъ называемый медвѣжій праздникъ. Праздникъ этотъ играетъ огромную роль въ общественной жизни гиляковъ. Въ сущности, это даже не родовой праздникъ, а междуродовой. Родъ, устраивающій праздникъ, беретъ на себя только расходы и заботы по устройству праздника, важнѣйшую же роль играютъ постороннie роды, приглашаемые къ участію въ немъ. Такъ какъ не проходитъ года, чтобы въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ не происходили подобные праздники, собирающіе на много дней представителей многочисленныхъ родовъ, то моменты эти играютъ такую же роль въ соціальномъ общеніи гиляцкаго племени, какую нѣкогда играли олимпійскія и др. игры въ Греціи. Зимній медвѣжій праздникъ и называется игрищемъ (чхыф-лехернд—медвѣжья игра).

Праздникъ этотъ описывался уже много разъ, и потому я остановлюсь преимущественно на тѣхъ чертахъ, которыя до меня не были замѣчены. Прежде всего замѣчательно, что обыкновенно праздникъ устраивается въ память умершаго сородича, являясь какъ бы тризной по покойникѣ. Ближайшій родственникъ покойнаго пріобрѣтаетъ за деньги или добываетъ самъ въ тайгѣ медвѣжонка, который торжественно, при крикахъ радости, музыкѣ, доставляется въ родную деревню. Здѣсь для него устраивается отдѣльный срубъ изъ толстаго накатника, украшаемый по угламъ священными деревьями. Въ откармливаніи медвѣдя участвуетъ не отдѣльный хозяинъ, а весь родъ: поочередно та или другая семья въ теченіе опредѣленнаго времени кормитъ почетнаго гостя, чиститъ срубъ и вообще всячески ухаживаетъ за нимъ. Въ опредѣленные дни медвѣдя добываютъ изъ клѣтки и водятъ на про-

гулку. Это цѣлое событіе въ жизни селенія, отнимающее много часовъ и доставляющее молодымъ и старымъ необыкновенное удовольствіе. Процедура добыванія медвѣдя изъ клѣтки довольно сложная. Прежде всего, пока медвѣдь еще въ клѣткѣ, ему спутываютъ ноги, продѣвая черезъ просвѣты между бревнами надѣтые на палку ремни, оканчивающіеся живыми затягивающимися петлями. Послѣ этого разбираютъ нѣсколько звеньевъ верхней части клѣтки, давая медвѣдю возможность высунуть голову; тогда ему суютъ въ ротъ палку, которую онъ яростно стискиваетъ зубами, и въ это время ему крѣпко накрѣпко завязываютъ ротъ. Послѣ этого его спокойно вытаскиваютъ изъ клѣтки и накидываютъ на него желѣзное кольцо, охватывающее его по брюху. Къ этому кольцу съ обѣихъ сторонъ прикрѣпляютъ длинные ремни, за которые цѣпко держатся нѣсколько человѣкъ и, туго натягивая ремни въ противоположныя стороны, не даютъ возможности медвѣдю бросаться на окружающихъ. Тогда только освобождаютъ его отъ путъ и ведутъ на прогулку.

Выкупавъ и вдоволь надразнивъ медвѣдя, натѣшившись надъ нимъ, его привязываютъ между двухъ столбовъ и предоставляютъ самому себѣ. Обыкновенно онъ пользуется этой передышкой, чтобы предаваться безполезному теперь для него инстинкту— разгребать лапами землю для берлоги.

Откармливаніе медвѣдя продолжается нѣсколько лѣтъ, пока медвѣженокъ не обращается въ упитаннаго большого звѣря, и тогда приступаютъ къ предпраздничнымъ приготовленіямъ. А приготовленій предстоитъ не мало. Въ теченіе нѣсколькихъ дней придется кормить и угощать всякими изысканными блюдами не только сородичей и односельчанъ, но и цѣлую массу пріѣзжихъ гостей и вдобавокъ многочисленныхъ собакъ, на которыхъ пріѣдутъ гости. Все это требуетъ заботъ, хлопотъ и крупныхъ расходовъ, потому что, сверхъ блюдъ изъ мѣстныхъ продуктовъ, дѣлаются большія закупки рису, буды, муки, чаю, сахару, водки или ханшина. Вотъ тутъ и обнаруживается та удивительная родовая организація гиляковъ, которая такъ поражаетъ стройнымъ соединеніемъ общественной солидарности и индивидуальной свободы.

Нѣтъ принудительнаго органа, который собиралъ бы продукты, понуждалъ, требовалъ, контролировалъ. Каждая семья, сознавая свою обязанность участвовать въ общемъ религіозномъ дѣлѣ,

работаетъ изо всѣхъ силъ, не на страхъ, а на совѣсть, готовитъ всякія блюда, помогаетъ въ работахъ и вноситъ свою посильную лепту на расходы по покупкамъ. Деньги и припасы передаются хозяину медвѣдя, который распоряжается ими безконтрольно. Никто никого не укоряетъ, потому что всякій старается, чтобы праздникъ сошелъ съ наибольшимъ блескомъ. За нѣсколько дней до праздника, который обыкновенно устраивается въ февралѣ, начинается другого рода работа—приготовленіе арены для убіенія медвѣдя. Арена состоитъ изъ небольшой утоптанной площадки, среди которой возвышается одна или нѣсколько паръ, по числу убиваемыхъ медвѣдей, священныхъ деревьевъ—столбовъ, обвѣшанныхъ „инау“ и покрытыхъ сложной ритуальной рѣзьбой: между ними привязывается медвѣдь. Къ этой площадкѣ протаптывается длинная узкая аллея, по обѣимъ сторонамъ которой устанавливается въ два ряда 30 паръ молодыхъ деревьевъ: первыя 15 паръ—елки, вторыя—талины.

Наконецъ наступаетъ калунъ. Этотъ день называется „Науахн-ку“, день приготовленія инау, т. е. палочекъ съ застружеными концами, играющихъ важную религіозную роль на праздникѣ. Эти палочки разныхъ размѣровъ и формъ изображаютъ собою ораторовъ-заступниковъ, которые вмѣстѣ съ убиваемымъ медвѣдемъ отправятся къ хозяину тайги и будутъ ему напоминать о нуждахъ гиляка, а также будутъ его талисманами. Каждый видъ „инау“ изготовляются парами; каждая пара—супруги, чтобы имъ было веселѣе и дабы они плодились и размножались. Часть „инау“ навѣшивается на столбахъ арены въ видѣ украшенія, часть привязывается къ нимъ внизу. Пока происходитъ приготовленіе „инау“, старшій въ родѣ вмѣстѣ съ хозяиномъ медвѣдя и нѣсколькими сородичами выѣзжаетъ навстрѣчу такъ называемымъ н а р х'амъ. Эти нарх'и, почетные гости, играютъ весьма важную роль на праздникѣ: имъ однимъ предоставляется честь убіенія медвѣдя, имъ однимъ отдается все мясо убитаго звѣря и даже шкура. Нарх'и—не произвольно выбранныя лица, а обязательно представители того рода, куда выходятъ замужъ дочери хозяина медвѣдя и вообще женщины его рода. Чаще всего, такимъ образомъ, нарх'омъ является зять хозяина медвѣдя. Нарх'и, въ свою очередь, берутъ съ собою с в о и х ъ зятей и рѣшаютъ уже между собою, кому изъ нихъ убить медвѣдя.

Если убиваютъ заразъ нѣсколько медвѣдей, то приглашаются нарх'и со всѣхъ родовъ, откуда родъ, устраивающій праздникъ, бралъ женъ, такъ что въ праздникѣ иногда участвуетъ до 10 родовъ. Вотъ этихъ-то нарх'овъ хозяинъ медвѣдя обязанъ торжественно встрѣчать, основательно угостить при встрѣчѣ и съ почетомъ провезти въ свою деревню.

Слѣдующій день и есть день убіенія. Онъ называется н а-х а н-к у (день убіенія медвѣдя) или ч х ы ф-а р ы п-к у (день кормленія медвѣдя). Рано утромъ добываютъ медвѣдя изъ клѣтки такимъ же способомъ, какъ и для веденія его на прогулку; надѣваютъ на него огромный плетеный поясъ, увязанный мѣшечками, которые наполнены разнообразными яствами, и затѣмъ привязываютъ его недалеко отъ юрты и даютъ ему возможность воспользоваться при этой полусвободѣ послѣдними, оставшимися ему часами жизни. Около полудня его отвязываютъ и, ухватившись за ремни съ обѣихъ сторонъ, ведутъ на прогулку. Впрочемъ, прогулка эта доставляетъ мало удовольствія медвѣдю, потому что со всѣхъ сторонъ его всячески дразнятъ и стараются вывести изъ терпѣнія. Сначала онъ отдѣлывается легкимъ брюзжаніемъ, но постепенно входитъ въ азартъ, пытается бросаться на людей, становится на заднія лапы, но десятки рукъ держатъ его, и весь его ражъ пропадаетъ въ безсильныхъ метаніяхъ. Но вотъ, улучивъ моментъ, осторожно подкрадывается хозяинъ медвѣдя, хватаетъ его за голову, цѣлуетъ на прощаніе и, не дожидаясь отвѣтнаго лобзанія, поспѣшно отскакиваетъ. Но чаще всего медвѣдь охотно возвращаетъ прощальный поцѣлуй своему кормильцу, который считаетъ себя весьма счастливымъ, если косолапый ограничился тѣмъ, что вырвалъ добрый кусокъ мяса, а не попалъ зубами въ глазъ или шейныя артеріи, напримѣръ. Рана, нанесенная медвѣдемъ въ такихъ случаяхъ, считается, однако, признакомъ благоволенія со стороны добродушнаго звѣря. Прогулка оканчивается троекратнымъ обведеніемъ медвѣдя вокругъ юрты хозяина. Изъ юрты удаляется передъ тѣмъ все живое, даже грудныя ребята, животныя, только старшій въ родѣ стоитъ въ сѣняхъ и, всякій разъ, какъ медвѣдь поровняется съ входомъ, онъ дразнитъ его длиннымъ шестомъ съ несрѣзанной короной хвоевъ и говоритъ ласковыя слова. По окончаніи этой процедуры медвѣдя отводятъ на площадку и привязываютъ

между двумя разукрашенными по ритуалу деревьями. Шестъ, которымъ дразнили медвѣдя, укрѣпляется въ очагъ, такъ что его развѣвающаяся корона изъ хвоевъ высоко выдается надъ дымовымъ отверстіемъ. Послѣ этого устраивается антрактъ. Медвѣдь опять предоставляется самому себѣ, а народъ тѣсной гурьбой собирается въ юртѣ хозяина, гдѣ начинается обильное угощеніе. Сидятъ буквально на головахъ другъ у друга, тѣмъ не менѣе веселье необыкновенное: громкій говоръ, смѣхъ, шутки не умолкаютъ. Только нарх'и серьезны: они сгибаютъ луки, оттачиваютъ стрѣлы и готовятся къ рѣшительному моменту. Тѣмъ временемъ на священную площадку вывозятъ на нартахъ въ огромныхъ корытахъ всевозможныя холодныя яства: тутъ и мерзлая рыба всѣхъ видовъ, и рисъ, и буда́, и бобы и, наконецъ, всѣ сорта торжественнаго блюда „мось", способъ приготовленія котораго я уже описалъ во второй главѣ.

Все это устанавливается рядами близъ медвѣдя. Старшій въ родѣ или хозяинъ кормитъ послѣдній разъ медвѣдя съ большой ложки на длинной ручкѣ, давая ему поочередно отвѣдать съ каждаго блюда и прося при этомъ дать „хорошее мѣсто" при убіеніи. Наконецъ онъ обращается къ нему съ слѣдующими прощальными словами: „Прощай, въ послѣдній разъ я кормлю тебя, хорошенько иди, къ своему хозяину хорошенько иди, пусть хозяинъ тебя крѣпко полюбитъ". Другіе сородичи тоже стараются поднести что-нибудь старому другу; даже маленькія дѣти участвуютъ въ этомъ добромъ дѣлѣ. Послѣ небольшого перерыва изъ юрты высыпаетъ весь народъ, за исключеніемъ женщинъ, которымъ воспрещено присутствовать при убіеніи медвѣдя,—иначе, онъ хорошаго мѣста не дастъ,—и выстраивается въ боевой порядокъ. Впереди идетъ хозяинъ медвѣдя или старшій въ родѣ, съ котелкомъ и топоромъ въ рукахъ, рядомъ съ нимъ съ такимъ же котелкомъ и топоромъ старшій изъ нарх'овъ.—За ними остальные нарх'и съ луками и стрѣлами и, наконецъ, по обѣимъ сторонамъ слѣдуютъ на лыжахъ живописной веселой толпой всѣ участники празднества. Не доходя шаговъ 100 до мѣста, гдѣ привязанъ медвѣдь, народъ останавливается, хозяинъ втыкаетъ свой топоръ въ снѣгъ и ставитъ рядомъ котелокъ; то же дѣлаетъ нарх со своимъ топоромъ и котелкомъ. Топоръ и котелъ носятъ характерное названіе нич, т. е. мое—твое. Этими нич'ами хо-

зяинъ медвѣдя и старшій нарх обмѣниваются по окончаніи праздника въ знакъ вѣчнаго братства. Когда нич'и установлены, начинается предпослѣдній актъ трагедіи: пробная состязательная стрѣльба изъ лука. Нѣкогда, когда лукъ игралъ болѣе важную роль въ жизни гиляковъ, эта стрѣльба, безъ сомнѣнія носила характеръ грандіознаго состязанія; теперь же она сведена почти къ простой формальности. Мишенью служитъ доска, поставленная позади медвѣдя. Первыми стрѣляютъ нарх'и, за ними сородичи хозяина; послѣдніе стараются не конфузить гостей и дѣлаютъ умышленно промахи. Толпа слѣдитъ съ напряженнымъ вниманіемъ, и каждый выстрѣлъ сопровождается громкими одобреніями или могучими взрывами смѣха. Послѣ этой пробной стрѣльбы толпа передвигается ближе къ медвѣдю и останавливается въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Среди воцарившейся кругомъ глубокой тишины выступаетъ впередъ избранный нарх, беретъ въ руки лукъ и начинаетъ наблюдать за медвѣдемъ, выжидая, когда „онъ дастъ хорошее мѣсто“, т. е. повернется такъ, чтобы удобно было попасть сразу въ сердце. Но медвѣдь часто спокойно стоитъ на своемъ мѣстѣ, разгребая лапами снѣгъ, и очень мало заботится о предоставленіи хорошаго мѣста. Чтобы вывести его изъ спокойнаго состоянія и заставить дать хорошее мѣсто, а также чтобы привести его въ ражъ и этимъ облегчить ему, по ихъ мнѣнію, боль отъ нанесенной раны, его начинаютъ дразнить. Медвѣдь мечется во всѣ стороны, съ безсильной яростью бросается на своихъ мучителей, становится на заднія лапы. Стрѣлокъ между тѣмъ слѣдитъ за нимъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ и, улучивъ удобный моментъ, пускаетъ, наконецъ, свою отточеную стрѣлу. Въ первую минуту медвѣдь останавливается въ недоумѣніи, потомъ хватается лапой за грудь, на глазахъ выступаютъ слезы, изо рта горломъ показывается кровь. Иногда онъ начинаетъ неистово метаться, но чаще всего онъ падаетъ спокойно, съ недоумѣвающей скорбью въ глазахъ. Хотя смерть наступаетъ обыкновенно моментально, тѣмъ не менѣе, на всякій случай, нѣсколько человѣкъ набрасываются на убитое животное, и начинаютъ душить его, чтобы ускорить смерть и не дать ему мучиться. Послѣ этого снимаютъ съ медвѣдя цѣпь, тщательно выправляютъ на немъ шерсть и укладываютъ въ величаво-спокойной позѣ съ вытянутыми передними и задними лапами; на перед-

нихъ покоится голова, обращенная лицомъ на западъ. Въ этой позѣ онъ напоминаетъ человѣка, задумчиво улегшагося на землѣ, упершись локтями. Народъ чинно разсаживается въ два ряда, кто на нартахъ, кто прямо на снѣгу, кто на лыжахъ, и начинается уничтоженіе тѣхъ холодныхъ закусокъ, которыя были привезены для кормленія медвѣдя. Поѣвши, гости постепенно расходятся; остаются только ближайшіе сородичи, которые приступаютъ къ освѣжеванію медвѣдя. Процедура эта обставлена строгимъ ритуаломъ: способъ разрѣзанія мяса, разсѣченіе костей и т. п.—все совершается по разъ навсегда установленнымъ правиламъ. Первый моментъ этой процедуры, сейчасъ послѣ снятія шкуры, представляетъ для гиляка весьма импозантное зрѣлище. Это бѣлое (отъ толстаго слоя жиру) мягкое, вытянувшееся на спинѣ тѣло, эти переднія лапы съ длинными ровными пальцами, до иллюзіи напоминающія руки человѣческія, среди мрака ночи должны неотразимо будить въ дикарѣ представленіе, что предъ нимъ не звѣрь убитый, а особой породы человѣкъ, который снялъ свою мохнатую шкуру и теперь величаво отдыхаетъ, слѣдя за малѣйшимъ движеніемъ его ножа. Снятая цѣльная шкура вмѣстѣ съ головой медвѣдя торжественно переносится въ юрту, но не черезъ дверь, а черезъ дымовое отверстіе по высокому шесту съ короной хвой, который все время высится надъ земляной юртой. Старшій въ родѣ бережно подхватываетъ шкуру и, слегка ударяя по ней палочкой, приговариваетъ: „Помни, тебя кормилъ старикъ такой-то, старуха такая-то“. Тѣмъ временемъ, женщины встрѣчаютъ священную голову торжественнымъ маршемъ, разыгрываемымъ на оригинальнѣйшемъ инструментѣ. Это — сухое бревно лиственницы, подвѣшенное на козлахъ, по которому нѣсколько человѣкъ поочередно выбиваютъ въ тактъ довольно монотонные звуки. Подъ звуки этой очаровательной музыки, старшій въ родѣ водворяетъ голову медвѣдя на почетной нарѣ, устланной хвоями. Подъ головой—колчанъ со стрѣлами, а возлѣ нея табакъ, сахаръ и пр. яства. Души всѣхъ этихъ вещей медвѣдь заберетъ съ собой. Туши съ мясомъ хранятся на дворѣ на особомъ помостѣ, спеціально для этого устроенномъ, и вносятся частями тоже черезъ дымовое отверстіе. День заканчивается угощеніями, разговорами, играми молодежи, плясками, фехтованіемъ на палкахъ. Слѣдующій день называется *днемъ*

кормленія головы. Съ утра до вечера въ юртѣ кипятъ котлы и готовятся всевозможныя блюда гиляцкой кухни. Изъ каждаго блюда часть укладывается въ отдѣльную посудину и ставится рядомъ съ головой медвѣдя: это и значитъ „кормить голову“. Въ этотъ же день приступаютъ къ варкѣ медвѣжьяго мяса. Мясо варится на дворѣ въ особомъ котлѣ, огонь разводится священнымъ родовымъ огнивомъ, которое ни въ какихъ другихъ случаяхъ не употребляется. Но вкусить медвѣжатины въ этотъ день не дозволяется еще. Это происходитъ уже на другой день, который называется *днемъ угощенія нарх'овъ* (нарх-аріи-ку). Нарх'и усаживаются чинно вдоль нары, и хозяинъ торжественно обходитъ ряды и раздаетъ имъ куски медвѣжьяго мяса. Болѣе любезные хозяева кормятъ своихъ гостей изъ собственныхъ рукъ, всовывая имъ въ ротъ громадный кусокъ сала, отъ котораго гость откусываетъ, предоставляя сосѣду продолжать начатое имъ дѣло. Есть медвѣжье мясо дозволяется только нарх'амъ; хозяинъ и его родъ лишены этого права; имъ разрѣшается только ѣсть похлебку изъ риса или буды съ наваромъ изъ медвѣжьихъ тушъ. Эта похлебка приготовляется и поглощается въ огромныхъ количествахъ.

Величайшей честью для хозяина считается накормить гостей до пресыщенія. Любезность доводится до того, что когда гость, объѣвшись жировой похлебкой, начинаетъ изрыгать ее обратно, хозяинъ почтительно подставляетъ ротъ и выпиваетъ изрыгаемое. Болѣе утонченную любезность трудно себѣ представить. Въ промежуткѣ между пиршествами устраиваются гонки на собакахъ, игры, фехтованія на палкахъ, танцы въ круговую.

Цѣлый день женская молодежь поочереди музицируетъ на подвѣшенномъ бревнѣ и свою примитивную музыку сопровождаетъ юмористическими, подчасъ очень фривольными пѣсенками. Водка русская или китайскій ханшинъ играютъ не послѣднюю роль на пиршествѣ, поднимая веселье пирующихъ до апогея. Напоить допьяна своихъ гостей считается величайшей честью.— „У меня вчера „нархи“ два раза были пьяны“, хвасталъ мнѣ однажды хозяинъ медвѣдя.

Наконецъ наступаетъ послѣдній день праздника, *день отъѣзда нарх'овъ*. На ихъ нарты уложены туши медвѣжьяго мяса и всякія яства, наготовленныя для ихъ семействъ и сородичей.

Въ послѣдній моментъ нарх'и вводятъ въ юрту нѣсколько собакъ и привязываютъ ихъ у почетной пары къ черепу медвѣдя. Кромѣ того, въ видѣ подарка кладутъ рядомъ съ головой или втыкаютъ въ нее копье, ремень и т. п. вещи. Еще разъ на прощаньи нарх'и обильно утощаются, затѣмъ, обмѣнявшись прощальнымъ взглядами съ собаками, молча уходятъ. При выходѣ у порога имъ остается совершить послѣднюю церемонію, которая носитъ характерное названіе „лымызын зычывынд"—„порогъ топтать". Церемонія эта состоитъ въ томъ, что по обѣимъ сторонамъ порога ставятся ніч'и (котелъ и топоръ): ніч уходящаго—съ внутренней стороны, а ніч хозяина—съ наружной, причемъ уходящій долженъ сначала одной ногой переступить черезъ внутренній ніч, а потомъ другой черезъ наружный.

Въ тотъ же день совершается послѣдній актъ—жертвоприношеніе собакъ. Собаки, подаренныя нарх'ами, а также собаки, жертвуемыя для этого случая хозяиномъ, выводятся на площадку убіенія медвѣдя и привязываются къ тѣмъ самымъ деревьямъ, къ которымъ былъ привязанъ медвѣдь. Сюда же привозится и голова медвѣдя со всѣми поднесенными ей подарками. Каждая пара собакъ состоитъ изъ самца и самки, чтобы имъ было веселѣе въ дорогѣ. По числу паръ собакъ, втыкается возлѣ деревьевъ столько же паръ такихъ же „инау", какія дѣлаются для сопровожденія медвѣдя. Головы собакъ украпаются привязанными къ нимъ стружками, выкрашенными сокомъ ягодъ. Передъ убіеніемъ собакъ кормятъ отборными яствами и напутствуютъ слѣдующимъ образомъ: „Иди, къ своему хозяину иди, на самую высокую гору взберись, перемѣни свою шерсть и на будущій годъ сюда спустись, медвѣдемъ спустись, чтобы я тебя посмотрѣлъ, такъ сдѣлай, спустись, прощай, хорошенько ходи!" Послѣ этого собакъ убиваютъ одну за другой посредствомъ удушенія. Процессъ этотъ совершается довольно своеобразно. Два человѣка хватаютъ собаку за заднія ноги и съ силой оттягиваютъ несчастное животное какъ можно дальше отъ дерева, къ которому они привязаны затягивающейся петлей. Въ это время другіе два человѣка ухватываются за переднія двѣ лапы; пятый давитъ шею, ускоряя процессъ удушенія, а шестой втыкаетъ въ задній проходъ заостренную палку, чтобы воспрепятствовать изверженію изъ кишекъ. Когда собаки удушены, ихъ съ тѣмъ же почтеніемъ и въ той же позѣ, какъ

и медвѣдей, укладываютъ на снѣгу. Разводится огонь, убитыхъ животныхъ освѣжеваютъ и мясо ихъ бросаютъ въ котелъ. Въ пиршествѣ изъ собачьяго мяса участвуютъ всѣ, и мужчины и женщины, но только сородичи.

На другой день голова медвѣдя и кости его, а также посуда, стрѣлы, ремни и пр.—все увозится въ традиціонный амбаръ, служащій усыпальницей остатковъ священнаго звѣря. Съ этого момента душа медвѣдя отправляется, наконецъ, въ путь къ своему „хозяину“, нагруженная всѣми поднесенными подарками и сопровождаемая рѣзво бѣгущими рядомъ съ ней душами убитыхъ собакъ и душами заструженныхъ палочекъ (инау), пока не доберется до высочайшей горы, гдѣ живетъ ея хозяинъ, онъ же хозяинъ тайги—*Пал-ызъ*.

Гдѣ генезисъ этого страшнаго праздника, представляющагося многимъ удивительной загадкой?

Чтобы понять его смыслъ, нужно принять во вниманіе, прежде всего, что медвѣжьи праздники устраиваются не только по случаю убіенія домашняго медвѣдя, какъ это ошибочно думаютъ обыкновенно, а *всякій разъ*, когда гиляку удастся убить на охотѣ медвѣдя. Правда, въ этихъ случаяхъ размѣры праздника менѣе грандіозны, но сущность остается та же. Когда привозятъ въ деревню голову и шкуру убитаго въ тайгѣ медвѣдя, устраивается тріумфальная встрѣча съ музыкой и торжественнымъ церемоніаломъ. Голова помѣщается на священномъ помостѣ, ее кормятъ, одаряютъ такими же жертвоприношеніями, какъ и при убіеніи домашняго медвѣдя; такъ же созываются *нарх'и*. Такъ же приносятся въ жертву собаки; кости хранятся съ такимъ же почетомъ и въ томъ же мѣстѣ, гдѣ и останки домашняго медвѣдя. Слѣдовательно, церемоніалъ большого зимняго праздника есть только распространительный обрядъ, исполняемый при *всякомъ* убіеніи медвѣдя, обрядъ, логически вытекающій изъ того благоговѣйнаго отношенія къ медвѣдю, о которомъ я говорилъ раньше.—Далѣе, что касается факта вскармливанія медвѣдя ad hoc, то это съ перваго взгляда можетъ показаться элементомъ совершенно не религіознаго свойства. Гиляку во время охоты не разъ выпадаетъ случай добывать молодыхъ животныхъ, и всякій разъ, когда онъ находитъ это выгоднымъ для себя, онъ ихъ вскармливаетъ; такъ, онъ вскармливаетъ лисицъ ради мѣха, молодыхъ

орлятъ ради ихъ перьевъ. Точно также для гиляка невыгодно убивать молодого медвѣженка, и онъ предпочитаетъ вскормить его, чтобы получить потомъ огромную тушу мяса и великолѣпную шкуру. Далѣе, нѣтъ ничего естественнѣе, казалось-бы, какъ воспользоваться убіеніемъ медвѣдя для такого торжественнаго случая, какъ устройство поминокъ по близкомъ человѣкѣ. Кстати, вскармливаніе и убіеніе медвѣдя отличное воспитательное средство для молодежи, которая съ дѣтства привыкаетъ къ самому страшному звѣрю своей тайги, привыкаетъ не бояться его, изучаетъ его нравы, силу, слабости. Процедура добыванія медвѣдя изъ клѣтки—простая репетиція добыванія его изъ берлоги.

Тѣмъ не менѣе, не эти грубо-утилитарные мотивы играютъ главную роль въ дорого-стоющихъ и хлопотливыхъ, многолѣтнихъ заботахъ гиляка по вскормленію медвѣдя. Имъ руководятъ тутъ другіе мотивы, б. м. тоже утилитарные, но совсѣмъ другого порядка. Медвѣдь, какъ мы видѣли, въ глазахъ гиляка существо sui generis. Какое-бы существо ни скрывалось подъ мохнатой оболочкой медвѣдя, божественный-ли сородичъ хозяина горъ, горный человѣкъ, либо настоящее животное, присланное въ даръ гиляку его хозяиномъ, въ томъ или другомъ случаѣ, это существо высшаго порядка, могучее, сверхчеловѣчески сильное. Пребываніе такого существа въ теченіе продолжительнаго времени въ родномъ селеніи, по представленію гиляка, убѣжденнаго въ безпрестанныхъ козняхъ сонмовъ злыхъ духовъ, вѣчно покушающихся на его жизнь и здоровье, должно быть чрезвычайно благодѣтельно. Присутствіе этого могучаго существа, какъ сильнѣйшая дезинфекція, должна убивать и отгонять всякаго злокозненнаго духа. Недаромъ именно смерть сородича, т.-е., фактъ изъ ряда вонъ выходящаго злостнаго покушенія злого духа, заставляетъ немедленно же изловить или купить во что-бы то ни стало медвѣженка. Что медвѣдь однимъ своимъ присутствіемъ гонитъ злыхъ духовъ, видно хотя-бы изъ того, что во время медвѣжьяго праздника шаману запрещается совѣтоваться во снѣ со своими *жежъ* (см. ниже) насчетъ лѣченія больного, т.-е. изгнанія вселившихся въ него злыхъ духовъ, потому-что медвѣдь *обижается*: онъ самъ, молъ, ихъ разгоняетъ своей собственной силой. Аналогіи подобнаго воззрѣнія на очистительное вліяніе медвѣдя и многихъ другихъ животныхъ мы находимъ въ нашихъ

собственныхъ переживаніяхъ и обрядахъ. Въ Малороссіи, какъ извѣстно, существовалъ обычай въ извѣстные праздники обводить медвѣдя по деревнѣ съ очистительной цѣлью... На нашихъ барскихъ конюшняхъ еще до сихъ поръ сохранился обычай держать козловъ, которые должны охранять лошадей и конюховъ отъ нечистой силы. Такимъ образомъ, родъ, кормящій медвѣдя, дѣлаетъ важное общественное дѣло, гарантируя всѣхъ своихъ отъ козней самыхъ могучихъ, хотя и невидимыхъ, враговъ. Своеобразная религіозная санитарія, но единственно доступная первобытному человѣку!

Теперь остановимся на смыслѣ тѣхъ *обрядовъ*, которые сопровождаютъ *всякій* случай убіенія медвѣдя. Прежде всего, нужно сказать, что гилякъ не считаетъ грѣхомъ убивать медвѣдя. При всемъ своемъ благоговѣніи къ нему, онъ убѣжденъ, во первыхъ, что тѣ медвѣди, которые достаются ему въ добычу, посылаются ему „хозяиномъ“ тайги, по отношенію къ которому медвѣди играютъ ту же роль, что̀ для гиляка собаки. „Медвѣдь собака хозяина горы“ — такова формула гиляка. Да, кромѣ того, медвѣдь ничего не теряетъ отъ своей насильственной смерти, потому-что смерть для него состоитъ только въ томъ, что онъ бросаетъ гиляку свое тѣло, а душа его—этотъ живой дубликатъ—рѣзво мчится въ это время къ своему „хозяину“ какъ ни въ чемъ не бывало. Стало-быть, никакого искупленія тутъ не требуется. Но медвѣдь, хоть и собака лѣсного человѣка, тѣмъ не менѣе существо высшаго порядка, высшаго ранга, чѣмъ человѣкъ. Въ этомъ представленіи о медвѣдѣ, какъ о собакѣ „хозяина“ съ точки зрѣнія первобытнаго человѣка, нѣтъ ничего умаляющаго для священнаго животнаго. Будемъ помнить, что генезисъ культа животныхъ кроется въ преклоненіи передъ животнымъ, именно какъ таковымъ, безъ всякой иносказательности. „Разумомъ вселенной, говоритъ еще Авеста, управляетъ собака“. Но, по дальнѣйшей эволюціи культа медвѣдя, какъ мы видѣли, въ этомъ послѣднемъ можетъ крыться и „горный человѣкъ“, сородичъ „хозяина горъ“ и даже собственный сородичъ гиляка, превратившійся въ „горнаго человѣка“. И потому, оказать всевозможныя почести убитому, кормить его голову, щедро снабдить его въ дорогу разными припасами, не осквернять его тѣла, не проливать его крови на землю и т. п.—все это необходимыя послѣдствія воззрѣнія на

медвѣдя, какъ на высшее существо. Но не этимъ только проявленіемъ уваженія къ высшему существу исчерпывается важность праздника. Душа убитаго медвѣдя отправляется къ своему хозяину, тому хозяину, отъ котораго зависитъ благополучіе человѣка. Это самая вѣрная оказія переслать этому далекому владыкѣ жизни разные подарки въ видѣ собакъ, стрѣлъ, лука, яствъ и т. п. Все это окупится сторицей. Да и самъ медвѣдь, ублаготворенный всѣми почестями и угощеніями, можетъ оказаться небезполезнымъ въ исходатайствованіи разныхъ милостей у хозяина горъ.

Изъ этого видно, что убіеніе медвѣдя во время зимняго праздника—*не жертва* богамъ, какъ думаетъ, напр., извѣстный изслѣдователь первобытной религіи Лангъ, а только даетъ *поводъ* къ жертвамъ. Самое лучшее доказательство—это то, что гилякъ всегда приноситъ каждому богу въ жертву лишь то, чего этотъ богъ самъ не имѣетъ, а хозяинъ тайги имѣетъ сколько угодно медвѣдей. Ему нужны собаки, рыбы, табакъ, сахаръ, ремни, стрѣлы—ихъ и даетъ ему гилякъ; медвѣдь же лишь почетный посолъ, который ихъ отвезетъ. Онъ самъ божество, хотя и маленькое, а по этому самому не можетъ быть жертвой. Наконецъ, есть еще одинъ важный моментъ праздника—это *вкушеніе тѣла медвѣдя*. Обыкновенно большая часть мяса отдается нарх'амъ, т.-е. роду зятя хозяина убитаго медвѣдя, но голова обязательно и благовѣйно раздѣляется между сородичами, которымъ принадлежитъ медвѣдь. Въ этомъ вкушеніи видятъ не простой актъ ѣды, а воспринятіе въ свое тѣло могучихъ свойствъ медвѣдя. Женщина, напр., не можетъ вкусить отъ сердца медвѣдя, которое дастъ храбрость, качество, совершенно безполезное для нея, и потому такое вкушеніе, какъ безцѣльное, должно-быть обиднымъ для медвѣдя.

Такимъ образомъ религіозное значеніе медвѣжьяго праздника сводится къ слѣдующему: 1) вскармливаніе медвѣдя доставляетъ селенію безопасность и охрану отъ злыхъ духовъ,—обстоятельство величайшей важности, если принять во вниманіе взгляды гиляка на происхожденіе болѣзни и смерти (см. ниже); 2) вкушеніе „божества“ даетъ силу; 3) ублаготворенная почестями душа убитаго медвѣдя и самостоятельно и черезъ своего „хозяина“ можетъ благодѣтельствовать человѣку; 4) она же—и это самое важное—является посломъ, передатчикомъ всевозможныхъ даровъ „хозяину горы“, отъ котораго зависитъ благополучіе ги-

ляка. По поводу этого послѣдняго пункта, необходимо вспомнить то, что мы говорили о родовыхъ богахъ. У каждаго рода есть сородичи среди „горныхъ людей", т.-е., сородичи, нѣкогда павшіе въ борьбѣ съ медвѣдемъ и потомъ принятые въ родъ „хозяина медвѣдя". Каждый такой сородичъ становится, въ свою очередь, маленькимъ „хозяиномъ", богомъ-покровителемъ своего рода. Въ дѣйствительности, каждый родъ получаетъ свою добычу не непосредственно отъ самаго „хозяина горъ", а именно отъ своего родового бога, который спеціально поселяется на охотничьей территоріи своего рода. Такъ-что подарки, пересылаемые черезъ медвѣдя, въ сущности направляются не къ самому главному „хозяину", а ближайшему, „хозяину горъ"—сородичу.

Вотъ почему устроеніе праздника является чисто родовымъ дѣломъ. Этимъ также объясняется, быть можетъ, два крайне характерныхъ, но загадочныхъ факта медвѣжьяго праздника. Во первыхъ, не только никто изъ членовъ рода, устраивающихъ праздникъ, не допускается къ убіенію медвѣдя, но не допускаются даже сородичи женщинъ, на которыхъ женаты члены этого рода, словомъ, никто изъ агнатовъ ни по мужской, ни по женской линіи; единственные родственники, допускаемые къ убіенію, это „зятья", лица, женатыя на вышедшихъ изъ этого рода женщинахъ, т. е., лица, кровь которыхъ никогда не смѣшивалась съ празднующимъ родомъ. Во вторыхъ, вся медвѣжья туша, за исключеніемъ мяса головы, отдается другому роду, роду „нарх'овъ", и, наоборотъ, запретна для рода, которому принадлежитъ медвѣдь. Нѣкогда, можетъ быть, и голова была также запретна для празднующаго рода. Не вызываются ли эти запреты тотемистической предосторожностью противъ убіенія и вкушенія тѣла сородича? Вѣдь убитый медвѣдь могъ случайно оказаться и сородичемъ родового горнаго человѣка и, значитъ, сородичемъ тѣхъ, которые устраиваютъ праздникъ? Тогда убивать его и ѣсть его мясо было бы преступно и гибельно для даннаго рода. Но другому роду,—роду „пар'ховъ", это дозволительно, потому-что ему посылаетъ медвѣдей другой „хозяинъ", его собственный сородичъ, такъ-что ѣсть мясо медвѣдя чужого рода для него совершенно безопасно.

Можетъ показаться страннымъ и непримиримымъ противорѣчіемъ сосуществованіе такихъ нормъ, какъ дозволительность убіе-

нія, хотя и не самоличнаго, медвѣдя и вкушенія его головы—съ одной стороны, и запретъ на все остальное мясо—съ другой стороны. Но у тотемныхъ племенъ мы сплошь и рядомъ встрѣчаемся съ такими мнимыми противорѣчіями. Самоанцы, напр., убиваютъ въ торжественные моменты совъ, оказываютъ имъ почести, какъ божественнымъ предкамъ своимъ, но въ то же время до мяса не смѣютъ дотрогиваться. У племенъ Центральной Австраліи, читаемъ мы у Спенсера и Гиллена, у которыхъ обыкновенно запрещено, напр., убивать и употреблять въ пищу кенгуру, въ извѣстный торжественный день убивается 2—3 запретныхъ животныхъ и мясо кусочками распредѣляется между сородичами. Такихъ примѣровъ много.

Косвенное подтвержденіе нашего предположенія о происхожденіи указаннаго запрета у гиляковъ находимъ въ интересномъ преданіи орочей и ороковъ, религіозныя воззрѣнія которыхъ очень близки съ таковыми у ихъ сосѣдей—гиляковъ. Согласно этому преданію, одна орочская женщина однажды была похищена (иначе говоря, съѣдена) медвѣдемъ и родила отъ него двоихъ дѣтей. Послѣ этого, она часто въ видѣ медвѣдицы встрѣчалась въ лѣсу съ орочами и предупреждала ихъ не стрѣлять въ нее. Но случилось, что по ошибкѣ ее подстрѣлили. Что это была именно она, ясно видно было изъ того, что въ ея внутренностяхъ нашли женскія украшенія: браслетъ и т. п. Умирая, она завѣщала убившему ее орочу, чтобы впредь при убіеніи медвѣдя соблюдался тотъ ритуалъ, который нынѣ обычно соблюдается на праздникѣ, ибо каждый убитый медвѣдь можетъ оказаться ея потомкомъ и, слѣд., сородичемъ ороча.

Но вернемся къ богамъ. До сихъ поръ я говорилъ о богахъ, благодѣтельствующихъ гиляку. Но, кромѣ нихъ, есть еще сверхъестественныя существа, злыя и вредящія ему. Это черти „мильк'и", „кинр'ы". Существа эти являются въ самыхъ различныхъ видахъ и различаются по степени своей зловредности. Они являются то въ видѣ гиляковъ, то въ видѣ звѣрей, начиная съ медвѣдя и кончая жабой и ящерицей. Встрѣчаются они на сушѣ и на морѣ, подъ землей и на небѣ.

Одни изъ нихъ составляютъ спеціальные роды злокозненныхъ существъ, губительныхъ по самой природѣ своей. Другіе—это

отдѣльные выродки, „блудные сыны“ родовъ благодѣтельныхъ существъ, по исключенію только ставшіе врагами человѣческими. Главную опасность, конечно, представляютъ первые.

Одни занимаются исключительно тѣмъ, что обкрадываютъ гиляка въ пути (духи потерь—*гэр-нгаух'и*), другіе опустошаютъ амбары, петли и западни, или всякими иными путями пакостятъ ему, и наконецъ, есть и такіе, которые покушаются на самую жизнь его, причиняя болѣзнь и смерть. Если бы не они, люди не умирали бы! Естественная смерть невозможна! Смерть—результатъ козней этихъ коварныхъ существъ. Поэтому гилякъ никогда не дотронется до подохшаго въ тайгѣ соболя, хотя бы шкурка его была очень цѣнна и сохранилась наилучшимъ образомъ, ибо въ подохшемъ соболѣ непремѣнно сидитъ чортъ. Подобно тому, какъ онъ, гилякъ, сторожитъ звѣря и всяческими уловками старается убить его, такъ и злой духъ сторожитъ на каждомъ шагу его самого, чтобы полакомиться имъ. Болѣзнь это не больше, какъ злое существо, забравшееся въ тѣло гиляка и медленно его поѣдающее. Такому представленію легко подаютъ поводъ ночные кошмары и сны, когда больному грезится, что кто-то его душитъ, давитъ изнутри. При неправильномъ функціонированіи какого-нибудь органа, напр., при одышкѣ, легко является представленіе, что какое-то существо залѣзло внутрь и мѣшаетъ дыханію и т. д. Это-то существо необходимо *изгнать*. Изгнаніе производится посредствомъ разнообразныхъ пріемомъ, начиная съ простѣйшихъ и кончая самыми сложными. Вотъ примѣръ, наглядно рисующій „психологію“ изгнанія бѣсовъ. Одну женщину, подвергшуюся припадку внезапнаго истеричнаго психоза, при мнѣ посадили на высокій помостъ, на которомъ обыкновенно чистятъ рыбу, и подъ нимъ развели огонь изъ всякой ветоши, собачьяго кала и вонючаго мусора. Чортъ, забравшійся въ женщину, не могъ, конечно, выдержать ужасающаго зловонія и благоразумно убрался изъ сердца спасшейся такимъ образомъ больной. Но не всѣ бѣсы такъ чутки къ зловонію; иные нуждаются въ болѣе сильныхъ средствахъ. Такихъ бѣсовъ приходится запугивать необыкновеннымъ шумомъ, изступленными криками, страшнымъ видомъ изгоняющаго и т. п. терроризирующими средствами. Отсюда необходимость для бѣсоизгонителя бить въ бубенъ, гремѣть побрякушками, выть не своимъ голосомъ, приводить себя въ

изступленное состояніе, для чего онъ глотаетъ дымъ, пьетъ морскую воду, одуряетъ себя дымомъ багульника (ledum palustre) и жуетъ отвратительный горькій корень этого растенія, ѣстъ горячій уголь и т. д. Но и такія сильныя средства не всегда оказываются дѣйствительными. Иногда злой духъ не поддается никакому человѣческому устрашенію: мало того, иногда онъ уноситъ душу больного въ царство тѣней. Тутъ уже необходима помощь высшихъ существъ. Эту помощь могутъ оказать только *избранники*, спеціалисты-изгонители, т. е. *шаманы*. Шаманы у гиляковъ не представляютъ касты, какъ у болѣе культурныхъ варваровъ. Шаманы у гиляковъ—это избранники, получившіе въ видѣніи ночи или въ трансѣ отъ бога-покровителя откровеніе о своемъ высокомъ призваніи. Съ этого момента у шамана являются боги-*помощники*, исполнители его велѣній. Эти боги-помощники двоякаго рода: *кэхн* и *кенчх*. Первые исполняютъ главныя его порученія. Это они хитростью или силой вытаскиваютъ бѣса изъ организма больного. Они же носятъ душу шамана въ поискахъ за украденной душой больного, забираясь съ ней даже въ царство тѣней. Что касается помощниковъ, то это веселые духи, играющіе съ шаманомъ и помогающіе ему только въ фокусахъ. *Кехн*—существа самыхъ разнообразныхъ породъ: есть *кехн*-волки, совучи, филины, олени, зайцы, небесныя существа и т. д. У каждаго *кехн* свой хозяинъ, который самъ лично очень рѣдко является на помощь, посылая своихъ подчиненныхъ. *Кехн* способны принимать любую форму и, слѣдовательно, могутъ проникать повсюду, гдѣ только нужно, для спасенія больного.

У шамановъ три главныхъ способа лѣченія. Одинъ состоитъ въ томъ, что, выслушавъ паціента, шаманъ засыпаетъ и потомъ, комбинируя явившіяся ему сновидѣнія, даетъ тотъ или иной совѣтъ. Увидѣвъ, наприм., во снѣ пѣгую собаку, онъ рѣшаетъ, что для исцѣленія необходимо принести въ жертву собаку и т. д. Другой способъ—это тотъ обычный способъ камланія, который обыкновенно описывается этнографами, именно изгнаніе бѣса посредствомъ изступленныхъ криковъ, ударовъ въ бубенъ и т. д., словомъ—терроромъ. Но, такъ какъ однимъ звуковымъ устрашеніемъ ничего не подѣлаешь часто, то призываются во время камланія на помощь вышеупомянутые духи кехн. Собственно говоря, въ настоящее время *призваніе духовъ* и составляетъ существенный-

шую часть камланія. Всю силу своего автогипноза, которую шаманъ создастъ въ себѣ изступленными криками, наркотиками, оглушающими звуками бубна, бѣшеной пляской, онъ употребляетъ на то, чтобы вызвать въ себѣ то высшее чутье, благодаря которому онъ видитъ и слышитъ своихъ духовъ-покровителей. Мы вполнѣ ему можемъ повѣрить, что онъ дѣйствительно ихъ видитъ и слышитъ. И своей вѣрой онъ гипнотизируетъ и окружающихъ. Надѣюсь, что никто не заподозритъ меня въ пристрастіи къ шаманамъ, и я могу спокойно засвидѣтельствовать, что въ моемъ присутствіи экстазъ шамана и таинственная обстановка, при которой метался и вопилъ изступленный избранникъ, приводилъ гиляковъ въ такое состояніе, что они галлюцинировали и видѣли все то, что видѣлъ въ трансѣ самъ шаманъ. Шаманъ ловко, смотря по обстоятельствамъ, прибѣгаетъ то къ одному, то къ другому изъ своихъ *кехн*. Такъ, если бѣсъ упорно засѣлъ внутри организма и не хочетъ уходить, шаманъ призываетъ *ар-рымнд-кехн*, который обращается въ огненный шаръ и забирается въ брюхо шамана, а оттуда во всѣ самыя отдаленныя части его тѣла, такъ что шаманъ во время сеанса выпускаетъ огонь изо рта, изъ носа, изъ любой части тѣла. Пропитавшись такимъ образомъ огнемъ, онъ прикасается губами къ больному мѣсту и впускаетъ внутрь огонь, который окончательно прогоняетъ бѣса. Смыслъ этого пріема лежитъ въ томъ же примитивномъ принципѣ террора—въ данномъ случаѣ устрашенія огнемъ, о которомъ я говорилъ впачалѣ. Вообще *кехн* довольно-таки хитрый народъ. Такъ, когда *кехн'у* приходится забираться къ хозяину моря за маленькой душой утопленника, которая лежитъ на постелькѣ въ юртѣ самого хозяина, онъ приводитъ съ собою бѣлаго оленя. Конечно, морскіе люди, никогда не видавшіе такого диковиннаго звѣря, выбѣгаютъ изъ юрты, чтобы посмотрѣть на него. Этимъ-то моментомъ и пользуются *кехн*, чтобы похитить душонку утопленника.

Насколько реально гилякъ относится къ *кехн*, видно изъ слѣдующаго. Передъ порогомъ юрты, съ внутренней стороны, разстилаютъ на полу большой кусокъ новой бязи (пор), на которомъ *кехн* будетъ отдыхать во время сеанса. Въ углу на полкѣ ставятъ чашку съ сараной, сахаромъ, цѣннымъ блюдомъ „мось“, картошкой и т. п. лакомствами, которыми духъ-исцѣлитель будетъ угощаться въ антрактахъ камланія. Надъ ложемъ

больного привѣшивается сложенный кругомъ ремень, а на полу подлѣ больного ставится котелъ съ гвоздемъ. Ремнемъ *кехи* свяжетъ душу больного, забравшуюся въ млы-во (селеніе мертвыхъ), и, положивъ ее за пазуху, принесетъ въ юрту, при чемъ броситъ ее въ котелъ и уколетъ гвоздемъ. На полъ или на нару ее класть нельзя, потому что черезъ полъ она можетъ удрать обратно.

Третій способъ лѣченія—это на разстояніи. Когда человѣкъ внезапно заболѣваетъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ шамана, или въ дорогѣ, онъ ночью, когда шаманы спятъ, выходитъ на дворъ, бросаетъ жертву богамъ и кричитъ изо всей силы: „Чамнай, ни ховлатыпгра ньронюя", т. е.: „Шаманъ! я боленъ, помоги мнѣ!" Шаманъ будто-бы немедленно тогда приступаетъ къ камланію и посылаетъ своего *кехи*, и больной не только слышитъ звуки бубна, но во мракѣ ночи видитъ даже образъ посланнаго духа. По возвращеніи въ свою деревню, исцѣленный больной съ умиленіемъ и благодарностью разсказываетъ шаману подробности чудесной ночи.

Хотя шаманы не играютъ среди гиляковъ такой большой роли, какъ среди инородцевъ береговъ Амура, вѣра въ сверхъестественную силу ихъ и здѣсь безгранична. Сплошь и рядомъ мнѣ показывали мѣста, съ которыхъ шаманы силой духа поднимались, какъ птицы, подъ небеса и летали по своимъ дѣламъ въ области небожителей. Не менѣе часто мнѣ называли случаи, когда шаманъ воскрешалъ мертвыхъ, убивалъ на разстояніи, создавалъ форелей и т. п. Я самъ сталъ однажды объектомъ легенды всемогущества шамана. Въ с. Ныйво, что на устьѣ Тыми, я позволилъ себѣ однажды предложить медицинскую помощь паціенткѣ знаменитаго шамана. Узнавъ про мое вмѣшательство, шаманъ не только запретилъ принимать мои лѣкарства, но рѣшилъ строго наказать меня за мою дерзость. Немедленно послѣ моего отъѣзда онъ въ полной одеждѣ вошелъ въ воды залива и сталъ заклинать бога воды обрушиться на меня всевозможными карами. Черезъ день пришлось мнѣ заночевать въ покинутомъ орокскомъ шалашѣ, на низкомъ берегу залива Набиль. Ночью поднялся сильный вѣтеръ, сопровождаемый страшнѣйшимъ ливнемъ; вода выступила изъ береговъ и стала затапливать низкую окрестность. Мы проснулись на разсвѣтѣ, буквально плавая на нашихъ под-

стилкахъ. Пришлось строить помостъ и ежиться на немъ въ теченіе многихъ часовъ до спада воды. Для гиляковъ всего побережья было внѣ всякаго сомнѣнія, что я понесъ наказаніе, ниспосланное шаманомъ, который, впрочемъ, могъ оказаться еще строже, но на сей разъ пощадилъ русскаго „тяньги“ (господина). Замѣчательно, что смерть моей паціентки, хотя она и отказалась принять оставленное мною лѣкарство, была вмѣнена въ вину не шаману, а ея святотатственному обращенію за помощью ко мнѣ.

Впрочемъ, гиляки охотно и съ полной вѣрой лѣчатся у русскихъ, но не потому, конечно, что вѣрятъ въ силу науки, а по совершенно своеобразнымъ причинамъ. „Русскій богъ, разсуждаютъ они, сильнѣе гиляцкаго, значитъ и русскій шаманъ сильнѣе гиляцкаго“. А если вы спросите, почему русскій богъ сильнѣе гиляцкаго, вы можете услышать такой отвѣтъ: „Смотри, гилякъ столько вѣковъ живетъ здѣсь, а все тропинками ходитъ, а русскій пришелъ, сейчасъ широкія дороги сдѣлалъ, такія дороги, что гилякъ никогда не видалъ“. Любопытно, что ни пароходы, ни машины, ничто такъ не поражаетъ гиляка и не убѣждаетъ его въ превосходствѣ русскаго бога предъ гиляцкимъ, какъ именно эти дороги.

Теперь еще нѣсколько словъ о природѣ и психикѣ этихъ странныхъ людей, именуемыхъ шаманами.

По воззрѣніямъ гиляковъ, шаманы—избранныя существа. Сдѣлаться шаманомъ нельзя. Талантъ шамана не даръ, а бремя. Чтобы стать шаманомъ, необходимо либо поправиться какому-нибудь кехн, либо получить такого кехн отъ отца или дяди. Обращеніе въ шамана составляетъ переломъ въ жизни избранника, переломъ, сопровождающійся очень сложными психическими явленіями.

Передъ тѣмъ, какъ стать шаманомъ, разсказывалъ мнѣ одинъ знакомый шаманъ, онъ болѣлъ болѣе двухъ мѣсяцевъ, втеченіе которыхъ онъ лежалъ неподвижно, пластомъ, въ полномъ безпамятствѣ. Не успѣвалъ онъ очнуться отъ одного припадка, какъ впадалъ въ другой. „Я умеръ бы, сказалъ онъ мнѣ, если бы не сдѣлался шаманомъ!“ За эти мѣсяцы испытаній онъ высохъ, какъ палка. По ночамъ ему стало сниться, что онъ поетъ шаманскія пѣсни. Однажды явился къ нему бѣлый филинъ и сталъ возлѣ него совсѣмъ близко, а немного подальше стоялъ

человѣкъ и говорилъ ему: „Сдѣлай себѣ бубенъ и все, что полагается шаману, и пой пѣсни. Если ты простой человѣкъ, у тебя ничего не выйдетъ, если же ты шаманъ, то будешь настоящимъ шаманомъ". Спалъ онъ долго, сколько—не знаетъ, но когда онъ проснулся, онъ увидѣлъ, что его держатъ надъ огнемъ за ноги и за голову: окружающіе думали, что кехн убили его. Тогда онъ велѣлъ подать себѣ бубенъ и сталъ пѣсни пѣть. Онъ чувствовалъ себя не то пьянымъ, не то мертвымъ. Тогда-то онъ впервые увидѣлъ своихъ кехи и кенчх, и первые сказали ему: „Если больного увидишь, лѣчи его, кенчх'у не вѣрь: у него лицо человѣчье, а тѣло птичье; вѣрь только намъ".

Однажды я самъ былъ свидѣтелемъ перваго появленія подобнаго припадка. Гиляцкій мальчикъ, по имени Койнытъ лѣтъ 12, сынъ шамана, гостившій у меня, заснулъ послѣ обѣда и, нечаянно разбуженный моимъ товарищемъ, началъ неистово метаться и кричать, повторяя всѣ неистовства и изступленные крики шамановъ. Когда припадокъ кончился, лицо бѣднаго мальчика было страшно истомлено и казалось лицомъ пожилого человѣка. Во снѣ къ нему явилось двое *кехн*, одинъ мужчина, другой женщина; это были *кехн* его покойнаго отца. Они сказали ему: „Мы играли съ твоимъ отцомъ, теперь давай съ тобой". Другой гиляцкій мальчикъ Индынъ, присутствовавшій тутъ же, съ глубокимъ изумленіемъ наблюдалъ проявленія припадка. „Ну, теперь Койнытъ человѣкомъ не будетъ, сказалъ онъ, *кехн* хочетъ его заставить свой законъ держать". Въ этомъ замѣчаніи съ полной ясностью вылился взглядъ гиляка на шамана, какъ на особое существо, какъ на избранника боговъ. Но какъ видно, и у гиляковъ нелегко достается избранничество.

Итакъ, шаманъ — избранникъ, лицо, *вѣрящее* въ свою силу и избраніе. Это сознаніе какъ нельзя болѣе подходитъ ко всему его физическому складу, потому что настоящіе шаманы почти всегда люди, страдающіе разными видами истеріи благопріобрѣтенной или, что чаще всего, наслѣдственной. А истерія, какъ извѣстно, это та благодатная почва, которая создаетъ даръ ясновидѣнія, галлюцинаціи, бредъ, навязчивыя идеи. Это индивиды, наиболѣе легко поддающіеся гипнозу и автогипнозу. Съ дѣтства будущій шаманъ загипнотизированъ идеей покровительства кехи, и во время сеансовъ камланія онъ употребляетъ всѣ средства,

необходимыя для самовнушенія. *Изученіе психики шаманства* сводится, по нашему мнѣнію, къ ученію объ автогипнозѣ на почвѣ истеріи, и, разумѣется, на общемъ фонѣ анимистическаго міровоззрѣнія. Кромѣ дара избранничества, шаманъ имѣетъ еще одно завидное преимущество предъ простымъ смертнымъ. Обыкновенный смертный имѣетъ только одну душу, богатый человѣкъ имѣетъ двѣ, а шаманъ можетъ имѣть ихъ вдвое больше. Такъ, ады-тымовскій шаманъ Чамх, отецъ того мальчика-шамана, Койныта, о которомъ я говорилъ выше, имѣлъ цѣлыхъ 4 души; одну дала ему гора, другую море, третью небо, четвертую подземное царство. И малолѣтній сынъ его, Койнытъ, во время моего пребыванія на островѣ, имѣлъ уже 2 души, хотя онъ былъ бѣденъ, какъ Іовъ.

Различіе въ числѣ душъ по рангамъ касается только такъ называемыхъ большихъ душъ, т. е. душъ, равняющихся по размѣрамъ тѣлу человѣка и размѣщающихся при жизни послѣдняго по всему организму. Но, кромѣ этихъ большихъ душъ, у каждаго человѣка есть еще маленькія души, помѣщающіяся въ головѣ большой души, послѣ смерти которой маленькая душа превращается въ большую и становится дубликатомъ покойной. Въ высшей степени замѣчательно, что маленькія души рисуются гиляку въ видѣ яйца, представленіе, столь характерное для психологіи первобытнаго человѣка, котораго таинственные процессы эмбріологіи такъ же фатально приводятъ къ идеѣ безсмертія души, какъ нѣкогда къ тому же былъ приведенъ славный христіанскій мыслитель путемъ размышленія надъ фактомъ произрастанія растенія изъ зерна, брошеннаго въ землю.

При жизни человѣка эта маленькая яйцевидная душа играетъ огромную роль. Это она является гиляку во снѣ, и все, что гилякъ видитъ или дѣлаетъ во время сновидѣній и что принимается имъ, какъ живая дѣйствительность, все это продѣлывается этой маленькой душой.

Но шаманы, сколько бы душъ у нихъ ни было, не всемогущи... Наступаетъ моментъ, когда самые могущественные шаманы вмѣстѣ со всѣми своими *кехн* оказываются безсильными помочь человѣку въ борьбѣ съ засѣвшими въ него злыми духами. Это случается чаще всего тогда, когда мучителями человѣка являются злые геніи горы или моря. Разрушивши тѣло, эти господа часто

уносятъ съ собою и душу умершаго. Но освободившись отъ тѣлеснаго бремени, душа умѣетъ постоять за себя, она умудряется сбѣжать отъ своего гонителя и укрыться по близости, у дружественныхъ горныхъ или морскихъ людей. Спустя нѣкоторое время душа-двойникъ, принявъ человѣческій образъ, перебирается въ новую, таинственную для насъ, но хорошо извѣстную гиляку страну — млы-во, (буквально „селеніе мертвыхъ“). Впрочемъ, обыкновенно злые духи, убивъ тѣло, оставляютъ душу въ покоѣ, и она безпрепятственно можетъ отправиться въ новый міръ. Попасть въ млы-во очень нетрудно. Гдѣ-то на землѣ есть отверстіе (смертнымъ это мѣсто точно не извѣстно); стоитъ только спуститься по этому отверстію, какъ душа у цѣли. Тамъ все, какъ у насъ: такая же земля, такое же небо, море, рѣки, лѣса, только солнце свѣтитъ тамъ, когда у насъ ночь, а луна, когда у насъ день. Ожившіе покойники продолжаютъ тамъ жить въ такихъ же селеніяхъ, какъ на землѣ, ловятъ рыбу, бьютъ звѣрей, устраиваютъ родовые праздники, женятся и плодятся. Только имущественное положеніе измѣняется: бѣдный человѣкъ дѣлается богатымъ, а богатый бѣднымъ. И у гиляковъ, какъ видите, бѣдные находятъ свое утѣшеніе не въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Но и въ новомъ мірѣ человѣка ожидаютъ болѣзни и смерть. Оттуда душѣ придется перекочевать еще въ третій міръ и такъ до трехъ разъ, пока, наконецъ, душа не измельчаетъ и не обратится все въ меньшія и меньшія существа, въ птичку, комара и, наконецъ, въ прахъ. Иногда души снова рождаются на нашей планетѣ, совершая опять безконечный рядъ превращеній. По большей части это удѣлъ женщинъ.

Но прежде, чѣмъ попасть въ млы-во, душа ждетъ, чтобъ ее снабдили на этомъ свѣтѣ всѣмъ необходимымъ, чтобы съ комфортомъ и побогаче явиться въ новую страну. И вотъ покойника обряжаютъ въ лучшія одежды, въ шелковые халаты. Все, что одѣваютъ на покойника, должно быть новое, все вышито, изящно, прочно. На мущинъ одѣв. 1, 3, 6 паръ и вообще число паръ, кратное 3-мъ, на женщинъ 2, 4, 8 и т. д. паръ.

Изъ амбара достаютъ самыя дорогія копья, ружья, луки, сѣти—и души всѣхъ этихъ предметовъ отправятся въ путь вмѣстѣ съ покойникомъ.

Пока идутъ эти приготовленія къ далекому странствованію,

покойника безпрерывно угощаютъ самыми изысканными блюдами. Съ утра до глубокой ночи кипятъ котлы; народъ толпится въ юртѣ. Ѣдятъ, пьютъ, какъ во время медвѣжьяго праздника, и изъ каждаго блюда удѣляютъ покойнику. Когда курятъ, подносятъ ротъ къ губамъ покойника и дѣлятся съ нимъ этимъ любимѣйшимъ удовольствіемъ гиляка. Обычай требуетъ, чтобы, пока покойникъ въ домѣ, окружающіе его веселились, шутили, смѣялись. Молчаніе въ домѣ покойника—грѣхъ. Когда всѣ приготовленія окончены, покойника привязываютъ къ нартѣ ремнями и поверхъ него кладется его любимая собака. Въ этой собакѣ нѣкоторое время будетъ жить маленькая душа покойника. Собаку привяжутъ потомъ къ тому мѣсту, гдѣ спалъ покойникъ, будутъ кормить лучшими блюдами, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ, когда маленькая душа водворится вновь на свое мѣсто, собаку продаютъ на сторону.

Наконецъ, покойника привозятъ къ мѣсту, гдѣ останутся навѣки его останки. Здѣсь его ожидаетъ послѣднее ложе на землѣ—высокая, симметрично сложенная груда дровъ, на которую его бережно укладываютъ, лицомъ на западъ. Въ послѣдній разъ жена, мужъ, мать, если покойникъ малолѣтній, жена старшаго брата, если покойникъ холостъ, взберется къ нему и поплачетъ, и затѣмъ, раздобывъ священный огонь посредствомъ трепія, поджигаютъ помостъ со всѣхъ сторонъ. Когда огонь добирается до тѣла покойника, всѣ спѣшатъ отдать ему послѣднюю дань, подбрасывая дровъ къ костру. Даже маленькія дѣти принимаютъ въ этомъ участіе. Четыре человѣка стоятъ по краямъ и длинными шестами поправляютъ дрова и тычутъ ими въ тѣло, чтобы оно скорѣе и лучше горѣло. Тѣмъ временемъ ломаютъ нарты, котлы, копья, бьютъ собакъ, чѣмъ освобождаютъ души этихъ предметовъ для слѣдованія за покойникомъ... Пепелъ покрываютъ берестой, и отъ покойника въ буквальномъ смыслѣ слова остается одинъ прахъ.

Надъ мѣстомъ сожженія ставятъ вывороченное съ корнемъ дерево. Послѣ этого народъ усаживается вокругъ котловъ съ мясомъ убитыхъ собакъ, часть котораго съѣдается, а часть разбрасывается во всѣ стороны. На обратномъ пути только на короткое время забѣгаютъ въ юрту покойника отвѣдать поставленныя тамъ яства и затѣмъ расходятся.

Черезъ нѣсколько дней недалеко отъ мѣста сожженія ставится на землѣ небольшой игрушечный домикъ съ дверцей и и окошечкомъ. Внутри его помѣщается кукла-человѣкъ, одѣтая въ шелкъ; надъ ней изображеніе кукушки, богини любви гиляцкой миѳологіи, а вокругъ устанавливаются принадлежности ѣды и куренія, чашки, тарелки, березовыя чумашки со всевозможными яствами, трубки, табакъ и пр. Время отъ времени приходятъ родные, возобновляютъ приношенія, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ приношенія прекращаются, потому что душа покойнаго успѣла устроиться на новомъ мѣстѣ и уже ни въ чемъ не нуждается. Еще разъ вспомнятъ о покойникѣ на медвѣжьемъ праздникѣ...

Таковы въ краткихъ чертахъ религіозныя воззрѣнія и обычаи гиляковъ.

VI

Р о д ъ.

Въ главѣ о семейно-родовомъ строѣ мы разсмотрѣли только одну сторону рода—строеніе его въ зависимости отъ нормъ брака. Въ главѣ о вѣрованіяхъ мы коснулись вліянія идей рода на религіозныя представленія.

Теперь разсмотримъ его во всей совокупности признаковъ, тектоническихъ и динамическихъ, морфологическихъ и соціально-духовныхъ, какъ одно цѣльное учрежденіе, регулирующее всѣ стороны жизни гиляка.

При этомъ въ нашемъ анализѣ мы считаемъ особенно поучительнымъ держаться той же системы, которой держатся сами гиляки при формулировкѣ своихъ представленій о родѣ.

Прежде всего интересенъ самый терминъ, которымъ гиляки выражаютъ понятіе „родъ". Онъ гласитъ: ӣхаль, что̀ буквально значитъ: ножны, футляръ,—удачный символъ единой утробы, единства происхожденія [1]). Что касается признаковъ родового

---

[1]) Крайне интересно, что близкій терминъ хаіа существуетъ и у сосѣднихъ тунгусскихъ племенъ—ороковъ, орочей, гольдовъ, негда, съ которыми гиляки имѣютъ нѣкоторыя общія родственныя названія, какъ, напр., аки (ст. братъ)= ага (у тунгус. племенъ), несмотря на полную разнородность языковъ этихъ народовъ въ лексическомъ и грамматическомъ отношеніяхъ.

союза, то гиляки формулируютъ ихъ съ удивительной лаконичностью, ярко рисующей вполнѣ сознательное отношеніе ихъ къ основному учрежденію своего соціальнаго быта.

Если вы спросите любого гиляка, почему онъ считаетъ такихъ-то (NN) своими сородичами, вы неизмѣнно получите одинъ отвѣтъ: „какъ же, у насъ ахмалькъ (тесть)—одинъ (т.-с. общій), ымгі (зять)—одинъ, огонь—одинъ, горный человѣкъ, морской человѣкъ, небесный человѣкъ, земной человѣкъ и т. д. — одинъ, медвѣдь—одинъ, чортъ—одинъ, тхусінд (вира)—одинъ, грѣхъ—одинъ“.

Анализъ этой формулы и приведетъ насъ къ выясненію содержанія родового союза.

1. Ахмальк—одинъ, ымгі—одинъ: тесть общій, зять общій. Тесть одного сородича—тесть всему роду. Зять одного сородича—зять всему роду. Каждый родъ принципіально беретъ женщинъ изъ одного опредѣленнаго рода и въ свою очередь отдаетъ своихъ женщинъ въ другой, тоже точно опредѣленный родъ. Общій тесть означаетъ *общее* право каждаго поколѣнія сородичей на соотвѣтствующее поколѣніе женщинъ рода—ахмальк, а общій зять—обязанность отдавать своихъ женщинъ роду—ымгі. Только мужчины постоянный элементъ рода, женщины—элементъ, либо уходящій изъ рода, либо приходящій извнѣ. Отсюда вся „физіологическая“ конструкція рода—экзогамность, агнатность, общія права и обязанности относительно женщинъ, взаимныя супружескія права братьевъ и т. д.

Такимъ образомъ гиляцкій родъ—союзъ родственниковъ по мужской линіи, агнатовъ, берущихъ женъ изъ другого опредѣленнаго рода, отдающихъ своихъ женщинъ въ третій и связанныхъ между собою цѣлымъ рядомъ взаимныхъ правъ и обязанностей въ области брачно-половыхъ нормъ.

Но это только формальный остовъ этого родственнаго союза: въ плоти и крови всѣхъ вытекающихъ изъ него послѣдствій онъ гораздо глубже, интимнѣе и крѣпче, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Прежде всего надо имѣть въ виду, что, несмотря на принципъ агнатства, сородичи связаны родственными узами не только по отцу, но и по матери. Это слѣдуетъ непосредственно изъ самаго тезиса общности тестя. Ибо, разъ *каждое*

поколѣніе сородичей („братьевъ“) женится на соотвѣтствующемъ поколѣніи женщинъ („сестеръ“) одного рода—ахмальк, то и матери этихъ сородичей, въ свою очередь, между собою сестры. Далѣе, жены сородичей, несмотря на то, что онѣ, сообразно агнатному принципу рода, являются какъ бы совершенно чуждымъ элементомъ, въ дѣйствительности состоятъ въ близкомъ когнатномъ родствѣ со своими мужьями: мужъ и жена, какъ мы знаемъ, обыкновенно — соотвѣтственно дѣти сестры и брата, — родныхъ или болѣе отдаленныхъ степеней—и слѣдовательно, во всякомъ случаѣ когнатные братья и сестры. Такимъ образомъ мужской и женскій элементъ далеко не чуждые другъ другу, связанные лишь бракомъ элементы, а, наоборотъ, интимно-связанные помимо брака кровнымъ родствомъ. Мало того, въ силу того же положенія объ единствѣ „тестя“, всѣ вошедшія въ родъ женщины—между собою агнатныя родственницы, либо сестры, либо тетки и племянницы, такъ что оба элемента—мужской и женскій, каждый въ отдѣльности и оба вмѣстѣ спементированы крѣпкими интимными узами родства, которые, конечно, глубоко отражаются и на всѣхъ соціальныхъ отношеніяхъ членовъ рода между собою.

На эти отношенія не повліяли и тѣ упомянутыя нами въ свое время обстоятельства, благодаря которымъ отдѣльнымъ членамъ рода въ концѣ концовъ въ силу необходимости приходится иногда брать женъ и за предѣлами единаго первопачальнаго рода-ахмальк.: общій духъ и общія нормы остались тѣ же.

Но цементъ, скрѣпляющій союзъ родственниковъ въ нерушимую организацію рода, кроется не въ одномъ только формальномъ сознаніи общности происхожденія и родства и не на однихъ только формальныхъ нормахъ брака, ибо сами по себѣ онѣ не настолько сильны, чтобы удержать изъ поколѣнія въ поколѣніе людей въ замкнутомъ наслѣдственномъ союзѣ. Причины гораздо глубже. Прежде всего—это религіозная санкція, играющая столь важную роль въ глазахъ первобытнаго человѣка, санкція первопачально не самаго родового союза, а тѣхъ брачныхъ нормъ, которыя создали родъ. Принципъ, что каждый долженъ брать женъ изъ рода матери, что жена должна быть кровной родственницей мужа—принципъ религіозный, принципъ, интимно связанный съ культомъ предковъ, въ частности съ культомъ матери. Захватъ замужней женщины—такое же религіозное преступ-

леніе противъ рода похищенной, какъ убійство сородича: борьба за ея возвращеніе или, по крайней мѣрѣ, требованіе виры обязательно, какъ и въ дѣлахъ мести, до третьяго поколѣнія!

Разъ указанный принципъ былъ сознанъ и сталъ непреложнымъ императивомъ жизни, то естественнымъ послѣдствіемъ его явилась экзогамія, а экзогамія—основа рода.

Но экзогамія у гиляковъ, какъ это мы видѣли, не просто только о б я з а н н о с т ь брать женъ внѣ своего рода. Она дастъ человѣку цѣлый рядъ п р а в ъ, играющихъ въ его жизни огромную роль.

Извѣстно, что добываніе жены одно изъ самыхъ трудныхъ дѣлъ въ жизни первобытнаго человѣка. Женщинъ обыкновенно меньше, чѣмъ мужчинъ. За женщину надо платить, а тутъ еще богачи захватываютъ себѣ по многу женъ. Бѣдному человѣку—а такихъ большинство—добыть жену при такихъ условіяхъ дѣло крайне нелегкое, ему приходится для этого нерѣдко прибѣгать къ пріемамъ, при которыхъ онъ рискуетъ даже жизнью.

Нормы гиляцкаго рода даютъ каждому гиляку право на женщинъ рода-ахмальк, въ частности на дочерей братьевъ своей матери: это его религіозная обязанность и право вмѣстѣ съ тѣмъ. Калымъ въ такихъ случаяхъ если не формальность, то бремя, на раздѣленіе котораго каждый всегда въ правѣ расчитывать со стороны своихъ сородичей, заинтересованныхъ, какъ и онъ самъ, на бракѣ его изъ опредѣленнаго рода, рода матери. Въ худшемъ случаѣ, пока человѣку не удалось обзавестись собственной семьей, семьи его старшихъ братьевъ, сообща съ которыми онъ дѣлитъ право на женщинъ рода-ахмальк,—его семья, ихъ жены—его жены, на которыхъ онъ имѣетъ законныя супружескія права. Умираетъ женатый гилякъ, его жена безъ всякаго калыма переходитъ къ одному изъ младшихъ его братьевъ по выбору рода.

Это все преимущества, которыя играютъ первостепенную роль въ глазахъ первобытнаго человѣка. Вѣнцомъ этихъ преимуществъ является соціальная привилегія каждаго сородича не опасаться за участь своей жены и дѣтей послѣ его смерти. Его жена и дѣти и при жизни юридически, а часто и фактически—жена и дѣти его младшихъ братьевъ: такими они останутся и послѣ его смерти: одинъ изъ братьевъ, по рѣшенію рода, замѣнитъ его въ правахъ и обязанностяхъ мужа и отца, и, даже за отсутствіемъ

у покойника младшихъ братьевъ, кормильцемъ его семьи явится одинъ изъ „старшихъ“. Это непреложный законъ рода.

Таковы выгоды, которыя даетъ родовой союзъ въ силу одного только принципа родства и непосредственно вытекающихъ изъ него брачныхъ нормъ. Совершенно естественно, что благодѣяніями этими могутъ пользоваться только лица, имѣющія на то право въ силу родства. Фактъ рожденія отъ сородича—единственный justus titulus для причисленія къ роду. Ытк-хаврид — человѣкъ безъ отца, т.-е. внѣбрачно рожденный, незнающій, кто его отецъ, — человѣкъ *безродный*, парій, бремя для себя и для другихъ. Не знающій отца, слѣдовательно, не знающій, къ какому роду онъ принадлежитъ, не знаетъ поэтому, какія женщины могутъ быть его женами и какія запретны, и невѣдомо для себя и другихъ можетъ нарушить священныя половыя нормы, навлекая на всѣхъ неисчислимыя бѣдствія. Къ счастію, фактически людей, не знающихъ своего отца, не существуетъ. Если дѣвушка забеременѣетъ внѣ брака, её побуждаютъ назвать отца будущаго ребенка. Узнавъ, кто онъ, заставляютъ его жениться на соблазненной, чему онъ только радъ, потому что въ такомъ случаѣ меньше затрудненій при уплатѣ калыма. Въ случаѣ запирательства со стороны дѣвушки, новорожденнаго убиваютъ, и родъ спасенъ отъ грѣха и несчастія.

По гиляцкому роду не удалось сохранить въ полной чистотѣ и неприкосновенности принципа родства. И ему, какъ и родовымъ союзамъ всѣхъ другихъ народовъ, пришлось дѣлать отступленія и примириться съ институтомъ адопціи, съ принятіемъ время отъ времени въ свои нѣдра лицъ чужеродныхъ.

Произошло это различными путями. Могло случиться, что эпидемія обезлюдила родъ и поставила горсточку людей лицомъ къ лицу со всѣми случайностями, которымъ подвержены слабые численностью союзы. Могъ родъ обезлюдиться послѣ жестокой войны, оставившей немного мужчинъ и массу вдовъ, пощаженныхъ, въ силу международнаго права гиляковъ, побѣдоноснымъ врагомъ. И если при этихъ обстоятельствахъ находились остатки какого-нибудь другого рода, оказавшагося въ такомъ же безпомощномъ положеніи и не состоявшаго съ первымъ въ отношеніяхъ ахмальк и ымгі, то сліяніе совершалось къ обоюдному удоволь-

ствію: адоптированные обыкновенно женились на вдовахъ сородичей и тѣмъ самымъ присоединялись къ родовому огню и родовому союзу. Но это случаи болѣе или менѣе экстраординарные. Самый обыкновенный случай адоптированія—тотъ, когда пріемышемъ рода является иноплеменникъ, почему-либо бѣжавшій изъ своего рода и поселившійся среди чуждаго рода. Долгое сожительство, привычка, симпатія, помощь при родовыхъ праздникахъ, наконецъ, женитьба на мѣстной вдовѣ приводятъ къ окончательному адоптированію. Крайне любопытный случай адопціи представляется тогда, когда два лица изъ разныхъ родовъ женаты на двухъ сестрахъ, что̀ по правилу можетъ случиться только съ членами одного рода. Вліяніе родового принципа „общаго тестя“ такъ сильно, что дѣти такихъ лицъ считаются братьями и сестрами, своихъ тетокъ зовутъ матерями и не могутъ вступать другъ съ другомъ въ бракъ. Получается фикція родовыхъ отношеній. При благопріятныхъ условіяхъ, когда, напр., такія лица сожительствуютъ въ одной деревнѣ, и одно изъ этихъ лицъ совершенно оторвано отъ своего рода, то кончается тѣмъ, что они взаимно помогаютъ другъ другу при родовыхъ празднествахъ, или даже строятъ ихъ сообща, складываютъ кости медвѣдя въ одномъ мѣстѣ и, наконецъ, во 2-омъ или 3-емъ поколѣніи соединеніе родовъ совершилось.

Адопція играла огромную роль въ жизни гиляковъ: Я не знаю ни одного рода, преданія котораго не сохраняли бы извѣстій о чужеплеменникахъ, какъ основателяхъ рода. Какъ это случилось, что отдѣльныя адоптированныя лица, вмѣсто вкрапленнаго элемента, очутились на первомъ планѣ основателей рода, я уже объ этомъ говорилъ въ первой главѣ, указывая на то, что пришельцы, какъ болѣе энергичный элементъ, приносили съ собою бо́льшую стойкость въ борьбѣ за существованіе и à la longue переживали менѣе стойкихъ, ослабленныхъ уже и постепенно вымиравшихъ аборигеновъ. Таковъ, быть можетъ, законъ извѣстнаго запаса расовой энергіи, которая при неблагопріятныхъ условіяхъ въ концѣ концовъ истощается. Эта судьба, конечно, не минетъ и потомковъ пришельцевъ, которыя будутъ замѣнены въ свою очередь новыми, если до того племя въ цѣломъ съумѣетъ сохранить свое существованіе.

Теперь я прибавлю только къ тому, что говорилъ раньше,

слѣдующее. Можетъ показаться страннымъ, почему родъ, сложившійся изъ аборигеновъ и потомковъ пришельцевъ, все-таки основателями своими считаетъ категорически первыхъ, а не послѣднихъ. Но дѣло объясняется вотъ чѣмъ. При сліяніи рода съ пришельцемъ, старое чувство родства продолжаетъ свое дѣйствіе. Потомки обѣихъ сторонъ, выполняя свои родовыя обязанности, тѣмъ не менѣе не инкорпорируются, а продолжаютъ держаться отдѣльными группами, ведя каждая по традиціи свой счетъ родства. Это мнѣ пришлось неоднократно наблюдать въ тѣхъ родахъ, въ которыхъ сохранилось потомство аборигеновъ и пришельцевъ. Въ сел. Танги, напр., населенномъ представителями одного рода, одна половина (наиболѣе цвѣтущая) ведетъ свое происхожденіе отъ пришельца-айна, другая считаетъ себя аборигенами. Когда вторые съ теченіемъ времени вымрутъ—что уже и теперь замѣтно—естественно, что первые, которые останутся единственными представителями рода, съ полнымъ правомъ будутъ называть своими основателями айновъ. И такъ вездѣ.

Обыкновенно, впрочемъ, составъ рода единообразенъ, случаи адопціи довольно рѣдки, а прошлыя явленія эндосмоса и экзосмоса давнымъ давно стушевались за туманами преданія и на крѣпость сознательнаго родственнаго союза никакого вліянія не обнаруживаютъ.

2. Огонь одинъ. Общность родового огня—символъ родового единства. Какъ и у всѣхъ первобытныхъ народовъ, и у гиляковъ огонь—родовое божество. Въ каждомъ очагѣ сидитъ, по однимъ представленіямъ, старуха огня, родоначальница даннаго рода, по другимъ—старикъ со старухой и ихъ потомство. Роль этихъ „хозяевъ огня“ не въ одномъ только благотворномъ дѣйствіи благодѣтельной горячей стихіи. Какъ божественные родоначальники рода, они въ почетѣ не только у живущихъ сородичей, но и у тѣхъ, которые, отошедши въ другой міръ, стали родовыми богами другихъ стихій, лѣса, моря и т. д. и черезъ нихъ могутъ оказывать могучее вліяніе и во всѣхъ сферахъ человѣческаго существованія.

Хозяинъ или хозяйка огня, такимъ образомъ, не только божество, грѣющее человѣка и охраняющее его домашній очагъ отъ всякихъ злыхъ козней духовъ, но и являющееся посредни-

комъ [1]) между сородичами и всѣми многочисленными божествами, имѣющими вліяніе на судьбу человѣка.

Во всѣхъ важныхъ случахъ жизни—въ случаѣ болѣзни, на охотѣ, передъ отправленіемъ въ опасный путь и т. д., сородичъ бросаетъ въ огонь свои скромныя жертвы—листикъ табаку, сладкій корень, каплю араку, и проситъ старуху огня исполнить его просьбу. А она уже знаетъ всѣ ходы, чтобы просьба къ тому или другому родовому божеству—если это внѣ сферы ея непосредственнаго воздѣйствія—дошла по назначенію.

Чтобы понять реальныя основы „родового“ отношенія къ хозяину огня и его функціямъ, нужно имѣть въ виду слѣдующее: 1) покойники предаются сожженію, т. е. общему хозяину огня, который своихъ любимцевъ можетъ принимать въ свой родъ, такъ-что эти послѣдніе становятся въ свою очередь „хозяевами“ родового огня; 2) такими же хозяевами въ частности становятся и всѣ погибшіе отъ молніи [2]) и пожара; 3) представленіе о „старухѣ“ (хозяйкѣ) родового огня вмѣсто „хозяина“—далекій отголосокъ материнскаго рода; 4) „универсальность“ огня, способность его къ быстрому распространенію, многоязычіе его (языки пламени), которое всѣ первобытные люди (ср. Ригъ-веды) понимаютъ въ самомъ реальномъ смыслѣ—даютъ „огню“ спеціальныя преимущества надъ прочими „хозяевами“—именно способность къ быстрой и краснорѣчивой передачѣ порученій и просьбъ; наконецъ, 5) огонь—согрѣвающее и очищающее, т. е. отгоняющее злыхъ духовъ существо.

Внѣшнимъ образомъ родовое единство огня выражается въ слѣдующемъ. Только сородичъ имѣетъ право разводить огонь на очагѣ сородича. Только сородичъ имѣетъ право выносить огонь изъ юрты. Чужеродный, закуривъ у родового очага, не можетъ выходить изъ юрты, не докуривъ своей трубки. Всякое нарушеніе этихъ правилъ неприкосновенности родового огня со стороны чужеродца неминуемо влечетъ опасныя послѣдствія для сородичей и обязанность уплаты виры со стороны чужеродца.

---

[1]) Въ Ведахъ огонь (Агни) тоже играетъ роль посредника между людьми и богами; онъ заступаетъ за людей, онъ герольдъ, жрецъ.

[2]) Любопытно, что подобное воззрѣніе существуетъ и у бурятъ: погибшій отъ молніи становится могущественнымъ и благодѣтельнымъ духомъ, которому приносятъ жертвы и возносятъ молитвы.

Каждый родъ имѣетъ свое родовое огниво, хранящееся у старѣйшаго члена, и только этимъ огнивомъ можно добывать огонь, на которомъ варится мясо медвѣдя на играющемъ столь важную роль въ религіозной и родовой жизни медвѣжьемъ праздникѣ. Когда роду приходится раздѣлиться, т. е. когда часть его вынуждена переселиться въ очень отдаленное мѣсто, старѣйшина ломаетъ родовое огниво и половину вручаетъ старѣйшему изъ выселяющихся, и только послѣ этого родъ формально раздѣленъ.

Хозяйка огня, какъ представительница рода „ахмалькъ", играетъ немаловажную роль въ междуродовыхъ отношеніяхъ, связывая своимъ культомъ и покровительствомъ тотъ родъ, среди котораго она обитаетъ и который она породила, съ тѣмъ, откуда она вышла и изъ поколѣнія въ поколѣніе приводитъ въ него дочерей своихъ братьевъ и ихъ потомковъ.

3. Горный, морской и т. д. человѣкъ одинъ—общность благодѣтельныхъ родовыхъ хозяевъ горы, моря, земли и т. д. Въ главѣ о вѣрованіяхъ мы уже выяснили природу и значеніе этого рода божествъ. Это не фантастическіе герои классическихъ родовъ, не тѣ туманныя миѳическія существа, родовыя чествованія которыхъ являлись простой традиціонной обрядностью, а близкіе каждому живущему поколѣнію сородичи, которые либо погибли отъ того или другого рода неестественной смерти (въ водѣ, отъ звѣря лѣсного и т. п.), либо взысканные божествами, преждевременно были вырваны изъ жизни болѣе естественными путями, напр., умершіе будто-бы отъ тоски по возлюбившимъ ихъ горнымъ, морскимъ и т. п. людямъ.

Любимцы и избранники „хозяина" той или другой стихіи, отъ щедротъ которыхъ зависитъ все благополучіе гиляка, они послѣ смерти сейчасъ же переходятъ въ родъ соотвѣтствующаго „хозяина" на довольно продолжительное время (у горныхъ людей, напр., до 2-ой своей смерти, т. е. на два поколѣнія) и все это время, конечно, спеціально благодѣтельствуютъ своимъ сородичамъ, посылая имъ звѣрей лѣсныхъ (горный человѣкъ), либо рыбу и морскихъ животныхъ (водяной, морской человѣкъ). И когда гилякъ говоритъ о какомъ-нибудь „горномъ" или т. п. человѣкѣ, который его кормитъ, онъ именно имѣетъ въ виду своего сородича, который на памяти его или—самое большое—его отца или дѣда указанными выше путями очутился среди сопма

„хозяевъ". Вѣкъ такого избранника не дологъ (самое большое 2 поколѣнія), и часто не успѣваетъ пріобщиться къ богамъ одинъ сородичъ, какъ за нимъ слѣдуетъ другой, третій и т. д.: случаи смерти отъ дикаго звѣря или на водѣ нерѣдки. Такимъ образомъ связь между живущимъ поколѣніемъ сородичей и ихъ божественными сородичами-благодѣтелями глубоко-живая, реальная. Многихъ изъ нихъ каждый зналъ лично или по живымъ воспоминаніямъ своихъ современниковъ; о нихъ повседневно ему напоминаютъ спеціальные памятники [1]), воздвигнутые благодарными сородичами.

Но связь рода съ его божественными сородичами не ограничивается піететомъ и благодарной памятью, узы эти коренятся въ болѣе реальномъ и крѣпкомъ двигателѣ—въ самомъ инстинктѣ самосохраненія. Для гиляка нѣтъ болѣе несомнѣнной истины, чѣмъ та, по которой все его благополучіе, все, что даетъ ему природа за его отчаянныя усилія въ борьбѣ за существованіе, все это лишь вольный даръ боговъ, ему благодѣтельствующихъ; безъ ихъ благоволенія всѣ усилія человѣка остались бы тщетными. А боги-сородичи, какъ мы знаемъ, болѣе всего участвуютъ въ этомъ животворномъ благоволеніи, они истинные кормильцы рода, и нѣтъ важнѣе обязанности для каждаго сородича, чѣмъ по мѣрѣ силъ содѣйствовать этому благоволенію. Вотъ почему родовыя жертвоприношенія и празднества, ежегодно правильно устраиваемыя горнымъ и морскимъ людямъ являются важнѣйшими актами родовой жизни, въ которыхъ каждый во имя самосохраненія считаетъ своей священной обязанностью принимать самое горячее участіе.

Въ главѣ о религіи мы подробно останавливались на этихъ періодическихъ жертвоприношеніяхъ хозяевамъ моря и горъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что вся соціальная дѣятельность гиляка главнымъ образомъ посвящена приготовленіямъ къ родовымъ жертвоприношеніямъ и заботамъ о наиболѣе торжественномъ устроеніи ихъ. Богатый и бѣдный одинаково по мѣрѣ силъ

---

[1]) Памятникомъ человѣка, задраннаго медвѣдемъ, служили Срубъ-медвѣжатникъ, въ которомъ останки погибшаго хранятся, по особому ритуалу (см. ниже, п. 6). Что касается людей утонувшихъ, то на мѣстѣ ихъ сожженія ставится лодка со всѣми принадлежностями морскаго и рѣчного промысла, причемъ весла помѣщаются стоймя подъ угломъ другъ къ другу, дабы быть замѣтными издали.

и средствъ, не на страхъ, а на совѣсть, употребляютъ всѣ усилія, отказывая себѣ иногда въ послѣднемъ, чтобы жертвоприношенія были какъ можно обильнѣе и разнообразнѣе и празднества какъ можно торжественнѣе: въ этомъ общій интересъ всѣхъ и каждаго.

Эта воспитавшаяся вѣками солидарность въ жертвоприношеніяхъ сородичамъ, эволюціонируя, становится принципомъ *родового* отношенія къ богамъ вообще. Когда даже по совершенно индивидуальному случаю, напримѣръ, болѣзни, гиляку приходится приносить жертву, онъ непремѣнно созоветъ даже издалека отлучившихся сородичей, дабы и имъ дать возможность воспользоватьея благими послѣдствіями жертвоприношенія.

Принципъ общности родовыхъ божествъ, кормильцевъ рода, лежитъ и въ основаніи института гостепріимства и самой широкой братской взаимопомощи.

Всякому, знакомому съ институтомъ гостепріимства у первобытныхъ народовъ хотя бы по описаніямъ путешественниковъ, должно быть очевидно, что въ основѣ его должно лежать нѣчто бо́льшее, чѣмъ соціальный этикетъ или даже обычная симпатія къ ближнему. Арабъ, проявляющій у своего домашняго очага самое горячее гостепріимство даже къ врагу, по отношенію къ которому во всякомъ другомъ мѣстѣ у него единственный императивъ—убійство, очевидно руководствуется мотивомъ болѣе властнымъ, мотивомъ, имѣющимъ за собою религіозное требованіе. То же должно сказать объ основѣ этого института и у всѣхъ другихъ первобытныхъ народовъ, въ томъ числѣ и у гиляковъ. Гилякъ считаетъ своей обязанностью проявлять свое гостепріимство не только къ проѣзжему, не только къ дѣйствительно голодному, но и въ такихъ случаяхъ, гдѣ съ нашей точки зрѣнія въ проявленіи этого чувства нѣтъ никакой надобности. Сколько бы разъ на день ни появлялся сосѣдъ у его очага, въ какое бы время дня оно ни происходило, немедленно гостю предлагаются всѣ яства, какія имѣются у хозяина, ужъ не говоря о неизбѣжной пригоршнѣ табаку для трубки. Нѣтъ лишняго табаку, хозяинъ поочередно затягивается съ гостемъ изъ общей трубки. Особенно наглядно эти отношенія проявляются при употребленіи рѣдкихъ, дорогихъ блюдъ и лакомствъ. Если вы поднесете хозяину юрты рюмку водки, онъ никогда не позволитъ себѣ выпить ее одинъ, самъ онъ только пригубитъ, а далѣе уже она пере-

ходить ко всѣмъ обитателямъ дома, хотя бы ихъ было десятки человѣкъ, не исключая дѣтей, даже и грудныхъ: иначе, „самый большой грѣхъ, умереть можно“. *Грѣхъ* не угощать, не дѣлиться съѣдобнымъ. И причина ясна: „кормятъ“ человѣка, какъ мы видѣли, боги и, главнымъ образомъ, родовые боги, дающіе не одному человѣку, а цѣлому роду, приносящему ему жертвы и съ которымъ онъ связанъ родовыми узами; поэтому ѣсть, не дѣлясь съ присутствующимъ сородичемъ, и вообще не кормить его—„грѣхъ“ и непосредственный рискъ лишиться благоволенія боговъ-кормильцевъ. „Очагъ“ при этомъ играетъ недаромъ крупную роль. Въ огнѣ очага живетъ „хозяинъ и хозяйка огня“, сородичъ или даже родоначальникъ, глазъ не спускающій съ того, что дѣлается въ домѣ; они же, какъ мы видѣли, посредники между родомъ и его родовыми богами, и нѣтъ ничего естественнѣе, что именно боги очага болѣе всего являются хранителями принципа гостепріимства.

Но не однимъ взаимнымъ „угощеніемъ“ ограничиваются узы сородичей, живущихъ милостями своихъ боговъ-сородичей, а дѣйствительнымъ самымъ широкимъ принципомъ о б щ н о с т и земныхъ благъ. Если это не выражается въ чисто-коммунистической формѣ, то только потому, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности. Жизнь настолько проста, условія добыванія пищи такъ просты, дары природы такъ широко и свободно лежатъ передъ каждымъ, что нѣтъ надобности въ коммунистическомъ производствѣ и распредѣленіи. Но принципъ все же въ полной силѣ. При общей охотѣ, напримѣръ, за морскими животными на одной лодкѣ, хозяинъ этой послѣдней, онъ же обыкновенно и самый искусный добытчикъ, получаетъ не больше послѣдняго подростка-гребца и, кромѣ того, часть добычи раздается и тѣмъ семьямъ, члены которой почему либо не могли участвовать въ охотѣ. Сушеная рыба, являющаяся главной пищей гиляка, разсматривается почти, какъ общая собственность, и всякій, у кого вышли запасы, беретъ ее у сосѣда безъ всякихъ возраженій. Во всякомъ случаѣ никто не голодаетъ, пока хоть у кого-нибудь изъ сородичей есть запасы. Стоитъ голодающему переселиться въ юрту имущаго сородича или даже просто захаживать къ нему 2—3 раза въ день, и съ нимъ безропотно будутъ дѣлиться до послѣдней юкалы, до послѣдней пригоршни табаку.

Въ отношеніи къ предметамъ роскоши, какъ дорогія копья, сабли, ткани, шубы и т. п., больше индивидуализма, внесеннаго новѣйшими условіями обмѣна, но въ дѣйствительно необходимыхъ случаяхъ, какъ для покупки жены, при уплатѣ виры, похоронахъ и т. п. каждый считаетъ своей непремѣнной обязанность жертвовать своимъ индивидуальнымъ богатствомъ для общеродовыхъ цѣлей.

Тотъ же принципъ общности имущественныхъ благъ сородичей лежитъ въ основаніи права наслѣдованія, основное правило котораго, что имущество сородича не должно выходить изъ рода. У гиляковъ въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ буквально извѣстный тезисъ XII таблицъ: Si suos heredes non habet, gentiles familiam habento! За отсутствіемъ членовъ семьи, къ которымъ причисляются и „работники“, имущество переходитъ къ сородичамъ агнатамъ, хотя бы самымъ отдаленнымъ, исключающимъ даже наиболѣе близкихъ когнатовъ. Послѣдніе, по завѣщанію, могутъ получать только такъ называемый шагунд[1]), и то только такой, который неизбѣжно возвращается въ родъ завѣщателя, такъ что въ родъ ымгі, т.-е. тотъ, который у рода завѣщателя беретъ женъ и, слѣдовательно, платитъ ему калымъ, можно завѣщать только т. наз. желѣзный шагундъ, который все равно вернется въ родъ въ видѣ калыма, а роду ахмальк., роду тестей, можно завѣщать только мѣховый шагунд, такъ какъ онъ возвращается въ родъ завѣщателя въ видѣ приданаго невѣсты.

4. Медвѣдь одинъ: общая обязанность сородичей въ откармливаніи медвѣдя и участіи въ медвѣжьихъ праздникахъ, какъ по случаю убіенія домашняго медвѣдя, такъ въ случаѣ добычи звѣря лѣсного. „Халь-гу, ут-гу, наръх муве!“: „Сородичи, мужчины, будьте гостями!“ съ такимъ призывомъ обходятъ под-

---

[1]) „Драгоцѣнности“ — имущество sui generis, состоящее изъ непотребляемыхъ предметовъ, предназначенныхъ только для исключительныхъ случаевъ, калыма, приданаго, выкупа, похоронъ. Дѣлится на: 1) „шагунд“ *желѣзный* — большіе чугунные котлы, орнаментированныя серебряной инкрустаціей копья, дорогія японскія сабли, кольчуги и т. п. — идетъ главнымъ образомъ на калымъ; 2) *мѣховый*, состоящій изъ дорогихъ мѣховыхъ шубъ, идущихъ главнымъ образомъ на приданое; 3) *шелковый* — китайскія шелковыя матеріи и одежды, въ которыя облачаются въ торжественныхъ случаяхъ и обряжаютъ покойниковъ.

ростки по юртамъ, призывая сородичей ко вкушенію священной трапезы убитаго въ лѣсу медвѣдя и яствъ, сообща изготовленныхъ по этому случаю цѣлымъ родомъ.

Важность общихъ правъ и обязанностей по медвѣжьему празднику, какъ исключительной привилегіи рода, непосредственно вытекаетъ изъ того, что мы говорили по этому поводу въ главѣ о религіи и о родовыхъ богахъ. Какъ мы видѣли, медвѣжій праздникъ характеризуется двумя основными чертами: во 1-хъ, чествованіемъ самой личности медвѣдя, какъ возможнаго сородича „горнаго“ человѣка и, слѣдовательно, и возможнаго собственнаго сородича или его потомка, перешедшаго въ родъ горныхъ хозяевъ, и во 2-хъ, передачей черезъ него разныхъ даровъ горному хозяину и его роду и, слѣдовательно, богу-сородичу, кормильцу. Такимъ образомъ медвѣжій праздникъ имѣетъ несравненно большее значеніе для благополучія рода, чѣмъ другія родовыя жертвоприношенія и празднества, потому что жертвы идутъ къ самому высшему хозяину горъ, главному распорядителю всѣхъ лѣсныхъ богатствъ и самому могучему божеству, передъ которымъ ублаготворенный кормленіемъ и почестями убитый медвѣдь будетъ повседневнымъ заступникомъ. Вотъ почему этотъ праздникъ играетъ такую огромную роль въ жизни рода, обставленъ такимъ сложнымъ ритуаломъ и, несмотря на то, что на него собираются и гости изъ другихъ родовъ, онъ носитъ по существу такой строго-замкнутый родовой характеръ. Въ устроеніи праздника могутъ участвовать только сородичи, а изъ гостей приглашаются только „зятья“, относительно которыхъ, какъ это мы увидимъ, существуетъ прямая обязанность кормленія, т.-е., лица, на которыхъ тоже распространяется благоволеніе родовыхъ боговъ—кормильцевъ. Въ соціальномъ отношеніи медвѣжій праздникъ не менѣе важный цементъ родовыхъ узъ, чѣмъ въ религіозномъ. Обязанность участвовать въ изготовленіи блюдъ и многочисленныхъ расходахъ и трудахъ по устройству праздника и пріему гостей создаетъ привычки соціальной солидарности, общихъ координированныхъ дѣйствій для общей цѣли и общихъ жертвъ для общаго дѣла. Періодическіе съѣзды сородичей, разсѣянныхъ иногда въ отдаленныхъ мѣстахъ, постоянно поддерживаетъ традиція и узы родового союза.

Наконецъ, само содержаніе праздника—веселыя предпразд-

пичныя приготовленія, совершаемыя сообща, торжественныя встрѣчи „гостей“, общія шумныя трапезы, общественныя бесѣды, пляски, пѣсни, гонки, фехтованія, религіозныя церемоніи—все это объединяетъ, бодритъ, утончаетъ и краситъ жизнь, придавая высшую цѣнность родовому союзу, какъ единственному источнику духовныхъ и соціальныхъ радостей.

5. Чортъ одинъ, т. е. общій врагъ въ лицѣ умершаго сородича, убитаго чужеродца и т. п.

Точно также, какъ мы видѣли, сородичъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ послѣ смерти можетъ перейти въ родъ благодѣтельныхъ божествъ и стать кормильцемъ и покровителемъ рода, точно такъ же можетъ случиться обратное: сородичъ, озлобленный при жизни и разошедшійся съ родомъ, сородичъ не отомщенный или не получившій почестей похороннаго ритуала, не попавшій поэтому въ „селеніе мертвыхъ“, можетъ перейти въ родъ злыхъ божествъ или просто на свой страхъ и рискъ всячески мстить роду. То же можетъ быть и со стороны обиженнаго чужеродца. Борьба съ такими врагами рода или умилостивленіе ихъ такая же насущная потребность для всѣхъ сородичей, какъ и ублаготвореніе родовыхъ божествъ—покровителей. Возникаютъ такимъ образомъ общія обязанности въ вознагражденіи шамана за его труды и опасности въ борьбѣ съ подобными врагами или общіе расходы и труды по умилостивленію, одариванію, отомщенію, уплатѣ виры и т. д.

6. Тхусінд одинъ—общая вира, выкупъ, штрафъ, въ обширномъ смыслѣ круговая порука всего рода противъ всякаго посягательства со стороны чужеродца на право сородича и обратно. Подъ *тхусінд* подразумѣвается не только выкупъ, получаемый или выплачиваемый родомъ въ дѣлахъ мести, но и взыскиваемый по всемозможнымъ—отъ весьма серіозныхъ до совсѣмъ маловажныхъ—поводамъ. Такъ тхусінд взыскивается и за похищенную женщину, и за оскорбленіе женской чести, и за осквернеміе святыни, напр. порчу очага, нарушеніе *табу* на медвѣжьемъ праздникѣ, за кражу и т. д. Во всѣхъ такихъ случаяхъ на родѣ лежитъ круговая порука какъ въ защитѣ нарушеннаго права со стороны чужеродца, такъ и въ отвѣтѣ за таковое нарушеніе права послѣдняго со стороны сородича. По выкупъ только позднѣйшій коррективъ болѣе важнаго принципа—родовой

защиты *силой* нарушеннаго права сородича. Въ центрѣ всего этого института лежитъ принципъ кровавой мести, отвѣта жизнью за жизнь или за попранную честь (напр. при захватѣ соблазнителя in flagrante delicto).

Какъ у всѣхъ почти первобытныхъ народовъ, убійство внутри рода у гиляковъ остается безнаказаннымъ [1]). Родъ не можетъ проливать крови своего сородича, которая есть кровь родоначальника. Это не только принципъ религіи, но и требованіе самосохраненія, категорическій императивъ существованія самого рода. Сила послѣдняго—въ его численности и внутреннемъ мирѣ, между тѣмъ каждый случай мести внутри рода неминуемо сталъ бы поводомъ къ новой мести со стороны ближайшихъ родственниковъ наказаннаго и привелъ бы такимъ образомъ къ нескончаемой внутренней войнѣ, которая въ концѣ концовъ завершилась бы физическимъ и моральнымъ разрушеніемъ рода.

Впрочемъ, убійство и вообще всякое серіозное нарушеніе правъ и законовъ со стороны сородича не совсѣмъ остается безнаказаннымъ: фактически оно влечетъ за собою смерть политическую, такъ какъ преступникъ вынужденъ бываетъ разстаться со своимъ родомъ и удалиться въ отдаленное селеніе, лишаясь не только всѣхъ благъ родового союза при жизни, но и еще болѣе важныхъ послѣ смерти, т. к. только сородичамъ разрѣшается совершить актъ сожженія покойника. Но убійства, впрочемъ, внутри рода крайне рѣдки; многочисленные запреты рѣчи между сородичами устраняютъ поводы къ раздраженіямъ и ссорамъ, а широкія коммунальныя супружескія права смягчаютъ припадки ревности и дѣлаютъ излишнимъ похищеніе женщинъ, которое служитъ самымъ частымъ поводомъ кровавыхъ ссоръ и мести. Такимъ образомъ, и сама практика жизни не могла благопріятствовать институту мести внутри рода.

Другое дѣло между чужеродными. Тутъ принципъ неумолимъ; кости сородича должны быть подняты! Поднять кость—техническій терминъ родовой мести. Кровь должна быть искуплена кровью, и только въ крайнемъ случаѣ кровавое искупленіе можетъ быть замѣнено выкупомъ. Обязанность эта ярко

[1]) У родовъ, смѣшавшихся съ айнами, у которыхъ сохранился материнтетъ, въ случаѣ убійства внутри рода, братъ матери убитаго и ближайшій агнатъ послѣдняго (отецъ, братъ) получаютъ выкупъ, который ими дѣлится пополамъ.

окрашена болѣе религіознымъ, чѣмъ эмоціональнымъ элементомъ. Месть обязательна не только для современниковъ убитаго, но, въ случаѣ невыполненія ея со стороны послѣднихъ, и для двухъ послѣдующихъ поколѣній. Обязательна не только въ случаѣ убійства намѣреннаго, но и совершенно случайнаго, даже такого, которое только косвенно связано съ тѣмъ или другимъ лицомъ [1]). И что еще болѣе поучительно, она обязательна даже по отношенію къ животнымъ. Месть медвѣдю, задравшему человѣка, не менѣе яростна, чѣмъ по отношенію къ убійцѣ-человѣку.

Ритуалъ подобной мести крайне характеренъ для пониманія психологіи этого родового института, и съ него мы начнемъ нашъ анализъ. Лишь только донеслась вѣсть о гибели человѣка въ борьбѣ съ медвѣдемъ, все взрослое населеніе устремляется въ тайгу, чтобы по свѣжимъ слѣдамъ настигнуть „убійцу“. Если не удалось накрыть настоящаго виновника, необходимо убить, по крайней мѣрѣ, трехъ другихъ медвѣдей (его „сородичей“). Если это не удалось въ теченіе зимы, необходимо сдѣлать это лѣтомъ, а сверхъ того „горный человѣкъ“ даетъ еще „тхусіндъ“ въ видѣ обильной добычи всякаго звѣря.

Но если посчастливилось настигнуть медвѣдя—„убійцу“ или его „сородича“, на него изливаютъ самую крайнюю ярость. Ему выбиваютъ первымъ долгомъ топоромъ зубы, а во время освѣжеванія колютъ его со всѣхъ сторонъ ножами и осыпаютъ самыми отборными ругательствами. Снявъ съ медвѣдя шкуру, окутываютъ ею убитаго (если тѣло его осталось не съѣденнымъ; въ противномъ случаѣ, оно замѣняется деревяннымъ пояснымъ изображеніемъ его), и, усадивъ его на корточки на нартахъ, подкладываютъ ему подъ сидѣнье медвѣжью голову и въ такомъ видѣ съ громкими завываніями, перемѣшанными съ восклицаніями въ честь убитаго и въ поношеніе убійцы, везутъ къ селенію. Если медвѣдь не найденъ, подъ сидѣніе убитому подкладывается пояснное изображеніе медвѣдя, а тѣло облекается въ накидку изъ стружекъ [2]). Неподалеку отъ родного селенія сооружается срубъ

[1]) Одинъ мой знакомый гилякъ навлекъ на свой родъ месть тѣмъ, что его ружье нечаянно выстрѣлило, когда онъ его поднялъ со дна лодки, и случайно убило рулевого.

[2]) Стружки разсматриваются гиляками, какъ объектъ волшебной силы, священный. Культъ заструженныхъ деревяшекъ (інáу, см. гл. о религіи) играетъ

на подобіе медвѣжатника, съ отверстіями для послѣдующихъ жертвоприношеній. Снаружи по угламъ водружаютъ 4 застружепныхъ деревца, а внутри онъ убирается священными іна́у [2]). Сюда-то и помѣщаютъ останки убитаго и его убійцы въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ ихъ доставили изъ тайги, какъ нами описано выше.

Подлѣ этого сруба устраивается своеобразная тризна изъ туши убитаго медвѣдя. По обѣимъ сторонамъ длиннаго непрерывнаго костра усаживаются сородичи съ большими кусками медвѣжьяго мяса въ рукахъ. Каждый рѣжетъ мясо на тонкіе ломтики, и по мѣрѣ отрѣзанія перебрасываютъ съ ножа каждый ломтикъ черезъ огонь сидящимъ на противоположной сторонѣ костра. Пойманный на ножѣ ломтикъ медленно поджаривается на огнѣ (величайшее поношеніе для медвѣдя, мясо котораго дозволяется только варить), затѣмъ отъ него съ видомъ отвращенія откусываютъ по кусочку и пренебрежительно бросаютъ, между тѣмъ какъ обыкновенно почитается великимъ грѣхомъ ронять даже косточку на землю. Послѣ этой процедуры „утонченной“ мести, начинается миръ съ жертвоприношеніями хозяину горъ и убитому. Первымъ бросаютъ въ огонь зажженный трутъ, потомъ разныя яства. На ночь у сруба ставятъ стражу изъ 2-хъ человѣкъ съ копьями на случай, если душа медвѣдя захочетъ отомстить. Караульные убѣжденно увѣряютъ въ такихъ случаяхъ, что слышали крики убитаго: „Ой, медвѣдь!“ и бросались съ копьями на невидимаго мстителя. Утромъ на клинкахъ копій будто-бы явственно видны слѣды крови...

Съ окончаніемъ тризны миръ между горными людьми и родомъ убитаго возстановленъ. Послѣдній принятъ и будетъ жить до глубокой старости въ родѣ горныхъ людей, а его сородичи въ теченіе 3-хъ поколѣній будутъ дважды въ годъ (лѣтомъ и зимою) приносить жертвы, часть хозяину горы, часть божественному сородичу...

огромную роль въ религіи гиляковъ. Въ накидкѣ изъ стружекъ хоронятъ обыкновенно избранниковъ. Такой чести удостаиваются, напримѣръ, женщины, родившія двойню, тройню, разсматриваемыя, какъ существа высшаго порядка. Этотъ же нарядъ замѣняетъ бѣднымъ пышныя традиціонныя погребальныя одежды изъ китайскаго шелка, что̀ заставляетъ думать, что одежда изъ стружекъ въ отдаленныя времена была въ общемъ употребленіи, и древность облекла ее въ ореолъ чего-то священнаго.

Если месть священна по отношенію къ медвѣдю, существу божественному, отъ котораго зависитъ благополучіе, и который нерѣдко убиваетъ человѣка не изъ злости, а изъ любви къ нему, и принимаетъ его въ свой родъ, то тѣмъ болѣе она обязательна по отношенію къ чужеродцу.

Мы уже указали вначалѣ на преобладаніе въ императивѣ мести мотивовъ религіозныхъ надъ эмоціональными. Если месть обязательна до 3-го поколѣнія, если она обязательна по отношенію къ убійцѣ случайному, къ другу, когнату, то это уже скорѣе тяготѣющее надъ родомъ бремя, чѣмъ импульсивный актъ, внушенный непосредственной реакціей озлобленія.

Гораздо бо́льшую роль, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ упроченія, такъ сказать, этой первоначальной реакціи, играетъ жалость къ душѣ убитаго и страхъ передъ нею и родовыми богами, любовно бодрствующими богами, для которыхъ неотомщенная кровь сородича безспорно величайшее оскорбленіе.

Душа человѣка, умершаго насильственною смертью, не можетъ переселиться въ общее „селеніе покойниковъ“, гдѣ она могла бы продолжать такую же жизнь, какъ и на землѣ. Пока она не отомщена, пока кровь убійцы не дала ей силы поднять свои кости, она не въ состояніи покинуть земли и вынуждена кружиться въ воздухѣ въ видѣ птицы-мстительницы, по ночамъ испускающей страшные крики. Конецъ ея ужасенъ: постепенно истлѣвая, она, наконецъ, падаетъ на землю „прахомъ“, погибая навсегда. Птицу эту гиляки называютъ т а х ч: это сѣрая птица съ краснымъ клювомъ, „любящая войну“. Въ этомъ эпитетѣ и кроется, вѣроятно, источникъ вѣрованія въ птицу-мстительницу: война у гиляковъ исключительно результатъ мести, и, слѣдовательно, хищныя птицы, „любящія войну“, очевидно, души убитыхъ сородичей. Надъ могилой убитаго въ видѣ грознаго memento ставится пень съ вывороченными корнями кверху [1]), которымъ придается видъ птицы. Иногда эта послѣдняя изображается съ желѣзными зубами и окопечностями въ видѣ *человѣческихъ* ногъ [2]),

---

[1]) Обыкновенно же надъ могилами умершихъ естественной смертью корни обращены книзу.

[2]) Экземпляръ такого памятника, вывезеннаго изъ низовьевъ Амура покойнымъ акад. Л. Шренкомъ, хранится въ Музеѣ Антропологіи и Этнографіи, при Академіи Наукъ, въ С.-Петербургѣ.

какъ на нѣкоторыхъ изображеніяхъ свастики. Вотъ эта-то страшная и несчастная, вмѣстѣ съ тѣмъ, птица, ищущая успокоенія и возврата въ царство отошедшихъ сородичей, по ночамъ вопіетъ о мести и, конечно, способна страшно мстить сородичамъ, забывшимъ свои обязанности. Даже, когда дѣло кончается выкупомъ, она остается непримиренной: необходима еще искупительная жертва въ видѣ собаки, сердце которой отдается птицѣ; въ противномъ случаѣ она жестоко мститъ обѣимъ сторонамъ.

Такъ какъ душа убитаго, какъ и всякая душа человѣческая, можетъ существовать только не болѣе 3-хъ поколѣній, то съ 3-имъ поколѣніемъ обязанности мести прекращаются. Но до того жалкая участь души убитаго продолжаетъ мучить совѣсть сородичей и пугать ужасами мести неотомщенной, не давая имъ покою. Эти-то мотивы являются преобладающими надъ непосредственнымъ инстинктомъ отплаты. Вотъ почему ярость мстителей никогда не доходитъ до истребленія цѣлаго рода убійцы, ограничиваясь однимъ или 2—3 его сородичами; тщательно избѣгаютъ убійства женщинъ и абсолютно воздерживаются отъ посягательства на имущество...

Тѣмъ не менѣе императивъ мести чрезвычайно интенсивенъ.

Вѣсть объ убійствѣ въ одинъ моментъ объединяетъ всѣхъ сородичей въ единодушное цѣлое, дѣйствующее съ лихорадочной энергіей. Такую же лихорадочность проявляетъ поневолѣ и родъ убійцы. Для него дѣло идетъ не объ одной только охранѣ убійцы—одному человѣку всегда легко укрыться и выждать мирнаго разрѣшенія конфликта,—а объ охранѣ *всего* рода, *каждаго* сородича, котораго ожидаетъ коварное нападеніе изъ каждаго угла, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ со стороны лихорадочно выслѣживающихъ свою жертву мстителей. Для нихъ важенъ не убійца непремѣнно, а каждый мужской представитель его рода, хотя бы это былъ грудной младенецъ. Вотъ почему матери, чтобы спасти своихъ дѣтей мужескаго пола, въ моментъ неминуемой опасности самыми ужасными способами готовы замаскировать полъ младенца.

Нетрудно себѣ представить, что переживаютъ до окончанія конфликта обѣ стороны.

Самое счастливое положеніе, когда представители обоихъ враждебныхъ родовъ сожительствуютъ въ одномъ селеніи. Въ

этомъ случаѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, мученій ожиданія. Дѣло разрѣшается тогда немедленно послѣ убійства вооруженнымъ столкновеніемъ. Ближайшій родственникъ убитаго въ сопровожденіи нѣсколькихъ вооруженныхъ сородичей бросается къ юртамъ рода убійцы и обрушивается на перваго встрѣчнаго мужчину, за котораго немедленно заступаются его сородичи, и тогда начинается общая схватка, которая въ нѣсколько часовъ кончается, и, если съ обѣихъ сторонъ пало по одинаковому числу жертвъ, то этимъ инцидентъ и разрѣшается. Бываетъ и болѣе счастливый исходъ, именно, когда въ дѣло вмѣшиваются представители третьяго рода, живущаго въ томъ же селеніи, пытаясь часто небезуспѣшно разнять противниковъ и закончить дѣло миромъ.

Но если роды живутъ въ разныхъ селеніяхъ, то возникаетъ военное положеніе со всѣми его послѣдствіями. При этомъ, если селенія близко расположены другъ отъ друга, обороняющіеся —вполнѣ въ осадномъ положеніи. Объ обыденныхъ занятіяхъ внѣ дома рѣчи быть не можетъ: ни охота, ни рыбная ловля невозможны, ибо на каждомъ углу можно ожидать засады. Въ крайнихъ случаяхъ мужчины не иначе рѣшаются удаляться отъ своего дома, какъ имѣя впереди себя женщинъ, обшаривающихъ каждый кустикъ, затаптывающихъ траву, повсюду опасаясь засады. Но, конечно, все это палліативы: въ одну прекрасную ночь придется встрѣтить непріятеля грудью въ своемъ собственномъ селеніи... Наконецъ, при отдаленности мѣстожительства враждующихъ родовъ другъ отъ друга приходится предпринимать далекіе походы пѣшкомъ или на лодкахъ. Это—должно быть импозантное зрѣлище, когда толпа воиновъ, одѣтыхъ въ лучшія одежды, со сверкающими копьями въ рукахъ и колчанами за спиной, съ ножами и японскими кинжалами за поясомъ, яростно потрясая оружіемъ, оглашаютъ первобытную тайгу воплями о мщеніи и призываютъ боговъ всѣхъ стихій о помощи:

Паль—хурп мыя! Тлы—хурп мыя!
Толь—хурп мыя! Мпф—хурп мыя!

„Богъ горы услышь, богъ моря услышь, богъ неба услышь, богъ земли услышь!“,—размахивая при этомъ копьями и вонзая ихъ въ каждое дерево на пути съ крикомъ: „Чхар, мыя!—О, де-

рево, услышь!"... Но это громкое настроеніе скоро смѣняется болѣе ровнымъ; по мѣрѣ приближенія къ вражескому селенію энтузіазмъ переходитъ въ сосредоточенную серіозность.

Врагъ принялъ свои мѣры: въ его родныхъ мѣстахъ ему лучше извѣстны коварныя мѣста для засады, а въ стратегическихъ пунктахъ онъ подстерегаетъ въ искусственныхъ траншеяхъ („ямкахъ"), откуда осыпаетъ градомъ стрѣлъ неосторожнаго непріятеля. Немало и другихъ препятствій на пути наступающихъ. На непріятельской территоріи всякій промыселъ опасенъ (у многихъ родовъ онъ даже запрещенъ, у нѣкоторыхъ запрещено также пользованіе водой рѣкъ и ключей); припасовъ, взятыхъ изъ дому, не надолго хватаетъ, а открытое, быстрое нападеніе,—принимая во вниманіе засады и безнаказанность сторожевой службы женщинъ,—не всегда возможно. Съ долгимъ терпѣніемъ и тяжелыми лишеніями приходится выжидать благопріятнаго случая или же рѣшиться въ отчаяніи на крайній рискъ...

Чаще всего обороняющіеся предпочитаютъ ожидать нападенія въ собственномъ селеніи. Тогда, оставивъ женское населеніе, пользующееся неприкосновенностью, мужчины собираются въ отдѣльную юрту, откуда при первомъ сигналѣ караульныхъ о приближеніи непріятеля, они, скрывшись черезъ потайные ходы, собираются вмѣстѣ за юртами, готовые встрѣтить врага. По между-родовымъ обычаямъ битва продолжается ночь, самое большое сутки, пока, наконецъ, не появляются убитые, послѣ чего непріятель уходитъ, а остающіеся считаютъ число павшихъ съ обѣихъ сторонъ. Если со стороны обороняющихся пало болѣе, чѣмъ съ противной стороны, возникаетъ новый casus belli. Нападающіе во всякомъ случаѣ должны считать себя удовлетворенными. Но не всегда дѣло кончалось немногими жертвами. Извѣстны случаи, когда цѣлый родъ погибалъ, въ живыхъ оставались только женщины.

Бывало и наоборотъ, когда во избѣжаніе гибели немногочисленнаго рода, неспособнаго къ сильному отпору, самопожертвованіе одного человѣка искупало общую вину. Мнѣ извѣстенъ случай, когда юноша, виновникъ конфликта, въ тотъ самый моментъ, когда получилось извѣстіе о приближеніи непріятеля, сталъ умолять собравшихся вокругъ него въ юртѣ сородичей спастись бѣгствомъ, предлагая своей смертью спасти родъ отъ гибели. И когда сородичи съ потупленными взорами стали выхо-

дить изъ юрты, онъ залпомъ выпилъ для храбрости чашку тюленьяго жиру и опрометью бросился, размахивая копьемъ, навстрѣчу разъяренной толпѣ мстителей... Рыцарство проявляется и во многихъ другихъ формахъ. Хотя обыкновенно набѣгъ мстителей бываетъ слишкомъ импульсивенъ, чтобы люди могли думать о какихъ-либо формальностяхъ нападенія, но эпосъ и преданія сохранили намъ многочисленныя формулы объявленія „войны“ черезъ особыхъ посредниковъ, о которыхъ подробнѣе мы скажемъ далѣе.

Обычная формула гласитъ лаконически: „онъ (мститель) окончательно сказалъ, что воевать съ тобою придти собирается; если ты сильнѣе, его убьешь, если онъ сильнѣе, тебя убьетъ,—такъ сказалъ“.

Военные походы предпринимаются не только съ цѣлью мести за убійство сородича. Весьма обычны они и изъ-за женщинъ. „Прекрасныя Елены“ у гиляковъ служатъ печальными поводами для войнъ даже гораздо чаще, чѣмъ убійства; послѣднія крайне рѣдки, никогда не носятъ корыстнаго характера, являясь исключительно дѣломъ минутной вспышки легко возбуждающагося „варвара“ по поводу малѣйшаго оскорбленія его самолюбія. Но изъза женщинъ столкновенія гораздо чаще. То группа сородичей предпринимаетъ просто романическій набѣгъ, чтобы похитить возлюбленную своего товарища. То походы предпринимаются съ цѣлью насильственнаго возврата похищенной жены сородича,—случаи болѣе серіозные, потому-что актъ этотъ столь же обязателенъ для рода (до 3-яго поколѣнія исключительно), какъ и месть и вира за убійство сородича. Обыкновенно стараются избѣгать кровопролитія, приноравливая нападеніе къ моменту, когда мужчины въ отсутствіи, но дѣло рѣдко обходится—какъ въ моментъ похищенія, такъ и во время преслѣдованія—безъ кровавыхъ столкновеній, которыя неизбѣжно влекутъ за собою необходимость „поднимать родныя кости“, т. е. войну со всѣми ея послѣдствіями.

Теперь перейдемъ къ институту выкупа; „тхусінд“, отчасти смѣнившему месть, отчасти сосуществующему съ „местью“, служа ей необходимымъ коррективомъ.

Какія причины вызвали институтъ выкупа на ряду съ категорическимъ императивомъ кроваваго возмездія, въ концѣ совер-

шенно вытѣснившагося первымъ, до сихъ поръ остается совершенно невыясненнымъ въ наукѣ.

У гиляковъ, мы думаемъ, легко найти, по крайней мѣрѣ, главнѣйшую причину этого великаго преобразованія въ соціальныхъ отношеніяхъ. Она кроется въ той особой формѣ экзогаміи, о которой мы подробно говорили въ своемъ мѣстѣ.

Каждый родъ связанъ съ массой родовъ, по крайней мѣрѣ, съ 4-мя, узами самаго интимнаго свойства. У рода или родовъ ахмальк онъ беретъ себѣ женъ и отъ нихъ вышли его матери; роду или родамъ ымгі онъ даетъ замужъ собственныхъ женщинъ, дочерей и сестеръ. Эти роды, по естественному порядку вещей, ему дороги, съ ними его связываютъ неразрывно матери, дочери, сестры.

Родъ убійцы легко можетъ оказаться такимъ, который беретъ у него женщинъ, въ которомъ его сестры и дочери, или такимъ, который его снабжаетъ женщинами. Отсюда первое великое смягченіе—неприкосновенность женщинъ въ конфликтахъ мести.

Но этимъ роль женщинъ не ограничивается. Если убійца изъ рода ахмальк, т. е., откуда происходятъ матери и жены мстителей, то нетрудно себѣ представить, что эти женщины не могутъ оставаться равнодушными зрительницами войны противъ ихъ собственныхъ братьевъ и отцовъ. Если же убійца изъ рода ымгі, жены этихъ послѣднихъ тоже не легко примирятся съ тѣмъ, чтобы ихъ мужья и сыновья пали отъ рукъ ихъ собственныхъ отцовъ и братьевъ. Въ обоихъ случаяхъ вмѣшательство женщинъ неизбѣжно, и достаточно немногихъ прецедентовъ миротворнаго вліянія ихъ, чтобы прецеденты обратились въ законный обычай, сначала сосуществующій кровной мести, а потомъ его вытѣсняющій.

Косвенно вліяніе женщинъ въ этомъ отношеніи должно было выразиться еще и другимъ образомъ, чисто механически, если можно такъ выразиться. Ихъ неприкосновенность въ значительной степени фактически препятствовала самому осуществленію кроваваго возмездія. Ихъ сторожевая служба, единственная въ своемъ родѣ, больше должна была изнурять врага и ослабить его духъ, чѣмъ самое активное сопротивленіе. Пользуясь своимъ habeas corpus, онѣ въ полной безопасности день и ночь обходятъ окрестности, обыскивая каждый кустикъ, каждую травку, въ поискахъ за-

сѣвшаго гдѣ-нибудь непріятеля. И если только нападающая сторона не обладаетъ подавляющей численностью, чтобы броситься открыто на ожидающаго врага, то ей никогда не удастся усыпить бдительности неприкосновенной сторожевой цѣпи, и терпѣніе нападающихъ, истощенныхъ недоѣданіемъ, походомъ, мучительностью выжиданія, поневолѣ разбивается о пассивное сопротивленіе слабаго пола, и почва для мира становилась, такимъ образомъ, подготовленной...

Чтобы оцѣнить всю важность пассивнаго участія женщинъ въ борьбѣ родовъ, нужно еще принять во вниманіе, что у многихъ родовъ запрещено разводить огонь на чужой территоріи, пользоваться водой изъ ея рѣкъ и источниковъ, охотиться и т. д., такъ что, подобно библейскимъ жителямъ Гивеона, гилякамъ приходится отправляться въ походъ, нагрузившись мѣхами съ водой и такимъ запасомъ пищи, который человѣкъ способенъ понести на себѣ. При такихъ обстоятельствахъ каждый лишній день выжиданія грозитъ голодной смертью, и такимъ образомъ бдительность женщинъ поневолѣ побѣждаетъ.

Вотъ одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ примѣровъ. Въ 1851 году 30 человѣкъ жителей с. Тебахъ отправились сухопутьемъ отомстить одному изъ родовъ с. Коль за убійство сородича. Послѣ долгаго перехода и еще болѣе долгихъ и безплодныхъ выжиданій вслѣдствіе бдительности женщинъ, съ шестами въ рукахъ безпрестанно обыскивавшихъ мѣстность, вода въ пузыряхъ, наконецъ, истощилась, и мстителямъ пришлось уйти ни съ чѣмъ и покончить дѣло миромъ... Такъ маленькія причины приводятъ часто къ важнымъ послѣдствіямъ.

Правъ былъ Тайлоръ, когда утверждалъ, что экзогамія смягчала отношенія между родами и вносила миръ, хотя онъ исходилъ изъ ошибочнаго предположенія, что стремленіе къ миру вызвало къ жизни самый институтъ экзогаміи. Правда, первобытный человѣкъ не настолько сантименталенъ, а главное, слишкомъ „богобоязненъ“, чтобы съ легкимъ сердцемъ пожертвовать своими страхами кары за нарушеніе своего кроваваго долга голосу чувства или даже явному интересу, но у него есть, какъ мы знаемъ уже (см. гл. IV), испытанное средство, съ помощью котораго онъ умиротворяетъ боговъ съ полнымъ соблюденіемъ своихъ выгодъ: онъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, прибѣгаетъ

къ благочестивому обману боговъ, который даетъ ему возможность и выполнить свой религіозный долгъ, и извлечь матеріальныя выгоды изъ конфликта. Обыкновенно эта важнѣйшая, религіозная процедура института вира совершенно игнорируется, да и не у всѣхъ народовъ сохранились слѣды религіозныхъ церемоній примиренія; у гиляковъ, какъ это мы разскажемъ въ дальнѣйшемъ, это отчетливо явствуетъ изъ ритуала выкупа, требующаго предварительной имитаціи кровавой мести въ видѣ борьбы представителей воюющихъ родовъ, убіенія собакъ и кормленія кровью ихъ духа убитаго.

Теперь перейдемъ къ практикѣ этого института.

Главную роль въ процедурѣ примиренія играютъ такъ называемые xlaj-нівух'и [1]).

Xlaj-півух—буквально: толкующій человѣкъ, краснорѣчивый, ораторъ. Такой человѣкъ пользуется въ глазахъ гиляка особымъ почетомъ, ибо краснорѣчивый индивидъ, по его воззрѣнію, избранникъ особаго божества, которое постоянно вдохновляетъ его, обитаетъ въ немъ и внушаетъ ему красивыя, убѣдительныя рѣчи и неотразимое вліяніе на слушателя. Самая быстрота рѣчи, способность говорить плавно и быстро въ теченіе продолжительнаго времени, независимо даже отъ содержанія рѣчи, уже считается даромъ высшаго порядка. „У него языкъ вертится, какъ крылья вѣтряной мельницы“, съ благовѣніемъ характеризуетъ гилякъ выдающихся ораторовъ. Послѣдніе, въ свою очередь, сами смотрятъ на себя, какъ на избранниковъ. На материкѣ они всегда носятъ съ собою деревянный жезлъ, на головкѣ котораго вырѣзано человѣческое лицо, изображающее, повидимому, то божество, которое ихъ вдохновляетъ и помогаетъ имъ убѣждать другихъ. Въ патетическіе моменты они грозно размахиваютъ имъ, клянясь, въ случаѣ неуспѣха своихъ доводовъ, сломать его и навлечь кару боговъ на себя и непокорнаго оппонента. Чаще всего xlaj-нівух вмѣстѣ съ тѣмъ избранникъ и въ другихъ отношеніяхъ: это человѣкъ богатый, искусный въ промыслахъ, бывалый, храбрый, съ большимъ природнымъ умомъ и пользующійся авторитетомъ среди своихъ соплеменниковъ.

Каждый родъ, каждое селеніе имѣетъ своего маленькаго xlaj-

---

[1]) Беремъ терминъ болѣе распространеннаго западнаго діалекта.

нівух'а, но есть знаменитости, пользующіеся широкой славой среди многихъ народностей края, и ихъ, въ случаѣ надобности выписываютъ, какъ у насъ знаменитыхъ адвокатовъ. Свои функціи они исполняютъ скорѣе honoris causa, потому что ихъ обычный гонораръ—китайскій шелковый костюмъ и японская сабля—едва ли можетъ достойно вознаградить богатаго человѣка за потерю времени и тяжесть обязанностей: даримыя имъ одежда и оружіе служатъ скорѣе ихъ insignia magistratus, оффиціальнымъ облаченіемъ, въ которомъ они исполняютъ свои обязанности во время переговоровъ.

Такъ вотъ, когда родъ мстителей достаточно измучился въ своихъ попыткахъ кроваваго возмездія, или если убійство съ самаго начала произошло при обстоятельствахъ, легко располагающихъ къ примиренію, тогда начинаютъ отыскивать xlaj-нівух'а, который взялся бы за переговоры и съумѣлъ бы добиться наиболѣе выгодныхъ условій. Xlaj-нівух долженъ быть обязательно нейтральнаго рода. Сородича послать нельзя: во-первыхъ, до примиренія грѣхъ имѣть какое-бы то ни было дѣло съ родомъ убійцы, кромѣ того, при естественномъ раздраженіи сторонъ переговоры черезъ сородича могутъ кончиться новымъ убійствомъ. Противная сторона, въ свою очередь, выбираетъ своего „оратора", который долженъ защищать ея интересы при переговорахъ о выкупѣ. Обыкновенно инициативу беретъ на себя обиженная сторона.

Въ одинъ прекрасный день компанія вооруженныхъ мстителей со своимъ xlaj-нівух'омъ во главѣ появляется передъ селеніемъ „убійцы". Въ ближайшей тайгѣ или на берегу рѣки мстители разводятъ огонь и располагаются лагеремъ, а xlaj-нівух одинъ въ своемъ парадномъ облаченіи, съ копьемъ въ одной рукѣ, котелкомъ въ другой, идетъ во вражеское селеніе. Здѣсь въ одной изъ юртъ его ожидаютъ противники со своимъ xlaj-нівух'омъ во главѣ... Опираясь на свое копье или усѣвшись и закуривъ трубку (непремѣнно „своимъ" огнемъ), онъ говоритъ: „Я посланъ вамъ сказать, что вы нашего человѣка убили, и какого человѣка! Его правая рука стоила столько-то „сялахр" [1]), если бы онъ

[1]) Сялахр—денежная единица, которую гиляки по-русски почему-то переводятъ „цѣлковый" и оцѣниваютъ на наши деньги въ три рубля,—повидимому китайскій таможенный лапъ. На эти единицы оцѣниваютъ гиляцкія мѣновыя цѣнности—шагунд (см. выше).

живъ былъ, развѣ онъ согласился-бы взять столько? Его лѣвая рука стоила столько-то и т. д.". Перечисляются затѣмъ всѣ остальныя части тѣла и подводится итогъ виры. Если противная сторона согласна, она кладетъ въ котелокъ оратора столько палочекъ, сколько было условлено уплатить „цѣлковыхъ". Но сразу къ соглашенію никогда не приходятъ. Ораторъ противной стороны старается находить извиненія для убійцы и предлагаетъ свой минимумъ выкупа. Это выводитъ изъ себя противника, и онъ гнѣвно уходитъ, грозя прервать переговоры. За нимъ спѣшно бѣжитъ вслѣдъ его коллега, убѣждая уступить. Они садятся, каждый закуриваетъ непремѣнно своимъ огнемъ, спорятъ, опять кто-нибудь вспылитъ и убѣгаетъ, опять сходятся, возвращаются въ селеніе... Этикетъ требуетъ, чтобы соглашеніе было принято не сразу, а послѣ упорнаго сопротивленія, поэтому иногда въ безконечныхъ схожденіяхъ и расхожденіяхъ проходитъ 2—3 дня... Нѣкоторые xlaj-nivux'и на Амурѣ прибѣгаютъ, по обычаю тунгусскихъ племенъ, въ послѣдній моментъ къ помощи своего волшебнаго жезла, который они грозятся сломать и этимъ навлечь кару боговъ на себя и упрямыхъ противниковъ.

Когда соглашеніе достигнуто, начинается религіозный моментъ, о которомъ я говорилъ выше, процедура имитаціи кровавой борьбы, которая должна скрыть отъ души убитаго и родовыхъ боговъ мирный исходъ конфликта.

Процессія мстителей съ хлај-нивух'омъ во главѣ выступаетъ по направленію къ селенію противника, а ей навстрѣчу движется такая же процессія рода убійцы. На разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженъ обѣ стороны останавливаются, и выступаютъ впередъ ближайшій родственникъ убитаго со своимъ xlaj-nivux'омъ, а съ другой стороны—убійца со своимъ „посредникомъ", оба вооруженные луками и копьями. По данному сигналу xlaj-nivux'овъ начинаютъ пускать другъ въ друга стрѣлы или набрасываются копьями, ловко уклоняясь при этомъ отъ стрѣлы и удара. Дуэль, конечно, фиктивная, хотя бываютъ случаи, что противники входятъ въ азартъ, и дѣло кончается печально. Все время xlaj-nivux'и успокаиваютъ своихъ клієнтовъ, твердя про примиреніе. Сородичи между тѣмъ проводятъ между противниками по собакѣ и убиваютъ ихъ копьями („кровь за кровь"). Затѣмъ противники бросаются другъ другу въ объятія, и миръ заключенъ. Сердце

убитой собаки отдается въ жертву птицѣ-мстительницѣ (см. выше), а мясо съѣдается на послѣдующемъ пиршествѣ.

Затѣмъ представители обѣихъ сторонъ отправляются въ юрту убійцы, гдѣ разставлены предметы, составляющіе тхусінд,— котлы, копья, сабли, шелковыя матеріи и т. д. Въ уплатѣ послѣдняго участвуютъ всѣ сородичи, каждый по своему состоянію, считая за великій грѣхъ уклониться отъ посильной доли. Съ другой стороны для рода убійцы полученный тхусінд становится общей собственностью. Частью имъ возмѣщаются тѣ драгоцѣнности, которыя понадобились для убитаго въ „селеніи мертвыхъ", частью это становится фондомъ для семьи убитаго и родовыхъ надобностей.

Переговоры о тхусінд по другимъ поводамъ, какъ напр., по поводу похищенной женщины, оскорбленія святыни и т. п., ведутся тоже посредствомъ хlaj-нівух'овъ, но уже безъ особенной торжественности. Посредники обсуждаютъ спорные вопросы въ присутствіи собравшагося народа, выслушиваются мнѣнія присутствующихъ, и рѣшеніе является какъ бы приговоромъ цѣлаго собранія.

7. Грѣхъ одинъ. Хотя нормы и обычаи религіи и поведенія почти тождественны у всего племени, тѣмъ не менѣе каждый родъ имѣетъ свой комплексъ обязанностей и запретовъ, обязательныхъ только для его членовъ. Первый обширный кругъ запретовъ касается половыхъ нормъ. Для членовъ каждаго рода запретны для брака и полового общенія опредѣленныя категоріи женщинъ, напримѣръ, всѣ безъ исключенія женщины, родившіяся въ данномъ родѣ, далѣе, жены младшихъ братьевъ, всѣ женщины, которыхъ зовутъ ымк и ранр, всѣ женщины, происходящія изъ рода „зятей" и т. д., такъ что достаточно знать, какія женщины тому или другому лицу запретны, чтобы безошибочно сказать, къ какому роду онъ принадлежитъ. Къ этой категоріи можно отнести и запреты рѣчи. Для членовъ каждаго рода существуютъ опредѣленные классы лицъ, съ которыми говорить воспрещается; таковы классы тувп (братья и сестры всѣхъ степеней родства), ачык (мать и тетки жены) и др. Третья категорія запретовъ касается религіозныхъ нормъ въ тѣсномъ смыслѣ. У каждаго рода, какъ мы видѣли, есть свои родовые боги и жертвоприношенія, свои священные предметы, свои повѣрія и, слѣдовательно

свой ритуалъ роводого культа, общіе для всѣхъ сородичей и съ религіозной стороны совершенно безразличные для чужеродныхъ. Эти многочисленны обряды и предметы культа требуютъ величайшаго къ себѣ уваженія. За всякое нарушеніе ихъ отвѣчаетъ круговой порукой весь родъ, на котораго обрушивается гнѣвъ оскорбленныхъ божествъ, и потому каждый членъ рода не только обязанъ самъ избѣгать нарушенія своихъ т а б у, но и охранять ихъ отъ нарушенія посторонними. За каждое такое нарушеніе необходимо взыскать тхусінд. Отсюда обычныя тяжбы съ чужеродцами по поводу случайной порчи ограды очага, выноса огня изъ юрты, уроненной косточки медвѣдя во время праздничной трапезы, нарушенія неприкосновенности всѣхъ принадлежностей медвѣжьяго праздника—столбовъ для привязыванія медвѣдей, шестовъ съ ихъ головами, амбаровъ для праздничной посуды и медвѣжьихъ костей и т. д.

Наконецъ, если принять во вниманіе, что терминъ „грѣхъ“ обнимаетъ не только запретъ, въ формальномъ смыслѣ, но и обязательность исполненія положительныхъ нормъ, то формула „общій грѣхъ“ пріобрѣтаетъ широкій обобщающій смыслъ, становится выраженіемъ принципа е д и н с т в а круга р о д о в ы х ъ о б я з а н н о с т е й вообще. Значеніе этого принципа тѣмъ важнѣе, что обязанности и запреты въ глазахъ гиляка отнюдь не формальныя юридическія нормы, соблюдаемыя подъ страхомъ наказанія, а религіозные императивы, ригористически выполняемые изъ чувства самосохраненія. Для гиляка нѣтъ различія между запретомъ религіознымъ, половымъ или соціальнымъ: всѣ они одинаково религіозные, а исполнять требованія религіи—значитъ заботиться о благоволеніи боговъ, устраненіи козней враговъ жизни и т. д., иначе говоря, заботиться о своемъ самохраненіи. Не исполнять ихъ, принимая во вниманіе всю родовую подкладку культа, значитъ губить не только себя, но и весь родъ. Отсюда —важное значеніе этого принципа какъ цемента родового союза. Отсюда, съ другой стороны, становится понятнымъ, почему нормы, часто противорѣчащія человѣческой природѣ, требующія огромнаго самообладанія, выполняются не по принужденію, а какъ естественныя требованія инстинкта. Посмотрите, напримѣръ, съ какой силой дѣйствуютъ нормы половыя. Вообще въ дѣлахъ полового инстинкта гиляки, какъ мужчины, такъ и женщины,

слѣдуютъ совершенно свободно естественному влеченію: цѣломудрія нѣтъ ни до, ни послѣ брака: единственная забота—не сдѣлаться жертвой ревности. О какомъ-либо чувствѣ самообузданія и рѣчи нѣтъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на полную половую распущенность, съ нашей точки зрѣнія, гиляк соблюдаетъ абсолютное цѣломудріе по отношенію къ лицамъ запретныхъ категорій: прелюбодѣяніе ему не извѣстно, прелюбодѣй—уродъ, почти не встрѣчающееся исключеніе. То же и въ запретахъ рѣчи. Даже оставаясь съ глазу на глазъ братья и сестры по цѣлымъ днямъ переносятъ муки молчанія, перекидываясь между собою въ случаѣ крайней необходимости рѣдкими дѣловыми обращеніями въ безличной формѣ, а между тѣмъ по темпераменту это люди менѣе всего молчаливые. Конечно, такое самообладаніе—результатъ въ значительной степени воспитанія, дрессировки, но оно бы никогда не достигло такой высокой степени выдержки, еслибы не общее сознаніе гибельности каждаго индивидуальнаго нарушенія для блага всего рода.

Религіозная санкція запретовъ и обязанностей, живое сознаніе всѣмъ и каждымъ „общности грѣха“ объясняютъ намъ самую удивительную сторону строя рода, наличность соціальнаго организма и почти полное отсутствіе принудительнаго элемента, власти. Но объ этомъ послѣ.

Таковы основные признаки рода. По нимъ можно судить о всеобъемлющей роли его въ жизни гиляка. Онъ охватываетъ человѣка отъ рожденія до смерти, заполняя все содержаніе жизни Онъ окружаетъ его интимными узами родства какъ со стороны отца, такъ и со стороны матери. Онъ соединяетъ живою связью живущее поколѣніе со всѣми отошедшими. Онъ гарантируетъ человѣку бракъ индивидуальный и супружескія права внѣ его, а послѣ смерти обезпечиваетъ его вдову и дѣтей. Онъ охраняетъ его жизнь и неприкосновенность его семьи отъ посягательствъ чужеродца, готовый какъ одинъ человѣкъ встать на защиту попранныхъ правъ сородича и отвѣчать за его вину передъ чужеродцемъ. Онъ кормитъ въ случаѣ голода, платитъ долги немущаго, выручаетъ въ уплатѣ калыма и виры.

Въ благоволеніи родовыхъ боговъ, въ родовыхъ жертвоприношеніяхъ человѣкъ находитъ высшее покровительство и самую

сильную гарантію своему благополучію. Родъ—школа нравственнаго воспитанія, школа долга, соціальнаго сотрудничества и самопожертвованія и, наконецъ, въ родѣ человѣкъ находитъ высшія радости и самыя цѣнныя утѣшенія въ наиболѣе горькихъ бѣдствіяхъ жизни,—шумныя радости праздествъ и заботы о блаженствѣ въ загробномъ мірѣ.

Каковъ же механизмъ этого удивительнаго учрежденія, дающаго человѣку больше, чѣмъ современное государство, окружающаго человѣка не только всеобъемлющими заботами, но и обширной сѣтью регламентацій и „грѣховъ"? Гдѣ его внѣшніе признаки и органы, выполняющіе его функціи? Не странно ли, что въ формулѣ рода эти важнѣйшіе съ нашей точки зрѣнія элементы совершенно отсутствуютъ?

VII.

Механизмъ рода.

Норденшильдъ, описывая чукчей, въ одномъ мѣстѣ выражается такъ: „Здѣсь, какъ и во всѣхъ посѣщенныхъ мною стоянкахъ, царствовала совершенная анархія. Тѣмъ не менѣе члены этой безглавой общины жили между собою въ ладу и дружбѣ".

Подобные отзывы легко встрѣтить и у многихъ другихъ путешественниковъ по отношенію къ разнымъ первобытнымъ народамъ. Въ частности то же, что̀ о чукчахъ, сказалъ бы, вѣроятно, Норденшильдъ и о гиляхъ. Та глубокая соціальная организація, которую мы описали въ предыдущей главѣ, составляющая душу всякаго первобытнаго общества и вошедшая въ исторію подъ именемъ рода, остается часто совершенно скрытой отъ взора случайнаго цивилизованнаго наблюдателя, ибо для него все, что не напоминаетъ ему, европейцу, привычныхъ для него элементовъ государственности—территоріи, представителей власти, принудительной регламентаціи строя—есть не больше, какъ „анархія, при которой, къ крайнему его изумленію, тѣмъ не менѣе, члены безглавой общины умудряются жить въ ладу и дружбѣ".

Это именно поражаетъ и въ строѣ гиляцкой жизни. Несмотря на всю сложность соціальной ткани, охватывающей всѣ стороны жизни, всѣ внѣшне-формальные признаки организаціи, которые

невольно ищетъ повсюду европеецъ, либо совершенно отсутствуютъ, либо принимаютъ слишкомъ колеблющіяся формы.

Начнемъ съ территоріи. Совершенно естественно, что члены одного рода предпочитаютъ жить совмѣстно, въ непосредственномъ единеніи и общеніи другъ съ другомъ. Есть, дѣйствительно, нѣсколько селеній, какъ Тапги, Няниво, Вискво и др., гдѣ все населеніе принадлежитъ къ одному роду. Въ большихъ зимнихъ юртахъ такихъ селеній можно въ каждой насчитать иногда по 2—3 десятка сородичей и ни одного чужого. Даже тамъ, гдѣ въ одномъ селеніи, какъ Коль, гдѣ живетъ совмѣстно нѣсколько родовъ, юрты каждаго рода расположены въ рядъ, какъ бы по строго соблюдаемой традиціи. Каждый родъ имѣетъ свои родовыя рѣчки для охоты, распредѣленныя между отдѣльными семьями, среди которыхъ онѣ переходятъ по наслѣдству отъ отца къ сыну, хотя, впрочемъ, право собственности ограничено фактическимъ пользованіемъ, съ перерывомъ котораго рѣчка становится res nullius и можетъ быть использована всякимъ, даже чужимъ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на естественную тенденцію сородичей держаться поближе другъ къ другу, принципъ территоріальности фактически не существуетъ. Въ огромномъ большинствѣ гиляцкихъ деревень составъ населенія смѣшанный. Въ упомянутомъ селѣ Коль я насчиталъ представителей 8 родовъ, въ селеніяхъ меньшихъ по 2—3 рода, и очень мало такихъ, въ которыхъ совсѣмъ не было бы чужеродныхъ. Есть роды, развѣтвленія которыхъ встрѣчаются въ самыхъ различныхъ и удаленныхъ другъ отъ друга пунктахъ гиляцкой территоріи. Эта разбросанность, конечно, есть фактъ, идущій какъ бы въ разрѣзъ съ принципами рода, но она неизбѣжна при данныхъ экономическихъ и соціальныхъ условіяхъ. Селеніе, расположенное въ особенно благопріятномъ въ рыболовномъ отношеніи пунктѣ, естественно привлечетъ пришельцевъ изъ другихъ родовъ, и, наоборотъ, если родъ на своемъ первоначальномъ мѣстѣ размножился настолько, что исконное селеніе прокормить всѣхъ уже не можетъ, отъ него постепенно выдѣляются переселенцы въ другія мѣста, причемъ выбираются ближайшіе пункты, дабы связь между сородичами не прерывалась. Переселеніе въ очень отдаленные пункты влечетъ за собою фактическое дѣленіе

„огня“ и развѣтвленіе рода. Не менѣе важной причиной смѣшанности населенія является обычай переселенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ зятей въ роды тестей, о чемъ подробнѣе будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Такъ или иначе территорія является неопредѣленнымъ признакомъ рода.

У гиляковъ отсутствуетъ даже сознаніе права собственности на территоріи, и не только по отношенію къ своимъ, но и къ чужеплеменникамъ. Когда лѣтъ 50 тому назадъ на Сахалинѣ появились бродячіе тунгусы, которые стали охотиться на исконныхъ территоріяхъ гиляковъ, никому въ голову не приходило протестовать противъ этого, хотя тунгусы пришли небольшими группами и едва-ли были въ состояніи удержаться силой противъ многочисленныхъ аборигеновъ.

Столь же неопредѣленнымъ признакомъ являются и родовыя прозвища. У массы первобытныхъ племенъ, такъ назыв. тотемныхъ, родовое прозвище—одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ внѣшнихъ признаковъ единства рода. Тотемнымъ прозвищемъ является реальный предметъ природы, животное или растеніе, которое изображается на тѣлѣ, на платьѣ, на зданіяхъ и т. д.

У гиляковъ ничего подобнаго нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ родахъ существуютъ тотемистическія преданія. Такъ, напр., родъ, живущій въ с. Тангахъ, считаетъ себя родственнымъ съ медвѣдемъ, на томъ основаніи, что одна женщина этого рода родила урода съ чертами, напоминающими медвѣжьи. Подобныя преданія имѣются и въ другихъ родахъ. Тѣмъ не менѣе не только типичныя тотемныя, но и обыкновенныя родовыя прозвища въ собственномъ смыслѣ отсутствуютъ. Прозвища имѣются только территоріальныя. Если гилякъ хочетъ назвать людей такого-то рода, онъ говоритъ „жители такого-то селенія“, что̀ иногда совпадаетъ, съ дѣйствительнымъ мѣстожительствомъ рода, но чаще всего только показываетъ то селеніе, которое было когда-то исконнымъ мѣстопребываніемъ того или другого рода.

Такъ, въ с. Коль есть роды, носящія названія: Тывли-фінг (жители с. Тывли); Мьехре-фінг (жители с. Мьехри), Ньенхай-фінг (жители с. Ньенхай) и т. д., между тѣмъ представители этихъ родовъ уже давнымъ давно живутъ въ упомянутомъ селеніи Коль, порвавъ всякія связи съ исконными мѣстожительствами

своихъ родоначальниковъ [1]). Единственные роды, которые имѣютъ настоящія родовыя прозвища, это основанные выходцами изъ сосѣднихъ тунгусскихъ племенъ; такъ образовались роды Цхарнунгъ, Чориль и т. д. И замѣчательно, что именно у этихъ племенъ мы уже находимъ явный переходъ къ тотемизму. У племени негда, напримѣръ, почти каждый родъ ведетъ свое происхожденіе отъ того или другого рода животнаго (тигра, жабы, медвѣдя и т. д.). У гиляковъ же подобныя явленія встрѣчаются очень рѣдко.

Теперь переходимъ къ самому, съ точки зрѣнія европейца, важному признаку родоваго единства—къ органамъ власти. Какъ ни сложна, какъ мы видѣли, родовая жизнь, родъ не знаетъ никакихъ установленныхъ властей. Правда, китайцы, а за ними русскіе пытались устанавить у гиляковъ институтъ старостъ, и то не родовыхъ, а сельскихъ, но онъ никакого отношенія къ родовой жизни не имѣлъ. Это былъ скверный эпизодъ, но и только. Старосты, назначенные русскими властями, избирались не изъ лучшихъ и даже не изъ богатѣйшихъ жителей, а изъ наиболѣе угодливыхъ, а потому не только никакимъ авторитетомъ не пользовались, но скорѣе презрѣніемъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и ненавистью. Исконный строй рода ничего подобнаго не зналъ. Патріархальная власть, которая по библейскимъ примѣрамъ обыкновенно ассоціируется съ родомъ, и которую еще и теперь мы видимъ, напримѣръ, у бурятъ, киргизовъ, кавказскихъ народовъ и т. д., у гиляковъ, да и вообще у народовъ однородной съ ними ступени развитія, абсолютно отсутствуетъ. Ея не существуетъ даже въ семьѣ. Правда, нѣкоторый деспотизмъ практикуется по отношенію къ женщинамъ, которыя подчинены сначала отцу и братьямъ, а послѣ замужества—мужьямъ, но это—деспотизмъ, ничего общаго не имѣющій съ римскимъ patria potestas. Случаи убійства или продажи въ рабство женъ и дочерей невозможны.

Нерѣдки, правда, случаи принудительной выдачи замужъ, что въ значительной степени связано съ религіозно освященнымъ обычаемъ браковъ между дѣтьми братьевъ и сестеръ, но вообще

[1]) Подобныя территоріальныя названія у австралійцевъ подали поводъ Купову совершенно неосновательно заключить, что у этихъ племенъ отсутствуетъ родовая организація.

отношеніе къ дочерямъ самое нѣжное какъ до, такъ и послѣ замужества. Между семьями тестя и зятя на всю жизнь устанавливаются, какъ это мы увидимъ, глубокія интимныя узы гостепріимства и взаимопомощи, а въ рѣдкихъ случаяхъ дурного обращенія съ замужней женщиной послѣдняя всегда находитъ фактическую защиту со стороны своихъ родныхъ. Вообще же супружескія отношенія очень мягки, съ женщинами совѣтуются, а болѣе пожилыя даже участвуютъ въ сходкахъ и совѣщаніяхъ сородичей.

Совершенно незамѣтенъ деспотизмъ по отношенію къ представителямъ мужского пола. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно видѣть отношеніе старшихъ къ дѣтямъ. Цивилизованному человѣку трудно даже себѣ представить, какое чувство равенства и уваженія царитъ здѣсь по отношенію къ молодежи. Подростки 10—12 лѣтъ чувствуютъ себя совершенно равноправными членами общества. Самые глубокіе и почтенные старцы съ самымъ серіознымъ вниманіемъ выслушиваютъ ихъ реплики и отвѣчаютъ имъ съ такой же серіозностью и вѣжливостью, какъ своимъ собственнымъ сверстникамъ. Никто не чувствуетъ ни разницы лѣтъ, ни положеній. Правда, гиляцкій подростокъ 10—12 лѣтъ обыкновенно уже accomplished gentleman. Онъ не только усвоилъ всю технику обиходныхъ работъ, онъ не только ловкій стрѣлокъ, рыболовъ, гребецъ и т. д., онъ уже фактически работникъ, такой, какъ и всѣ. Мало того, онъ въ значительной мѣрѣ обладаетъ уже и всей суммой духовнаго знанія: онъ знаетъ уже изъ практики всѣ родовые обычаи, всѣ религіозные обряды, помнитъ всѣ родственныя названія, знаетъ легенды, сказки и пѣсни своего племени, и въ довершеніе всего—то знаніе людей и жизни, которое даетъ постоянное пребываніе въ обществѣ взрослыхъ: въ путешествіяхъ, на охотѣ, рыбной ловлѣ, празднествахъ и т. д. Отсюда—и его чувство собственнаго достоинства, и солидность въ рѣчи, и умѣніе держаться въ обществѣ.

Но всѣ эти качества не имѣли бы никакого значенія, если бы патріархальные принципы существовали. И у другихъ малокультурныхъ народовъ молодежь рано достигаетъ самостоятельности, но отъ нея требуется особенная, почти религіозная почтительность къ старшимъ, которые нарочито дрессируютъ ее въ подчиненіи. Ничего подобнаго нѣтъ у гиляковъ. Тѣмъ болѣе не

замѣтно деспотизма главы семьи по отношенію къ взрослымъ членамъ. Сыновья совершенно свободно отдѣляются отъ отца, получая отъ него выдѣлъ въ видѣ утвари, саней и т. п., и, помогая ему долей отъ своей добычи, дѣлаютъ это совершенно свободно, безъ всякаго принужденія. Встрѣчаются большія семьи, живущія общимъ хозяйствомъ, во главѣ котораго стоитъ старшій въ семьѣ, дѣдъ, отецъ или одинъ изъ братьевъ, но это совершенно свободная ассоціація, изъ которой когда угодно можно выступить. И вотъ, даже состоя участникомъ такого хозяйственаго союза, каждый членъ можетъ имѣть и свое индивидуальное хозяйство въ видѣ саней и собакъ, оружія, пользуясь правомъ на индивидуальные заработки, связанные съ личными заслугами; и то, чѣмъ каждый членъ дѣлится со своими,—а дѣлятся широко особенно съѣстными припасами, какъ природными, такъ и покупными,—удѣляется безъ всякаго понужденія: привозятъ изъ города муку, рисъ, чумизу и т. п., все это варится въ общемъ котлѣ для всѣхъ. Коммунизмъ и индивидуализмъ сочетаются безъ всякихъ треній.

Наконецъ—и это особенно необходимо отмѣтить — во главѣ большой семьи съ общимъ хозяйствомъ стоятъ вовсе не обязательно старшіе по лѣтамъ, а, наоборотъ, чаще всего люди молодые, заявившіе себя своей дѣловитостью, усердіемъ и оборотливостью, словомъ, личными талантами. Старики пользуются авторитетомъ лишь въ вопросахъ спеціальныхъ, какъ хранители традицій, знатоки обрядовъ и исторіи семейно-родовыхъ отношеній. Съ ними совѣтуются въ запутанныхъ вопросахъ родства, дачѣ именъ, имъ предоставляется распоряжаться обрядовой стороной на праздникахъ, но это имъ не даетъ никакой власти, никакихъ преимуществъ.

И вотъ, чего нѣтъ въ семьѣ,—деспотизма старѣйшаго, главы,—того нѣтъ и въ родѣ. Онъ не знаетъ не только полновластныхъ старѣйшинъ — патріарховъ, но и установленныхъ постоянныхъ властей вообще, ни коллективныхъ, ни единичныхъ, ни выборныхъ, ни по праву рожденія и наслѣдства.

Между тѣмъ родъ не фикція: это—сложное учрежденіе, окружающее гиляка густѣйшею сѣтью регламентацій, запретовъ, обязанностей и въ то же время доставляющее ему всѣ блага, матеріальныя и духовныя, прочнаго общественнаго союза.

Мы вернулись такимъ образомъ къ вопросу, поставленному нами въ концѣ предыдущей главы. Гдѣ двигатели механизма этого всемогущаго учрежденія—рода, гдѣ тайна этого удивительнаго соединенія самой тѣсной общественности и абсолютнаго отсутствія деспотизма, всеобъемлющей опеки и регламентаціи съ отсутствіемъ принудительности и сохраненіемъ индивидуальной свободы?

Тайна эта заключается въ двухъ условіяхъ: 1) въ простотѣ экономическихъ условій и отношеній, предоставляющихъ широкій просторъ всестороннему развитію силъ и способностей личности и свободному примѣненію ихъ къ широко и равно открытымъ для всѣхъ дарамъ природы; и во 2-хъ, въ томъ цѣлостномъ соціально-религіозномъ міросозерцаніи, которое совершенно спонтанейно, безъ всякаго внѣшняго давленія, направляетъ волю и дѣятельность каждаго къ гармоніи общаго интереса, ставя на мѣсто внѣшняго принужденія силу внутренняго сознанія каждаго,

Разсмотримъ поближе эти условія, и прежде всего экономическія.

Преобладающая форма труда—индивидуальная или самое простое сотрудничество. Главнѣйшій источникъ пропитанія—рыболовство. Море и рѣки такъ богаты этимъ продуктомъ, что при самомъ скудномъ инвентарѣ каждый при нормальныхъ условіяхъ можетъ личными индивидуальными условіями обезпечить свое существованіе. При добываніи морскихъ звѣрей, правда, необходимо сотрудничество нѣсколькихъ человѣкъ, но все дѣло такъ просто, что тутъ не можетъ быть рѣчи о хозяевахъ и работникахъ, ни о спеціальной организаціи: каждый исполняетъ то, къ чему онъ болѣе способенъ, артель къ тому обыкновенно составляется изъ родственниковъ, и никому и въ голову не приходитъ дѣлить добычу иначе, какъ по числу работниковъ. Часть ея удѣляютъ даже и непринимающимъ участія въ охотѣ, ибо развѣ родовые боги даютъ только однимъ, а не всѣмъ членамъ рода? То же и при охотѣ на лѣсныхъ звѣрей, если она ведется въ компаніи, но обычно охотникъ, какъ и рыболовъ, можетъ совершенно обойтись въ своихъ промыслахъ безъ посторонней помощи. И, дѣйствительно, въ сезонъ рыбной ловли гиляцкое населеніе расходится во всѣ стороны; каждый хозяинъ удаляется на свое излюбленное мѣстечко. Въ сезонъ охоты каждый заби-

рается въ свой промысловый балаганъ и отсюда слѣдитъ за своими ловушками, по недѣлямъ не видя посторонняго человѣка.

Такимъ образомъ, преобладающая форма труда индивидуальная. Каждый долженъ умѣть дѣлать в с е, обладать всѣми знаніями своего племени, быть равной со всѣми, всесторонне развитой и подготовленной къ жизни личностью.

А такъ какъ дары природы обильны, свободны и доступны усиліямъ каждаго, то благосостояніе человѣка зависитъ, слѣдовательно, исключительно отъ его способностей и усердія. Неравенство, которое, при болѣе сложныхъ условіяхъ, является источникомъ раздоровъ и соціальной розни, здѣсь не проявляетъ своихъ тернієвъ. Богатый человѣкъ всѣмъ обязанъ исключительно лично своимъ талантамъ и добродѣтелямъ. Его накопленія никого не могутъ ни порабощать, ни унижать. Кромѣ того, личныя достоинства человѣка—даръ боговъ, и избранникъ не можетъ ни вызывать зависти, ни гордиться своими преимуществами [1]).

Его покровители, посылающіе ему звѣрей въ тайгѣ и рыбу въ водѣ, общіе геніи рода. Копить свои богатства, не дѣлясь съ сородичами, значило-бы присваивать себѣ то, что принадлежитъ ему сообща со всѣми, и высшее честолюбіе такого человѣка —проявлять свою щедрость и благоволеніе окружающимъ.

Таковы экономическія отношенія, выработавшія цѣльную, равную по подготовкѣ и знаніямъ съ другими личность, исключающія возможность взаимнаго порабощенія и создающія здоровую атмосферу сознанія каждымъ своей свободы и самоопредѣленія.

Но высшую цѣльность придаетъ человѣку его соціально-религіозное міросозерцаніе. Основная аксіома каждаго состоитъ въ томъ, что все его существованіе и благополучіе всецѣло въ рукахъ боговъ, въ частности боговъ родовыхъ, дарящихъ свое

---

[1]) Хорошей иллюстраціей къ воззрѣнію гиляка на происхожденіе личнаго богатства можетъ послужить слѣдующій примѣръ. На запад. берегу Сахалина самымъ богатымъ человѣкомъ въ мое время считался нѣкто Гибль изъ с. Танги. Онъ, дѣйствительно, выдающійся по уму, промысловымъ талантамъ и энергіи человѣкъ. Кромѣ того, ему помогли знакомства съ русскими чиновниками, которымъ онъ служилъ поставщикомъ мѣховъ и коллекцій. Но логика гиляка видѣла причину его чрезвычайнаго богатства совсѣмъ въ особомъ обстоятельствѣ, именно, въ томъ, что онъ когда-то далеко въ горахъ нашелъ подъ бревномъ какой-то лоскутокъ матеріи, чудесный талисманъ, посланный ему богами.

благоволеніе **не одному, а всѣмъ**. Всякая попытка монополизировать дары боговъ неминуемо должна повлечь за собою справедливую кару общихъ благодѣтелей рода.

Все, что предписываетъ религія и родовая мудрость для снисканія благоволенія боговъ, является благомъ для **каждаго**, и исполнять ихъ требованія значитъ только заботиться о себѣ. То же—со всѣми предписаніями родовой регламентаціи, будь это нормы половыя, правила мести или религіозные обряды; всякое нарушеніе ихъ со стороны одного—„грѣхъ“ общій и губительно для каждаго.

Всѣ болѣе или менѣе важные акты соціальной жизни вплоть до самопожертвованія въ битвѣ мести за сородича—категорическіе императивы религіознаго міросозерцанія, не знающіе колебаній, не требующіе понужденія. Всѣ инстинкты самосохраненія совершенно гармонируютъ съ религіозными представленіями. Актомъ мести человѣкъ защищаетъ свою безопасность, но имъ же онъ исполняетъ религіозный долгъ, умиротворяя душу убитаго, которая съумѣетъ покарать, если она останется неотомщенной. И такъ—во всемъ...

Здоровая, цѣльная, всесторонне развитая личность съ цѣльнымъ религіозно-соціальнымъ міросозерцаніемъ, создающимъ полную гармонію личнаго и общественнаго интересовъ и двигателей жизни — такова скрытая, но могучая пружина родового механизма.

Посмотрите, какъ безъ всякой регламентаціи и органовъ принужденія, однимъ произволеніемъ личности, движется сложный механизмъ родовой жизни.

Вотъ умеръ семейный сородичъ. Необходимо обезпечить его семью, сохранить имущество до достиженія совершеннолѣтія наслѣдниковъ и необходимо, во избѣжаніе споровъ, рѣшить, къ кому перейдетъ вдова покойнаго. Нѣтъ судей, нѣтъ властей, но, черезъ нѣкоторое время послѣ погребенія покойника, сойдутся ближайшіе сородичи, потолкуютъ, выслушаютъ претендентовъ, и, на комъ остановятся, тотъ будетъ мужемъ вдовы и отцомъ осиротѣвшихъ.

Или: та или другая семья временно бѣдствуетъ. Нѣтъ спеціальнаго органа, который долженъ былъ-бы позаботиться о ней: это лишнее, потому-что въ любомъ домѣ хотя-бы самаго отдаленнаго сородича она найдетъ гостепріимство и помощь, пока

не минетъ тяжелое время. И никому не обидно, потому что рѣдко кому не приходится время отъ времени пользоваться гостепріимствомъ или оказывать его другому.

Вотъ необходимо устроить хлопотливый и дорого стоющій родовой праздникъ. Нѣтъ ни сборовъ, ни понужденій, ни организаціи пріема гостей и т. п. Каждый по совѣсти готовитъ, сколько въ силахъ, каждый вноситъ свою долю труда, а одинъ кто-нибудь, кто побогаче, беретъ на себя заботы по устройству. Къ нему всѣ сносятъ приготовленныя яства и закупки, къ нему сходятся для участія въ предпраздничныхъ работахъ.

Во время медвѣжьяго праздника съѣзжаются, кромѣ того, со всѣхъ концовъ много десятковъ народу. Надо въ теченіе нѣсколькихъ дней кормить не только людей, но и ихъ многочисленныхъ собакъ. Сколько хлопотъ, сколько расходовъ! Между тѣмъ все устраивается просто и къ общему удовлетворенію. Каждый гость предпочитаетъ заѣхать, разумѣется, къ тому, кто ему поближе по родству или симпатіи, гдѣ его принимаютъ не по долгу, а по влеченію; но и въ любомъ домѣ каждый пріѣзжій находитъ искренній радушный пріемъ, потому-что каждому охота въ дни праздничнаго подъема проявить свою симпатію и широкое общеніе съ новыми людьми.

Явился голодъ, призракъ грозной бѣды, которая можетъ унести все населеніе деревни. Всѣ голодающіе, которымъ не удалось разъѣхаться въ болѣе счастливыя мѣста, собираются въ домѣ того, у кого сохранились запасы, и законы гостепріимства столь же властны въ черный день, какъ въ дни изобилія.

Но худшее бѣдствіе: убитъ сородичъ! Война неминуема!.. Все населеніе становится подъ оружіе. Нѣтъ постояннаго вождя, нѣтъ старѣйшаго, нѣтъ и выборовъ. Естественный вождь давно извѣстенъ и всѣми признанъ: это самый храбрый и удачливый изъ сородичей; это такъ называемый „хозяинъ“, „ызъ“, на него обращены всѣ взоры!

И въ одинъ моментъ равный между равными становится вдругъ военноначальникомъ, отдаетъ распоряженія, распредѣляетъ оружіе, назначаетъ время похода и т. д., и его слушаютъ, какъ диктатора. Умеръ или погибъ этотъ естественный вождь, всякій знаетъ того достойнѣйшаго, который можетъ его замѣнить.

Возникъ гражданскій споръ между сородичами или между пред-

ставителями различныхъ родовъ. Нѣтъ установленныхъ судей, которые ex officio рѣшаютъ споры и тяжбы. Очень часто истецъ является самъ себѣ судьей и исполнителемъ. Разъ отвѣтчикъ отказался добровольно выполнить свое обязательство, истецъ, не задумываясь, отцѣпитъ собаку отъ запряжки должника или полѣзетъ въ его амбаръ, чтобы отобрать себѣ вещь, равноцѣнную его иску. И истецъ считаетъ это въ порядкѣ вещей. Не всегда, конечно, такой способъ возможенъ. Но и тогда дѣло обходится безъ властей предержащихъ. Достаточно только обиженному обратиться непосредственно или черезъ хлай-нівух'а (см. выше) къ одному, двумъ авторитетнымъ лицамъ—„хозяевамъ" изъ сородичей обидчика, и дѣло рѣшается очень скоро. Они вызываютъ обидчика, который является обыкновенно въ сопровожденіи своихъ близкихъ, а иногда хлай-нівух'а. Собираются и посторонніе. По выслушаніи обѣихъ сторонъ и мнѣній присутствующихъ, мнѣніе, принятое большинствомъ, пріобрѣтаетъ силу приговора. Обыкновенно обидчикъ подчиняется добровольно, въ противномъ случаѣ вершители дѣла отправляются въ амбаръ обидчика и отбираютъ присужденное...

Но кто же эти а в т о р и т е т н ы я л и ц а, которыя въ экстренныхъ случаяхъ являются на сцену и лично или вмѣстѣ съ „міромъ сородичей, какъ власть имущіе, проявляютъ свою инціативу и энергію? Какую роль играютъ они въ обыкновенной жизни?

На нихъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Это такъ называемые ыз —„хозяева" *), иначе урдля-нівухи—хорошіе, т. е. богатые, выдающіеся люди (хорошій и богатый—синонимы у всѣхъ первобытныхъ народовъ). Это индивиды, пользующіеся выдающимся благосостояніемъ, благодаря своимъ исключительнымъ индивидуальнымъ достоинствамъ—храбрости,

*) На роль такихъ личностей въ структурѣ первобытныхъ обществъ до сихъ поръ мало обращали вниманія. Ихъ роль затемнялась классификаціемъ ихъ только какъ п р е д с т а в и т е л е й б о г а т с т в а. Вотъ одинъ изъ совсѣмъ свѣжихъ примѣровъ такого отношенія. Отдѣльныхъ классовъ „благородныхъ" и „низшихъ" не существуетъ въ сѣверно-западной Калифорніи, но п о ч т и в о в с ѣ х ъ д ѣ л а х ъ ж и з н и *богатый человѣкъ* играетъ важнѣйшую роль. (Types of Indian culture in California, by A. Z. Kroeber; University of California, Publications, June, 1904 v. II). Еще спасибо, впрочемъ, можно сказать, что подобные факты хоть отмѣчаются.

ловкости, силѣ, предпріимчивости, уму, ставящимъ ихъ въ преимущественное положеніе въ дѣлѣ добыванія средствъ къ жизни. Такой индивидъ—цѣнный человѣкъ для окружающихъ. Для тѣснаго круга своей собственной семьи—онъ естественный глава общаго хозяйства, которое, благодаря его предпріимчивости и талантамъ, ведется съ бо́льшими выгодами, чѣмъ въ разбивку. Громадная семья, группирующаяся вокругъ него, лучше обезпечена не только естественными продуктами, но и покупными—табакомъ, рисомъ, чумизой и т. д., потому что богатство и ассоціація даютъ ему возможность предпринимать дальнія поѣздки для обмѣны пушниной и пріобрѣтенія товаровъ изъ первыхъ рукъ. Онъ хранитель общаго „шагунд“ своихъ ближайшихъ родныхъ, и обладатель собственнаго богатаго собранія „шагунд“, которымъ въ случаѣ надобности можетъ воспользоваться его сородичъ.

Для всего рода онъ не только человѣкъ, у котораго открытый домъ, у котораго всегда можно хорошо поѣсть, полакомиться табакомъ, чаемъ, послушать интересныхъ вещей, но который можетъ выручить въ минуту нужды. Но особенно безцѣнна его помощь въ моменты общественнаго бѣдствія, какъ война, столкновеніе въ дѣлѣ мести, при тяжбѣ съ чужеродцемъ. У него запасы лучшаго оружія, перевозочныхъ средствъ, его имя страшно врагу, который поэтому гораздо легче соглашается на примиреніе, наконецъ, у него запасы „шагунд“, когда придется платить выкупъ. Кромѣ того, обыкновенно такой человѣкъ обладаетъ и недюжиннымъ умомъ, краснорѣчіемъ, богатымъ опытомъ и знаніемъ жизни и людей: это естественный ораторъ, „хлай-нівухъ“, играющій столь важную роль въ дѣлахъ мести и гражданскихъ спорахъ; къ нему прибѣгаютъ даже изъ сосѣднихъ родовъ, когда необходимо вмѣшательство посредниковъ. Среди такихъ из'ей есть лица, которыя пользуются громкой извѣстностью и почетомъ по всей территоріи гиляцкой осѣдлости. По образу и подобію этихъ из ей создаются образы боговъ, „хозяевъ“ горъ, морей, неба, рѣкъ и т. д. Мало того, къ нимъ самимъ относятся не просто съ уваженіемъ, но съ чувствомъ религіознаго преклоненія. Изъ такихъ лицъ, при благопріятныхъ условіяхъ, вырабатываются тѣ элементы власти, которые мы видимъ у другихъ племенъ, стоящихъ на другой ступени культурныхъ условій. Въ одномъ случаѣ такіе из'и становятся совѣтомъ старѣйшинъ, которые передъ народнымъ

собраніемъ въ лицѣ рода рѣшаютъ дѣла общины. При другихъ обстоятельствахъ, когда племя вынуждено вести частыя войны, наиболѣе выдающіеся ыз'и становятся пожизненными или наслѣдственными начальниками племенъ, предводителями дружинъ, викингами, основателями династій.

Но въ родовой жизни гиляковъ подобныя личности не претендуютъ еще ни на что подобное. Ихъ роль слишкомъ еще незначительна, во всякомъ случаѣ случайна въ сравненіи со сложными функціями рода, механизмъ и жизнь котораго зиждется на равноцѣнности и иниціативѣ цѣльной личности каждаго. Что такое ыз̀, какъ не та же цѣльная личность въ ея высшемъ проявленіи индивидуальности? Вліяніе ыз̀я поэтому чисто фактическое, моральное, между нимъ и бѣднѣйшимъ изъ его сородичей нѣтъ еще никакой пропасти ни въ умственномъ, ни въ экономическомъ отношеніи, и въ то же время надъ всѣми доминируетъ высшая братская связь религіозно-соціальнаго союза рода.

Таковъ механизмъ родовой жизни. Его дѣйствительная пружина—всесторонне развитая личность съ цѣльнымъ религіозно-соціальнымъ міровоззрѣніемъ. Организованная власть совершенно отсутствуетъ. За всѣмъ тѣмъ хотя невидимо, безъ всякой претензіи на власть, элементы авторитета имѣются; это элементы не оформленные, выступающіе на сцену стихійно, спонтанейно, отнюдь не какъ постоянные элементы власти, которые отодвигалибы на задній планъ свободное проявленіе личности, но эти элементы все-таки имѣются. Ихъ три:

Прежде всего это х а л ь, родъ, т.-е., вся совокупность или, по крайней мѣрѣ вся наличная въ данный моментъ часть взрослыхъ сородичей, которая, не имѣя ни главы, ни регулярныхъ собраній, обыкновенно неожиданно появляется на сцену, когда какой-нибудь серіозный случай требуетъ его вмѣшательства, и, разрѣшивъ тотъ или другой вопросъ, исчезаетъ со сцены такъ же стихійно, какъ появился.

Далѣе, hejмар'ы, старцы, весь авторитетъ которыхъ заключается въ разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ культа и родства.

Нѣкоторую роль они играютъ во время родовыхъ праздниковъ, а которыхъ они обыкновенно являются главными распорядите-

лями; это своего рода жрецы рода. Но ни вліяніемъ, ни фактическимъ значеніемъ въ другихъ важнѣйшихъ проявленіяхъ жизни рода они не пользуются.

Наконецъ, третьимъ элементомъ авторитета являются ыз'и, о роли которыхъ мы уже говорили.

Изъ этихъ трехъ элементовъ при благопріятныхъ условіяхъ могли бы выработаться тѣ разнообразныя формы власти, различныя комбинаціи которыхъ (народныя собранія, совѣтъ старѣйшинъ, патріархи, цари-жрецы и военноначальники, герцоги, викинги, короли и т. д.) находимъ у многихъ полукультурныхъ народовъ въ настоящее время и у всѣхъ нынѣшнихъ цивилизованныхъ націй на зарѣ ихъ исторіи. Но у гиляковъ эти элементы только въ зародышѣ, и едва ли когда-либо имъ суждено получить толчекъ къ дальнѣйшему развитію.

VIII.

Междуродовыя отношенія.

Но родъ не самодовлѣющее учрежденіе, и не однимъ родомъ, къ которому человѣкъ принадлежитъ по происхожденію, ограничиваются его интимныя узы.

Каждый родъ, по основному принципу своего матримоніальнаго права, связанъ брачными узами по крайней мѣрѣ еще съ 4-мя родами, родами ахмальк и ымгі. Между этими родами образуется столь важная въ глазахъ первобытнаго человѣка связь кровнаго родства, связь общаго происхожденія по матери (родоначальники всѣхъ 4-хъ родовъ и представители каждаго поколѣнія ихъ взаимно двоюродные братья по матери), а къ этому присоединяются тѣ могучія узы естественной интимности, которыя порождаются поколѣніями женщинъ, переплетающихъ эти роды въ безпрерывной цѣпи брачныхъ союзовъ. На практикѣ, какъ мы знаемъ, узы эти далеко расширяются за предѣлами первоначальныхъ 4-хъ родовъ. Прежде всего, сверхъ этихъ послѣднихъ, каждый родъ, съ которымъ хотя-бы одинъ сородичъ вступилъ въ матримоніальныя отношенія, является уже ахмальк'омъ или ымгі всему его роду. Съ другой стороны, мы знаемъ, то каждый ахмальк и каждый ымгі сохраняетъ свое званіе не-

только по отношенію къ тѣмъ родамъ, съ которыми онъ непосредственно связанъ матримоніально, но и къ тѣмъ, которые считаются соотвѣтственно ымгі и ахмалык'ами первыхъ, такъ что, кромѣ ахмалык'овъ и ымгі 1-ой степ., каждый имѣетъ еще таковыхъ 2-ой, 3-ьей степ. и т. д. Всѣ эти роды между собою именуются пандф'ами, лицами общаго происхожденія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что тотъ основной принципъ, простой и ясный, который легъ въ основаніе семьи и рода, принципъ, по которому человѣкъ предпочтительно женится на дочери брата своей матери, становится базисомъ кровныхъ узъ и симпатій не только внутри каждаго отдѣльнаго рода, но и болѣе обширныхъ союзовъ, междуродовыхъ и, наконецъ, всего племени. Правда, въ силу указанныхъ нами неблагопріятныхъ условій, какъ разбросанность маленькаго племени по огромной территоріи и мн. др., эти узы не могли оформиться въ такія законченныя организаціи, какъ фратріи и племена, наприм., сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, но онѣ и тутъ создали атмосферу соціальнаго единенія, которое вывело родъ изъ эгоистической замкнутости на путь междуродового общенія и братства.

Остановимся теперь ближе на тѣхъ узахъ, которыя возникаютъ между родами пандф, между каждымъ родомъ и тѣми, откуда гилякъ беретъ женъ или куда отдаетъ своихъ женщинъ. Эти узы не ограничиваются только одними чувствами, онѣ выражаются въ довольно реальныхъ формахъ.

Прежде всего это обязанность взаимнаго кормленія и гостепріимства. Это въ сущности только распространеніе таковой же обязанности, существующей внутри рода, на кровныхъ пандф'овъ, распространеніе на нихъ того благоволенія родовыхъ божествъ, которое имъ по праву принадлежитъ по женской линіи. „Ымгі (зятя) кормить должно"—такъ гласитъ формула этой междуродовой обязашности.

Это правило, впрочемъ, отнюдь не выражается въ томъ, что ахмалык обязанъ постоянно содержать зятя и его семью въ своемъ домѣ. Можетъ быть, въ очень отдаленное время, въ періодъ матернитета, когда мужъ переходилъ на жительство въ домъ жены, оно фактически такъ и было, но въ настоящее время, при агнатныхъ принципахъ, жена переходитъ въ домъ мужа и обыкновенно совсѣмъ переселяется въ родовое мѣстожительство

супруга. Тѣмъ не менѣе принципъ „кормленія“, какъ мы увидимъ, граетъ немаловажную роль въ объединеніи родовъ.

Онъ закрѣпленъ въ особомъ, чрезвычайно своеобразномъ религіозномъ обрядѣ, который состоитъ въ слѣдующемъ. Въ послѣдній моментъ передъ самымъ уводомъ невѣсты изъ дома ея отца ставится передъ порогомъ съ внутренней стороны большой 4-хъ-ушный чугунный котелъ, привезенный женихомъ, какъ часть калыма за невѣсту, а съ наружной стороны—небольшой котелокъ, принадлежащій отцу молодой. При выходѣ и женихъ, и невѣста должны наступить ногой сначала на внутренній, потомъ на наружный котелъ: первый остается у тестя, а второй увозится домой женихомъ—ымгі. Черезъ годъ, когда, по установленному обычаю, молодые пріѣзжаютъ въ гости къ ахмалык'у, передъ отъѣздомъ повторяется та же церемонія: только на этотъ разъ ставится по обѣимъ сторонамъ порога по котелку и чашкѣ, которыми опять таки взаимно обмѣниваются, какъ и въ первомъ случаѣ. Характерно, что обмѣниваемые предметы носятъ названія ӈіч (моетвое: символъ взаимнаго кормленія), а весь обрядъ называется ніч зычывынд (топтаніе ӈіч'а). Онъ называется также: лымызьнзанд—топтаніе порога, что̀ указываетъ на религіозный элементъ обряда, въ которомъ играетъ роль такъ называемая лымызьн-мам—старуха, хозяйка порога, женщина-предокъ, геній-хранительница дома, кровь которой течетъ одинаково въ жилахъ обоихъ молодоженовъ, дѣтей брата и сестры. Въ тѣсной связи съ этимъ обрядомъ стоитъ и описанный нами моментъ на медвѣжьемъ праздникѣ, когда передъ стрѣльбой въ цѣль хозяинъ медвѣдя (ахмалык) и его ымгі ставятъ каждый подлѣ себя по топору и котелку, которые тоже называются ӈіч и которыми тоже взаимно обмѣниваются. Если первый обрядъ символизируетъ взаимное кормленіе, то второй—взаимное сотрудничество въ промыслахъ, что, какъ увидимъ сейчасъ, имѣетъ за собою вполнѣ реальное основаніе.

Принципъ „кормленія“ не ограничивается періодическими наѣздами въ гости для свиданія съ родственниками жены, хотя и они имѣютъ нѣкоторое экономическое значеніе, такъ какъ всякій разъ ахмалык'и, сверхъ оказаннаго гостепріимства, еще всегда одариваютъ чѣмъ-нибудь цѣннымъ своихъ ымгі, особенно въ первый пріѣздъ послѣ женитьбы, когда зятю дарятся по обы-

чаю, смотря по состоянію, одна или нѣсколько паръ нарядной мужской одежды. Гораздо важнѣе случаи дѣйствительной нужды. Бываютъ моменты, когда собственный родъ оказывается безсильнымъ помочь своему сородичу, потому что бѣдствіе, постигшее одного, постигло всѣхъ. Стоитъ почему-либо въ сезонъ хода рыбы послѣдней почему-либо уклониться отъ обычнаго своего пути, и общее бѣдствіе готово. И вотъ тогда имѣется простой выходъ. Человѣкъ забираетъ свою семью, своихъ собакъ и вообще подвижный скарбъ и переселяется на цѣлый сезонъ въ селеніе тестя.

Здѣсь его встрѣчаютъ съ распростертыми объятіями, и онъ съ первой минуты чувствуетъ себя, какъ дома, гдѣ его кормятъ и поятъ и дѣлятся всѣмъ. Конечно, зять не дармоѣдничаетъ, кое-чѣмъ помогаетъ, но это далеко не всегда окупаетъ расходы, вызываемые пріѣздомъ надолго нежданно-негаданно цѣлой семьи, зачастую въ періодъ, когда запасы рыбы уже сдѣланы и увеличить ихъ уже невозможно.

Такія же братскія отношенія между ахмальк'ами и ымгі проявляются въ морскихъ промыслахъ и охотничьихъ предпріятіяхъ.

Наиболѣе важные изъ нихъ требуютъ участія нѣсколькихъ лицъ; таковы—лѣтняя и зимняя (добываніе изъ берлоги) охота на медвѣдя, соболій промыселъ и особенно промыселъ на лодкѣ за морскими животными. И вотъ замѣчательно, что въ этихъ случаяхъ гилякъ приглашаетъ къ участію чаще всего не своихъ сородичей, а ымгі, притомъ не непремѣнно женатыхъ на его сестрѣ или дочери, а ымгі вообще, т.-е. молодыхъ людей изъ того рода, который у него беретъ женъ. Съ ними гилякъ чувствуетъ себя лучше, чѣмъ съ собственными сородичами: съ ними онъ можетъ невозбранно говорить и шутить, между тѣмъ какъ изъ сородичей, какъ мы знаемъ, не со всякимъ это допускается. Въ свою очередь, ымгі чувствуютъ себя среди рода ахмальк'а какъ рыба въ водѣ: всѣ женщины ихъ поколѣнія для нихъ аньгей (жены)—все будущія жены и во всякомъ случаѣ женщины, на которыхъ они во всякое время имѣютъ супружескія права въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Что касается мѣстной мужской молодежи, то она находитъ себѣ реваншъ въ родѣ своихъ ахмальк'овъ, гдѣ представители ея встрѣчаютъ такой же пріемъ у своихъ „тестей“ и среди многочисленныхъ своихъ „женъ“. Между мужской моло-

дежью обоихъ родовъ („навх'ами“) [1]) устанавливаются, благодаря частымъ свиданіямъ, уже не говоря о матримоніальномъ родствѣ, самыя трогательныя отношенія. Это та среда, гдѣ больше всего процвѣтаетъ дружба. У гиляковъ очень въ ходу обычай побратимства. Обыкновенно оно выражается въ періодическомъ обмѣнѣ подарками, взаимной помощи въ бѣдѣ и т. п. услугахъ. Но самые трогательные случаи побратимства приходится наблюдать среди навх'овъ. Одинъ такой примѣръ, особенно меня поразившій, мнѣ пришлось видѣть въ с. Нгамбе-во, на восточномъ берегу Сахалина. Оба друга „навх'и“ жили въ одной юртѣ, все у нихъ было общее, ходили другъ за другомъ, какъ влюбленные, почти никогда не разлучаясь — настоящіе Орестъ и Пиладъ. Правда, оба были очень молоды, холосты, и трудно сказать, что сталось съ ихъ чувствами впослѣдствіи, но уже одна возможность такихъ примѣровъ рельефно рисуетъ отношенія между членам матримоніальныхъ родовъ.

Принципъ взаимопомощи между послѣдними выражается и въ правѣ наслѣдованія, которое, несмотря на строго агнатную основу, знаетъ одно исключеніе, именно по отношенію къ пандф'амъ: по завѣщанію, какъ мы уже знаемъ, ымгі можетъ получить желѣзный „шагунд“ (т.-е. идущій на калымъ), а ахмалькъ— „шагунд“ мѣховый (идущій на приданое невѣстѣ). Это правило, сводящее калымъ къ простой формальности перекладыванія его изъ одного кармана въ другой, между прочимъ, служитъ важнымъ указаніемъ того, что калымъ у гиляковъ первоначально не носилъ характера платы за невѣсту, а скорѣе являлся формой религіознаго выкупа. Но за что?

Дѣло въ томъ, что, при гиляцкихъ пормахъ брака, калымъ является вообще странной аномаліей. Въ самомъ дѣлѣ, разъ бракъ религіозно обязателенъ изъ рода матери, да еще предпочтительно между дѣтьми брата и сестры, то какая же рѣчь можетъ быть о платѣ или выкупѣ за невѣсту? Очевидно, что возникновеніе этого института должно было быть вызвано какой-нибудь новѣйшей перемѣной въ брачныхъ пормахъ. Эту перемѣну мы знаемъ: она заключалась въ томъ, что въ нѣкоторыхъ слу-

---

[1]) Напомнимъ, что навх'ами называютъ себя взаимно ымгі и „братья“ ихъ „женъ“.

чаяхъ, когда бракъ изъ рода матери оказывался невозможнымъ, приходилось брать женъ изъ постороняго рода, но этотъ послѣдній, въ свою очередь, обязалъ былъ беречь своихъ женщинъ для собственныхъ закопныхъ ымгі и могъ поэтому согласиться на отдачу женщины чужому не иначе, какъ замаскировавъ это какимъ-нибудь актомъ благочестиваго обмана боговъ, который въ то же время былъ-бы связанъ съ личными выгодами тестя. По аналогіи съ религіознымъ выкупомъ при мести (см. выше) и создался институтъ калыма, удовлетворявшій и интересамъ тестя, и требованіямъ религіи. Въ свою очередь, родъ ымгі, нарушившій свой законъ, ограждалъ себя другой фикціей: весь родъ „незаконнаго“ тестя получилъ титулъ ахмальк'а и становился какъ бы закопнымъ родомъ для брачныхъ союзовъ. По мѣрѣ учащенія подобныхъ случаевъ калымъ, исключительный генезисъ котораго былъ забытъ, сталъ общимъ правиломъ при всѣхъ бракахъ даже съ законными родами.

Таково, можетъ быть, происхожденіе калыма и у другихъ народовъ.

Другимъ важнымъ факторомъ, закрѣпляющимъ узы между матримоніальными родами, является участіе пандф'овъ въ медвѣжьемъ праздникѣ.

Въ смыслѣ цементированія междуродовыхъ отношеній онъ играетъ едва-ли не бо́льшую роль, чѣмъ олимпійскія игры для племеннаго объединенія грековъ. Медвѣжій праздникъ происходитъ каждую зиму то въ одномъ, то въ другомъ селеніи, а въ селеніяхъ многолюдныхъ рѣдкая зима проходитъ безъ праздника. Посѣтить такой праздникъ не сопряжено ни съ какими затрудненіями. Запрягается парта, которая имѣется у каждаго хозяина, и отправляются въ путь: все остальное не забота гостя.

Вездѣ по пути, равно какъ и въ селеніи, гдѣ происходитъ праздникъ, будутъ кормить его собакъ и его самого угощать самыми изысканными блюдами. А за маленькое безпокойство путешествія—цѣлый рядъ высокихъ соціальныхъ удовольствій. Во-первыхъ, самый обрядъ праздника—процессія, стрѣльба въ цѣль, убіеніе, обряженіе медвѣдя и т. д. Далѣе, встрѣчи съ самыми умными и почетными представителями племени. Наконецъ, состязаніе въ борьбѣ, гонкахъ, пляскахъ, пиршества, бесѣды, шутки, пѣсни, словомъ—бездна наслажденій. На суровомъ фонѣ

сѣраго существованія, исполненнаго голодовокъ, лишеній, опасностей и однообразія впечатлѣній, медвѣжьи праздники являются самыми свѣтлыми моментами жизни, своего рода вѣхами житейскаго пути, о которыхъ вспоминаютъ и мечтаютъ... Но эти шумныя многолюдныя празднества строго регламентированы. Кромѣ сородичей, приглашаются только ымгі, которые имѣютъ право приглашать уже отъ себя своихъ ымгі, но ахмалькʼи вовсе не участвуютъ.

До такой степени строго соблюдается это правило, что тотъ самый хозяинъ, который всѣ силы употребитъ, чтобы какъ можно почетнѣе принять и одарить своего ымгі, на праздникъ къ этому послѣднему даже не приглашается, но за то онъ будетъ первымъ гостемъ у своего ахмалькʼа. Образуется такимъ образомъ непрерывная цѣпь, соединяющая длинный рядъ родовъ въ ихъ соціально-религіозныхъ празднествахъ.

Какую важную роль играютъ ымгі на медвѣжьемъ праздникѣ, мы уже отчасти говорили въ главѣ о религіи. Имъ выѣзжаютъ навстрѣчу за много верстъ, имъ предоставляютъ самую почетную функцію на праздникѣ, именно убіеніе медвѣдя, и все время они служатъ центромъ вниманія всего рода. Ихъ вездѣ откармливаютъ до отвала, рвутъ изъ юрты въ юрту и, наконецъ, передъ отъѣздомъ имъ отдаютъ бо́льшую часть туши медвѣдя. Всѣ эти акты гостепріимства и почетнаго вниманія увѣнчиваюття серьезными религіозными обрядами, санкціонирующими братскій союзъ родовъ. Въ началѣ праздника ымгі обмѣнивается съ хозяиномъ ѣічʼами (символъ общаго сотрудничества въ промыслахъ, см. выше); передъ отъѣздомъ на прощаніе ымгі даритъ своему ахмалькʼу собакъ, которыя вмѣстѣ съ собаками послѣдняго пойдутъ къ хозяину горъ и общему кормильцу рода, а въ послѣдній моментъ ымгі совершаетъ церемонію „топтанія порога“ (см. выше). Такія вещи для первобытнаго человѣка не формальности, онѣ закрѣпляютъ узы родства высшей санкціей религіознаго авторитета.

Но узы эти не ограничиваются только временными „кормленіями“, гостепріимствомъ, приглашеніями на промыслы и празднества.

Онѣ идутъ еще дальше, поднимаясь въ своей интенсивности до силы настоящей родовой связи. Когда у человѣка мало сородичей, или онъ плохо ладитъ съ ними, онъ покидаетъ родовое

селеніе и навсегда переходитъ жить къ пандф'амъ. Вотъ почему, между прочимъ, такъ мало селеній съ однороднымъ составомъ жителей; вездѣ сородичи перемѣшаны со своими ымгі или ахмальк'ами. Но особенно цѣнными оказываются эти узы въ дѣлахъ мести. Въ экстренныхъ случаяхъ, когда родъ, вовлеченный въ войну, оказывается малосильнымъ, пандф'ы помогаютъ ему „поднимать кость" и обороняться отъ нападеній съ тѣмъ же самоотверженіемъ, какъ и собственнымъ сородичамъ. Только въ уплатѣ тхусінд пандф'ы не могутъ участвовать. Еще болѣе, быть можетъ, цѣнны матримоніальныя узы въ дѣлѣ примиренія родовъ, особенно когда враждующіе изъ-за мести роды сами между собою пандф'ы, какъ это нерѣдко и случается, и мы уже высказали въ главѣ о мести свое убѣжденіе, что самый институтъ в и р ы, по всей вѣроятности, обязанъ своимъ происхожденіемъ благодѣтельному вліянію женщинъ и религіозно-соціальнымъ узамъ, связывающимъ матримоніальные роды.

Таковы отношенія между родами ахмальк' и ымгі, отношенія, расширяющія узкія рамки замкнутаго рода и распространяющія его симпатіи на цѣлый рядъ постороннихъ родовъ. Это цѣлая школа соціальнаго воспитанія, школа благоволенія, гостепріимства, состраданія, и, наконецъ, соціальной благовоспитанности. Въ этой школѣ создаются тѣ соціальные навыки и чувства, которые въ концѣ концовъ становятся сильнѣе междуродовыхъ узъ, и превращаются въ симпатіи къ цѣлому племени и, наконецъ, къ людямъ вообще. Терминъ навх, которымъ именуютъ другъ друга въ соотвѣтствующихъ поколѣніяхъ представители родовъ ымгі и ахмальк, въ концѣ концовъ сталъ обычнымъ обращеніемъ, съ которымъ адресуются ко всякому чужеродному и незнакомцу. Этотъ формальный оборотъ есть только выраженіе настоящаго глубокаго переворота въ отношеніи къ чужеродцамъ.

Гостепріимство, вѣжливость, состраданіе—добродѣтели, которыя гиляки въ дѣйствительности примѣняютъ ко всѣмъ безъ различія, не только къ чужеродцу-единоплеменнику, не только къ исконнымъ иноплеменнымъ сосѣдямъ, какъ ороки, гольды, айны, но и къ новымъ пришельцамъ, тунгусамъ, якутамъ и, наконецъ, къ русскимъ, причинившимъ имъ такъ много зла. Сколько разъ бѣглые каторжные вырѣзывали цѣлыя семьи гиляковъ послѣ самаго гостепріимнаго пріема съ ихъ стороны, и тѣмъ не менѣе

только въ рѣдкихъ случаяхъ гилякъ откажетъ въ гостепріимствѣ забредшему къ нему русскому. Если случалось, что гиляки поступали [1]) жестоко съ бѣглыми, то это было не болѣе какъ родовая месть за убитыхъ сородичей,—то же, что́ они считаютъ своимъ долгомъ дѣлать по отношенію къ своему же единоплеменнику-убійцѣ. Но отдѣльные акты подобнаго рода нисколько не измѣняютъ общаго ихъ отношенія къ иноплеменникамъ. Есть, конечно, и у гиляковъ, какъ у цивилизованныхъ народовъ, національные предразсудки, но они исключительно сводятся къ незнанію, къ незнакомству съ чуждымъ, неизвѣстнымъ элементомъ, дающему полный просторъ для фантастическихъ представленій и опасеній. Такіе предразсудки у нихъ имѣются даже къ своимъ собственнымъ единоплеменникамъ, живущимъ въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ. Такъ, гиляки западнаго берега Сахалина склонны представлять себѣ своихъ же соплеменниковъ Охотскаго берега чуть-ли не людоѣдами, во всякомъ случаѣ крайне злыми и ворова̀тыми, хотя это чистѣйшій предразсудокъ, вызванный незнакомствомъ или обобщенными единичными случаями. Точно также послѣ первыхъ походовъ нашихъ казаковъ въ XVII ст. гиляки не иначе называли русскихъ, какъ кінр (чортъ), но казаки имъ подали достаточно поводовъ къ этому не только своей странной внѣшностью, невиданнымъ одѣяніемъ и оружіемъ, но и цѣлымъ рядомъ безсмысленныхъ жестокостей и разбойнической жадностью къ „сорока сороковъ“ цѣнныхъ шкурокъ пушнины. Но теперь, когда гиляки встрѣтились съ мирными русскими людьми, они вспоминаютъ о своемъ старомъ „предразсудкѣ“, какъ о смѣшномъ анекдотѣ, и умѣютъ къ своимъ сосѣдямъ относиться съ настоящей человѣчностью.

Но мы удалились нѣсколько отъ нашей главной темы. Мы можемъ теперь резюмировать.

Тѣ несомнѣнные соціальные навыки и чувства, которые мы видимъ въ современномъ гилякѣ, беспорно вынесены имъ изъ благодѣтельной школы соціальныхъ отношеній, выработавшихся первоначально среди матримоніальныхъ родовъ, и отъ нихъ уже были перенесены постепенно сначала и на всякаго единоплемен-

---

[1]) Гиляки разсматриваютъ русскихъ бѣглыхъ, какъ одинъ родъ, представители котораго другъ за друга отвѣчаютъ.

ника, далѣе, на иноплеменныхъ сосѣдей и, наконецъ, на человѣка вообще.

Но источникъ соціальныхъ узъ между матримоніальными родами ахмальк'овъ и ымгі, какъ мы видѣли, коренится въ той удивительной организаціи гиляцкаго р о д а, анализу которой мы посвятили эти главы. Въ этой эволюціи отъ эгоизма замкнутаго рода черезъ узы съ близкими по крови чужеродными пандф'ами до симпатіи и человѣчности ко всякому, близкому и дальнему, заключается, быть можетъ, самый высокій по поучительности выводъ нашего долгаго анализа. Съ того момента, когда установилось правило для человѣка жениться на дочери своего дяди по матери, заложено было и прочное основаніе для широкаго роста соціальныхъ навыковъ и чувствъ.

2007088005